

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство выражает глубокую благодарность Ученому совету Института языкознания АН СССР, который на своем заседании обсудил рукопись русского перевода настоящей книги и своими ценными советами и замечаниями помог в подготовке издания, а также сотрудникам отдела романо-германского языкознания и отдела теории и истории украинского языка Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, прорецензировавшим рукопись перевода и давшим ценные советы по составлению списка литературы.

Издательство искренне благодарит члена-корреспондента АН СССР В. Н. Ярцеву, любезно согласившуюся написать предисловие, и доктора филологических наук Ю. А. Жлуктенко, подготовившего русский перевод, справочный аппарат, прокомментировавшего издание и составившего краткий список работ по проблемам взаимодействия языков и языковых контактов, опубликованных в СССР.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

В данной работе фонологические и фонетические формы передаются посредством Международного фонетического алфавита. Однако по техническим причинам ослабленные глухие взрывные обозначаются уменьшенными прописными латинскими буквами, например [D] = МФА [d]. Ретрофлексное *ɽ* обозначается знаком [ɽ]. В тех случаях, когда произношение не релевантно, формы приводятся в традиционной орфографии. Формы из языков, пользующихся не-латинским алфавитом, транслитерируются с использованием следующих графем: $\check{s} = [\text{ʃ}]$, $\check{\delta} = [tʃ]$, $\check{z} = [ʒ]$, *j* = консонантное *i*, *x* = [X]; палатализация передается знаком '. Ударение в транслитерируемых словах указывается знаком акута над ударным слогом например, русск. *ногá*, *но́жка*.

**ТЕОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ
И РАБОТА У. ВАЙПРАЙХА
«ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ»**

Работа У. Вайнрайха «Языковые контакты», вышедшая в 1953 г. как первый номер серии «Публикации ньюйоркского лингвистического кружка», в известной мере подвела итог многолетним дебатам вокруг проблемы смешения языков. Сам термин «смешение» неоднократно подвергался нападкам со стороны различных лингвистических школ и направлений, однако продолжает употребляться рядом современных лингвистов¹. Этой проблемой интересовались также крупнейшие русские языковеды². Для советского языкознания, в связи с многообразием языков народов Союза ССР, проблема взаимодействия языков и различных форм двуязычия и многоязычия особенно актуальна, свидетельством чему являются многочисленные конференции с последующими публикациями их материалов, проводимые в лингвистических центрах нашей страны³ и посвящаемые различным аспектам языковой интерференции, а также изданные монографические исследования. Продолжают заниматься вышеуказанной проблемой и зарубежные лингвисты⁴. Тем не менее сложность и многоплановость процесса контактирования языков не позволяют утверждать, что все необходимые вопросы поставлены и все ответы на них найдены, и в известной мере остается действенным замечание Л. В. Щербы о том, что «понятие смешения языков — одно из самых неясных в современной лингвистике, так что, возможно, его и не следует включать в число лингвистических понятий, как это и сделал А. Мейе»⁵.

В скептическом высказывании Л. В. Щербы надо обратить внимание на термин «лингвистическое понятие». Взаимодействие языков относится к таким явлениям, где сплетаются факторы лингвистические, психологические, социальные, этноисторические и др. Разумеется, в специальном исследовании ученый имеет право сосредоточить свое внимание на одном, выделенном им круге вопросов и их чисто лингвистическом анализе, но при этом он не должен забы-

вать о диалектике связей языка и мышления, языка и общества. Особенно важно определить соотносительную значимость различных факторов лингвистического и экстралингвистического порядков в том или ином случае взаимодействия языков. Советское языкознание достигло значительных успехов в исследовании проблемы взаимодействия языков именно тогда, когда у нас широко развернулись социолингвистические разыскания, базирующиеся на марксистско-ленинском понимании связи языка и общества.

Ошибкой многих ученых, занимавшихся проблемой двуязычия, было стремление изучать этот процесс исключительно в отношении двуязычного индивида, не обращая внимания на общественные условия возникновения и существования двуязычия в данном коллективе. В работах, посвященных двуязычию, все еще наблюдается описание частных ситуаций, перечисление отдельных фактов без их обобщения. Например, Людовиси при описании фактов двуязычия в Люксембурге оказывается не в состоянии решить для себя вопросы: где же начинается билингвизм? при каком уровне владения двумя языками надо считаться с фактом билингвизма и есть ли здесь вообще возможность установить какие-либо критерии? ⁶ Луи Мишель считает, что следует расширить понятие билингвизма вплоть до случаев пользования местным говором и общим (литературным) языком. Такой тип двуязычия должен, по его мнению, относиться к области диалектологии ⁷. Однако этот последний случай ничего не может дать для изучения процесса смены одного языка другим.

В последнее время для описания функционирования двух типов речи, обладающих разной степенью «престижности», было видвинуто понятие диглоссии ⁸, однако некоторые лингвисты распространяют этот термин на все виды двуязычия, и многообразность терминологии с недостаточно ясным определением понятий, выражаемых тем или иным термином, создает в ряде случаев кажущуюся пестроту мнений.

Последовательно рассматривая различные стороны языка — фонетику, грамматику и лексику, У. Вайнрайх применяет одинаковые приемы анализа случаев подстановки, вытеснения старых элементов системы новыми и тщательно отделяет эти вопросы от «внелингвистических условий». При подобном подходе к делу языки рассматриваются как чисто абстрактные схемы внутренних соотношений, и, как говорит У. Вайнрайх, для целей исследования не существ-

венно, будут ли две взятые системы «языками», или «диалектами одного и того же языка», или «вариантами одного и того же диалекта» (23)⁹. Самый механизм смешения в отвлечении от его количественной стороны одинаков, идет ли речь о столкновении между французским и китайским или между двумя вариантами английского языка, употребляемыми двумя соседними семьями. Среди внелингвистических факторов большую ценность имеют, по мнению У. Вайнрайха и других структуралистов, факторы психологические, в связи с чем психологическая сторона двуязычия в современных работах по взаимодействию языков настойчиво выдвигается на первый план.

Несмотря на то что У. Вайнрайх указывает, что «чисто лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений» (с. 26), он отдает дань психологизму, полагая, что «местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком» (с. 22). Именно поэтому вполне логическим следствием из данной установки является приведенное выше мнение Вайнрайха о том, что для механизма интерференции неважно, смешиваются ли языки родственные или неродственные, отдельные языки или диалекты.

Однако сама психология индивидуума определяется общественно-историческими условиями его принадлежности к данному коллективу, и хотя У. Вайнрайх признает, что в двуязычных группах интерференция проходит более интенсивно (с. 25), взаимоотношения индивида и общества и соотносительная важность различных по характеру факторов для самого процесса взаимодействия языков остаются нераскрытыми. То, что социология языка для У. Вайнрайха — понятие весьма абстрактное, сказывается и тогда, когда он подряд перечисляет случаи двуязычия в группах разного порядка, указывая на роль семьи, религии, возраста, профессии и т. п. (с. 154—163).

Безусловно, большинство школ и направлений, сменявших друг друга в истории языкознания, были вынуждены выразить свое отношение к проблеме связи языка и общества. Слишком очевидна коммуникативная функция языка, чтобы ее можно было полностью игнорировать. Максимально сосредоточивая внимание на внутренней структуре языка как кодированной системе, лингвист нередко оказывается перед необходимостью определить среду функционирования этой

системы, а иногда и установить причинно-следственные связи между интер- и экстралингвистическими фактами. Однако не для всех лингвистических школ современности вопросы взаимозависимости языковой системы и среды ее функционирования актуальны в равной мере, часто они возникают только при решении отдельных задач, не будучи сами по себе отправной точкой всего исследования. В значительной мере это явилось результатом наступившего в XX в. четкого разграничения сфер действия лингвистики внешней и лингвистики внутренней, что было сформулировано еще Ф. де Соссюром, а затем стало аксиомой для большинства современных языковедов.

Во многих случаях проблемы связи языка и общества ставятся не в лингвистических, а в историко-этнологических, социологических и антропологических работах, особенно, если материалом анализа служит культура малых бесписьменных народностей. Характер исследования зависит от того, что привлекает к себе наибольшее внимание ученого: статика или, наоборот, динамика явления. В какой-то степени эти интересы могут сочетаться или перекрещиваться, но существующие лингвистические теории в значительной мере могут быть дифференцированы по этому признаку.

Большую сложность для определения формы контактирования языков в духе дихотомии «синхрония» — «диахрония», принятой на вооружение западноевропейской лингвистикой со времен Ф. де Соссюра, представляет тот неоспоримый факт, что контактирование — это процесс, протекающий в рамках времени, хотя не только его результаты, но уже само сосуществование и взаимодействие двух языковых систем у билингва принадлежат плану синхронии.

Хотя У. Вайнрайх старается исследовать материал на синхронном срезе языка, силой вещей он неоднократно подходит к проблеме историзма (например, при вопросе о смене языков) и каждый раз уходит от ее решения. Это не только его позиция — она свойственна многим зарубежным ученым.

Стремясь показать непротиворечивость понятий «синхрония» — «диахрония», Э. Косериу писал: «Язык всегда синхроничен — в том смысле, что он функционирует синхронно, т. е. что он всегда «синхронизирован» с говорящими; историчность языка совпадает с историчностью говорящих. Но это не означает, что язык «не должен изменяться»,

напротив, он должен непрерывно изменяться для того, чтобы продолжать функционировать. Зависимость изменений в языке от общественных условий его функционирования не должна, однако, пониматься как упрощенная причинно-следственная связь. Те из западноевропейских лингвистов, которые признают эволюционную зависимость языка от общественного развития и считают, что изменения в социальной структуре могут косвенно отражаться на структуре языка, подчеркивают, что этот процесс длится века, а иногда и тысячелетия ¹⁰.

Все исторические изменения в языке, подсказываемые окружающей жизнью, как бы пропускаются через сетку внутриязыковых структурных особенностей. Поэтому отдельные проблемы контакта языков, разрабатываемые в зарубежной лингвистике, неизбежно ставят перед исследователем вопрос о связи языка и истории народов. Если проблема языковых контактов может иногда трактоваться в чисто структурном плане, как столкновение систем разных языков, схожих или не схожих в отдельных своих звеньях, то, с другой стороны, анализ причин подобного столкновения языков требует изучения говорящих на них коллективов и определения конкретной исторической обстановки, при которой возникают межъязыковые контакты. Известно, что литература, посвященная вопросу «смешения» языков, начиная с работ Г. Шухардта и кончая современными исследователями, богата и многообразна, ибо проблема межъязыковых влияний настолько многоаспектна, что трудно было бы вести ее исследование только в одном направлении. Но возможно ли установить некую единственную, действующую всегда и везде схему осуществления языковой интерференции? В истории языкознания подобные схемы предлагались.

Еще в конце XIX в. была сделана попытка дать классификацию всех возможных случаев столкновения носителей языков, в результате которого могли возникнуть изменения языковой ситуации. За основу этой классификации было взято отношение между более высокой и более низкой культурой и большей или меньшей численностью населения ¹¹. Однако очень быстро стала ясной бесплодность подобных попыток, и не только потому, что оказалось очень трудным учесть все многообразие форм языковых контактов, но и потому, что конструирование вневременной схемы отношений между народами — носителями языков противо-

речило конкретной исторической действительности. Может быть, поэтому в зарубежном языкознании XX в. с большим увлечением теоретически разрабатывались структурные и психологические условия и результаты контактирования языков. Это в какой-то мере отвлекло внимание от остро стоявшей для сторонников теории субстрата проблемы «победы» одного языка над другим и освободило их от необходимости решать, в чем именно должен заключаться вклад побежденного языка в историю языка победившего.

Объяснение влиянием субстрата изменений, происходящих в данном языке, а также незакономерных случаев в его системе не было снято с повестки дня. Лингвисты оперировали и продолжают оперировать этим фактором, но осознание недостаточности одностороннего подхода к истории языка и отнесения всех инноваций за счет «влияния» другого языка проявилось в конкретных работах крупных западноевропейских ученых, занимавшихся исследованием истории отдельных языков, не говоря уже о советских языковедах, для которых глубокое понимание историчности языковых процессов — непосредственное следствие марксистско-ленинского понимания связи языка и общества.

Может показаться странным, что У. Вайнрайх весьма сочувственно упоминает явно устаревшую работу Хемпла¹² (с. 184), но, как мы уже говорили, это вполне соответствует абстрактно-лингвистическому подходу Вайнрайха к языковым процессам. При любом исследовании свойств языка и языков встает вопрос о свойствах языка как знаковой системы. Все ли уровни языковой системы проницаемы, в какой мере и при каких условиях? Каковы количественные пределы возможного впитывания «чужих» элементов без опасности потери данной системой своей специфики? Помогает ли при столкновении языков структурное сходство их смешению, и, наоборот, возможно ли оно при полной структурной несводимости двух языков? Каковы психологические предпосылки контаминации двух языков для отдельного говорящего и для коллектива? Какую роль играет в этом процессе родной язык? Можно ли выделить и классифицировать типы исторических ситуаций, вызывающих (обуславливающих) смешение языков? Подобных частных задач может быть перечислено множество. Как же их решает У. Вайнрайх?

Позиции современного структурализма нашли свое отражение в работе У. Вайнрайха, хотя и без излишних

крайностей. Принимая разделение языка и речи, кода и сообщения и считая обязательным принадлежность любого речевого явления определенному языку, У. Вайнрайх утверждает, что «только на этой основе представляется возможным объяснить высказывание, которое содержит некоторые элементы, принадлежащие не тому языку, что все остальные» (с. 31). Лингвистическая интерференция может проявляться не только при непосредственном перенесении, т. е. заимствовании элементов чужого языка, но и в плане содержания при различных типах семантического калькирования.

Во всех случаях межъязыковых контактов Вайнрайх выделяет отношение единиц на основе оппозиций как решающий метод различения лингвистических систем. Именно в понимании характера оппозиций в наибольшей мере сказывается зависимость Вайнрайха от точек зрения современного структурализма. Большое внимание уделено самому механизму интерференции на различных уровнях языка; рассматривая уровень фонетики, Вайнрайх касается интересной проблемы различного восприятия одноязычным или двуязычным индивидуумом речи, звучащей с «иностранным» акцентом (с. 53). Интерпретация подобных искажений через призму фонологической системы родного языка, наиболее убедительная на уровне фонетики, может иметь место и при пограничных фономорфологических явлениях. Вайнрайх последовательно рассматривает лингвистическую интерференцию на разных языковых уровнях и в отличие от ряда лингвистов, признает возможность смешения элементов разных грамматических систем.

В результате подобного смешения часто возникает более расчлененная форма передачи грамматических значений. Знаменательно, пишет Вайнрайх, что «при взаимодействии двух грамматических моделей образцом для подражания обычно служит та, в парадигме которой используются относительно свободные, инвариантные морфемы, т. е. модель, имеющая более эксплицитное строение. Это правило действует, по-видимому, не только при возникновении новых категорий, но и при тех обусловленных контактом изменениях, когда появляется новый ряд формантов для выполнения уже существовавших и раньше в данном языке грамматических функций» (с. 76).

Причину подобных изменений Вайнрайх видит в психологическом восприятии говорящими значимых элементов

грамматики: «Кстати, психологические причины того, что более легкой для имитации является именно более эксплицитная, более сознательно воспринимаемая модель, нетрудно определить. Заметим, что перенесение морфем совершается, по всей вероятности, с большей легкостью также в таких случаях, когда они крупнее по своему фонемному составу (т. е. более эксплицитны)» (с. 121).

При трактовке подобных вопросов взаимодействия языков Вайнрайх явно отдает дань тому психологизму, который во многих случаях (см. с. 7 данной статьи) проявился в его работе. Следует заметить, что различия в степени «проницаемости» того или иного уровня языка издавна служили предметом острой полемики среди языковедов. Сравнительно-историческое языкознание, классические представители которого утверждали гомогенность морфологии каждого языка, отрицало возможность интерференции языков на грамматическом (морфологическом) уровне в условиях сохранения и преемственности данного языка. А. Мейе считал, что фонетика и грамматика составляют замкнутые системы и, наоборот, лексика такой системы не составляет. Из этого Мейе делал вывод, что «прежде всего в упорном сохранении произношения и грамматики лингвистически проявляется продолжающееся желание говорить на данном языке, что и определяет родство языков»¹³.

Прогрессирующее в XX веке понимание языка как «системы систем» дало повод утверждать, что в языке каждая часть должна гармонически сочетаться с соседними, поэтому нельзя заменить одну часть какой-либо системы куском другой, не подвергая ее риску полного разрушения. Смешение сравнительно легко может происходить в тех языках, системы которых не имеют достаточного внутреннего сцепления, но язык тем больше сопротивляется смешению, чем более развитые и более соразмерные системы он в себе заключает. Поэтому языки типа «пиджин» или креольские языки как бы выводились за рамки «настоящих» языков. Из вышесказанного следует также, что наблюдать смешение можно лишь между различными уровнями языков, т. е. грамматической системой одного языка и лексической системой другого, фонетической системой одного — и морфологической системой другого и т. д. Смешение же однородных систем двух языков невозможно: они могут только исключать друг друга.

Подобной точки зрения придерживался, например, Л. Теньер. Приводя в качестве иллюстрации индоевропей-

скую морфологическую систему греческого языка и «эгейские» элементы его словаря, Теньер замечал, что в данном случае было бы даже правильнее говорить о смешении двух различных словарных слоев, так как словарный состав языка может быть по происхождению очень пестрым вследствие «незамкнутости» лексики как системы. Логическим следствием несовместимости разных морфологических систем является положение, сформулированное Теньером в следующих словах: «Если объединение народов настолько глубоко, что их языки не могут не смешиваться, они выходят из положения, уничтожая каждый свою морфологическую систему. Поэтому смешанный язык — это обычно язык без морфологии»¹¹.

Особое отношение к грамматике как центральной части конструкции языка проявлялось еще в конце XIX века. По мнению А. Мартине, из лингвистической практики младограмматиков можно заключить, что они понимали язык как законченное целое, подверженное внешним воздействиям, но при этом фонетическая и морфологическая основы языка оставались чуждыми внешним влияниям. Отрицательное отношение младограмматиков к понятию смешения языков, которое допускалось Г. Шухардтом, показывает, что в этом вопросе они были близки к структуралистам. Сам Мартине считает, что структуру языка необходимо понимать как постоянную, но устойчивую в своей динамике, так как это не окаменелость, а то, что существует в процессе языковой деятельности. Поэтому при столкновении языков какой-то круг людей в процессе коммуникации неизбежно будет вынужден употреблять две лингвистические системы, в результате чего возникает воздействие одной системы на другую¹².

В «Предисловии» к книге Вайнрайха Мартине пишет, что «языковое сообщество никогда не бывает однородным и вряд ли бывает когда-либо закрытым... То, что мы так небрежно и несколько поспешно именуем «языком», представляет собой совокупность миллионов микромиров, многие из которых столь различны в своем лингвистическом поведении, что возникает вопрос, не следует ли их сгруппировать в разные «языки» (с. 17).

Сам У. Вайнрайх, осознавая трудности в объяснении процессов грамматической интерференции, выходит из положения, беря грамматику в обобщенном виде, не проводя четких границ между морфологией и синтаксисом и между

морфонологическими структурами с разной степенью связанности. Он приводит мнения различных ученых по вопросу грамматической интерференции и снова прибегает к формуле осознания билингвом адекватности различного языкового отображения одного и того же грамматического отношения. «Например, представитель русско-английского двуязычия может отождествлять отношение словопорядка между единицами *loves* и *May* в предложении *John loves Mary* «Джон любит Мэри» с морфемой *-у* в русском «Иван любит Марий-у», где эта морфема выражает винительный падеж, превращая слово *Мария* в прямое дополнение» (с. 61). По мнению Вайнрайха, опять-таки «свободные» морфемы более эксплицитно выражают грамматические значения, поэтому при контактировании языков они легче для психологического восприятия говорящего и скорее переносятся из одного языка в другой.

При трактовке лексического уровня языка Вайнрайх, естественно, не мог учесть многочисленных исследований по семантике слов и словесных групп, появившихся за последние два десятилетия. Если на ранних этапах структурализма система в лексике ставилась под сомнение, то в последнее время компонентный анализ, исследование изменений семантического поля при заимствованных элементах лексики привлекает большое внимание специалистов не только общего языкознания, но и по частным филологиям.

Рассмотрение интерференции на различных уровнях языка, как уже говорилось выше, проводится Вайнрайхом на основе одной, в основном психологической, установки. Удалось ли ему в итоге показать единство языковой системы в целом, взаимосвязь различных уровней языка? Решение подобных вопросов было бы существенно при определении понятия «смены языка», когда данный язык уже не продолжает сам себя, а дает что-то новое. Вайнрайх не исследует этих вопросов подробно, но подходит к ним в разделах, посвященных формированию новых языков (с. 173—175) и проблеме смены языков (с. 175—178).

Качественный сдвиг системных связей или только их перекомбинирование — вот проблема, которая неизбежно встает при решении проблемы исторической преемственности языков. Поэтому не случайно наибольший интерес у представителей современного структурального направления, занимающихся вопросами межъязыкового влияния, вызывает проблема вытеснения одной языковой системы другою.

Простейшим случаем оказывается полное вытеснение, а при частичной замене может возникать соотношение частей различных лингвистических систем, ведущее к появлению новой системы гетерогенного характера. При таком понимании развития языка при любом заимствовании должна происходить перестройка системы, ибо, как пишет Х. Фогт, «каждое обогащение или объединение системы с необходимостью включает в себя перестройку всех старых различных противопоставлений внутри этой системы; допустить, что какой-либо элемент просто прибавляется к системе без всяких последствий для нее самой, невозможно, ибо это означало бы отказ от самого понятия системы языка»

Эти мысли, высказанные известным норвежским лингвистом на 6-м Международном конгрессе лингвистов в Париже в 1948 г. в связи с вопросом о границах воздействия морфологической системы одного языка на морфологическую систему другого, не потеряли своей актуальности и в наши дни, особенно в связи со все усиливающимся вниманием к изучению креольских языков и языков типа «пиджин»¹⁶. Последним Вайнрайх также уделяет некоторое внимание (с. 112), подчеркивая, что одних лингвистических критериев для решения вопроса, появится ли в результате контакта новый (гибридный) язык или нет, явно недостаточно. «Чтобы ответить на вопрос, формируется ли новый язык, с полным основанием, нужно учитывать отношение к нему самих его носителей» — пишет Вайнрайх (с. 113).

Однако он не учитывает, что, помимо субъективного фактора и «чувства языковой лояльности», о котором также пишет А. Мартине в своем «Предисловии» к книге Вайнрайха, есть еще и вполне объективные критерии общественной роли данного языка, его функционирования в различных сферах государственной, общественной, культурной жизни данного общества и, иногда, распределение подобных функций между разными языками. Поэтому приходится констатировать, что можно и надо еще много сделать в сфере изучения взаимодействия языков в различных условиях их функционирования.

Как известно, проблемы межъязыковых контактов всегда были объектом пристального внимания лингвистов. Причины, условия, а также результаты взаимовлияния языков исследовались как в трудах общезыковедческого характера, так и в работах, принадлежащих к частным филологиям. В книге У. Вайнрайха, в известной мере ставшей

классической, рассматривается со стороны структурной и со стороны психологической не только то, что можно было бы назвать «механизмом» заимствований, но (хотя и в меньшей степени) и то социально-культурное окружение, при котором заимствования осуществляются. Конечно, одной из историко-культурных ситуаций, при которой возникает взаимодействие языков, может оказаться двуязычие, в своих конкретных формах определяемое многими слагаемыми. Следует особо подчеркнуть тот факт, что при межъязыковых контактах нет прямого и всегда одинакового соответствия между социальными, психологическими и лингвистическими предпосылками и их последствиями. Решающим фактором оказываются конкретно-исторические условия осуществления и реализации этих предпосылок.

Книга Вайнрайха, несмотря на ряд спорных моментов и положений, не разделяемых советскими языковедами из-за иных методологических установок, на которых зиждется советская наука о языке, не потеряла своего значения и в наши дни. Доказательством является даже сам факт ее постоянного переиздания (книга вышла за рубежом уже седьмым изданием). Изложение разнообразных точек зрения, даваемое Вайнрайхом в спокойном и деловитом тоне, и богатая библиография делают эту работу полезным пособием для молодых лингвистов, аспирантов и студентов. В русском переводе произведены незначительные сокращения текста, не представляющего интереса для советского читателя.

По ряду проблем, затронутых Вайнрайхом, за рубежом и особенно в Советском Союзе вышло много работ как общетеоретического порядка, так и исследующих различные конкретные случаи контактирования языков. Автор, естественно, не мог их учесть. Прилагаемый к книге У. Вайнрайха краткий библиографический список, составленный проф. Ю. А. Жлуктенко, в какой-то мере поможет читателю оценить то новое, что внесла в сложную, интересную и всегда актуальную проблему взаимодействия языков советская наука, имеющая богатейший материал для изучения процессов языкового развития при осуществлении национально-языковой политики в СССР.

¹ См.: *Tesnière L.* Phonologie, et mélange de langues.— Travaux de cercle linguistique de Prague, 1936, № 8, p. 86.

Гавранек Б. К проблематике смешения языков.— В кн.: Нов. в лингвистике, 1972, вып. 6, с. 94—111; *Россетти А.* Смешанный язык и смешение языков.— Там же, с. 112—119.

² См.: *Щерба Л. В.* О понятии смешения языков.— *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 60—74.

³ Например конференция, посвященная проблеме двуязычия и многоязычия, проводившаяся в 1969 г. в Ашхабаде Научным советом «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», Институтом языкознания АН СССР и Институтом языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменской ССР. Сборник прочитанных докладов был опубликован в 1972 г.

⁴ См., напр.: Новое в лингвистике. Языковые контакты, 1972, вып. 6.

⁵ См.: *Щерба Л. В.* Указ соч., с. 60.

⁶ См.: *Ludovicy E.* Notes sur le bilinguisme.— *Revue de psychologie des peuples*, 1954, v. 9, № 2.

⁷ См.: *Michel L.* Reponses au questionnaire.— 5-me congrès international des linguistes. The Hague, 1939, p. 32.

⁸ См. напр.: *Ferguson Ch.* Diglossia.— *Word*, 1959, v. 15, № 2.

⁹ Здесь и далее в скобках указаны страницы данного издания.

¹⁰ *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история.— В кн.: Нов. в лингвистике, 1963, вып. 3, с. 342.

¹¹ См.: *Martinet A.* Éléments de linguistique générale. Paris, 1960, Ch. 6, § 4.

¹² См.: *Hempl G.* Language rivalry and speech differentiation in the case of race - mixture.— *Transactions of the American Philological Association*, 1898, v. 29.

¹³ *Meillet A.* Le problème de la parenté des langues.— *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1921, p. 85.

¹⁴ *Tesnière L.* Указ. соч., с. 88.

¹⁵ См.: *Martinet A.* Diffusion of language and structural linguistics.— *Romance philology*, 1952—1953, v. 6.

¹⁶ См. также: *Vogt H.* Contact of languages.— *Word*, 1954, v. 10, № 2—3.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Было время, когда интересы исследования требовали, чтобы любое сообщество трактовалось как лингвистически закрытое и однородное. Считалась ли такая автаркическая ситуация действительно существующей или это положение использовалось в качестве рабочей гипотезы, не имеет здесь значения. Эта предпосылка, вне всякого сомнения, была полезной. Благодаря ей ученые, начиная с основателей нашей науки вплоть до функционалистов и современных структуралистов, имели возможность отвлечься от реально существующей сложности явлений, вычленить главные проблемы и решать их с полным обоснованием в рамках определенных гипотез, и вообще (возможно, впервые) смогли добиться некоторой точности в исследованиях, касающихся психической деятельности человека.

Лингвистам придется и впредь время от времени возвращаться к этому прагматическому допущению. Но сейчас мы должны подчеркнуть здесь, что языковое сообщество *никогда* не бывает однородным и вряд ли бывает когда-либо закрытым. Проницаемость лингвистических ячеек *была* в свое время отмечена диалектологами; было также доказано, что изменения в языке распространяются подобно волнам в пространстве. Остается еще обратить внимание на то, что языковые различия начинаются рядом с нами, даже у нас дома, внутри одного и того же человека. Каждый индивид — это не только поле сражения различных, противоречащих друг другу языковых типов и речевых навыков, но и постоянный источник языковой интерференции. То, что мы так небрежно и несколько поспешно именуем «языком», представляет собой совокупность миллионов микромиров, многие из которых столь различны в своем лингвистическом поведении, что возникает вопрос, не следует ли их сгруппировать в разные «языки». Еще более усложняет картину (и в то же время помогает ее объяснить) чувство языковой лояльности (*linguistic allegiance*), которое во мно-

гом определяет поведение каждого индивида. Даже в большей степени, чем реально существующие взаимоотношения, оно является цементом, скрепляющим каждый из наших «языков». Например, в определении чешского и словацкого как разных языков различия в языковой лояльности их носителей играют большую роль, чем подлинные материальные отличия.

Исходя из этого, может появиться стремление трактовать двуязычие как разделенную языковую лояльность. Именно разделенная лояльность поражает одноязычного индивида в двуязычии как нечто пугающее, ненормальное, почти сверхъестественное. Ни лица, не имеющие лингвистической подготовки, ни диалектологи не назовут «двуязычием» случай, когда сельский житель пользуется попеременно то некоторой формой литературного языка, то местным говором (patois), поскольку у него нет лояльности по отношению к последнему. В целом, однако, понятие языковой лояльности является слишком неопределенным, чтобы им можно было руководствоваться в сомнительных случаях диагностирования двуязычных ситуаций. Более того, ограничив таким образом термин «двуязычие», лингвист ничего не достиг бы, а специалист по языковым контактам был бы вынужден оставить без внимания целый ряд социолингвистических ситуаций, заслуживающих тщательного рассмотрения. Столкновение в одном и том же индивиде двух языков сопоставимой социальной и культурной значимости, каждый из которых используется миллионами культурных одноязычных носителей, может быть в психолингвистическом отношении чрезвычайно захватывающим, но постоянные лингвистические последствия этого столкновения (если только мы не имеем дело с литературным гением) могут быть ничтожными. Сосуществование в простой крестьянской среде двух временами конфликтующих рядов языковых навыков, один из которых представляет собой язык, пользующийся престижем, а другой — презируемый местный говор, может иметь большое влияние на историю языков этой части мира. Языковая лояльность представляет собой факт, причем важный, но там, где возникает языковой контакт, ей не следует придавать решающего значения.

Все мы в большей или в меньшей степени приспособляем свою речь к внешним обстоятельствам и видоизменяем ее в зависимости от собеседника. Это непрестанное приспособление, по-видимому, в самой своей основе отличается

от того, что происходит, когда мы переключаемся с одного языка на другой, например с английского на русский. В первом случае мы все время пользуемся одной и той же системой; изменяется время от времени лишь наш выбор лексик и экспрессивных средств, представляемых в наше распоряжение одним и тем же языком. Во втором случае мы покидаем одну вполне гомогенную систему и переходим на другую, тоже полностью гомогенную. Можно предположить, что таковы процессы, по крайней мере, в идеальной двуязычной ситуации. В какой же степени эта ситуация реализуется на практике? Если только оставить в стороне немногих виртуозов, умудряющихся вследствие постоянной тренировки поддерживать четкое разграничение между своими двумя или несколькими средствами общения, то не вскрыет ли внимательный наблюдатель в подавляющем большинстве случаев хотя бы некоторые признаки структурного слияния? С другой стороны, нельзя ли представить себе, что могут существовать всевозможные промежуточные случаи между каждыми двумя из нижеследующих типов носителей: одноязычным индивидом, пользующимся попеременно то одним, то другим стилем; носителем субстандартной речи, который в случае необходимости может оформить свою речь как нечто близкое к стандарту; носителем местного говора, который может постепенно совершенствовать свою речь, переходя от непритязательного и неряшливого просторечия к тому, что можно было бы назвать его лучшим речевым поведением, — форме, практически близкой к стандартному языку; другим носителем местного говора, относящимся к своему говору и к стандартному языку как к двум совершенно различным регистрам, обладающим весьма отклоняющимися структурами? Критерием одноязычности нельзя считать взаимную понятность, так как для датчан и норвежцев, чехов и словаков общение друг с другом при условии, что каждый говорит на своем языке, не представляет большой проблемы. Взаимная понятность — это очень относительное понятие. Кто знает весь «свой» язык? Нередко бывает легче понять иностранца, спрашивающего дорогу на вокзал, чем следить за разговором двух местных инженеров. Два говорящих, диалекты которых при первой встрече оказались взаимно непонятными, через несколько часов или несколько дней могут найти путь к беспрепятственному общению. Если сотрудничество крайне необходимо, каждый научится быстро языку другого человека настолько, чтобы

можно было общаться, даже если эти два контактирующих средства общения генетически не связаны и не сходны в своем синхронном состоянии. Когда стремление к общению проявляется только (или главным образом) с одной стороны, то на этой стороне вскоре разовьется двуязычие.

Контакт порождает подражание, а подражание вызывает лингвистическую конвергенцию. Вследствие разделения, разрыва, ослабления контакта появляется лингвистическая дивергенция. Несмотря на усилия нескольких великих ученых, например Хуго Шухардта, в лингвистике до сих пор оказывалось явное предпочтение изучению дивергенции, а конвергенция оставалась в пренебрежении. Пора восстановить должное равновесие. Лингвистическую конвергенцию можно наблюдать и изучать везде и всегда, но особенно полезным становится ее изучение в условиях контакта двух четко различающихся структур. Только исследование современных случаев двуязычия даст возможность точно определить, как нужно понимать термины «субстрат», «суперстрат» и «адстрат» и в какой степени имеем мы право пользоваться ими в определенной исторической ситуации. Поэтому мы крайне нуждались в детальном рассмотрении всех проблем, связанных с двуязычием, которое выполнил бы ученый, хорошо знающий современные лингвистические теории, а также имеющий большой личный опыт двуязычия. Такой труд и представляется читателю.

Андре Мартине

1. ПРОБЛЕМА ПОДХОДА

1.1. КОНТАКТ И ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

В данной работе принимается, что два или несколько языков находятся в к о н т а к т е, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо *. Таким образом, местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком.

Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть д в у я з ы ч и е м **, а лиц, ее осуществляющих, д в у я з ы ч н ы м и ¹. Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта, мы будем называть явлениями и н т е р ф е р е н ц и и ***. Именно эти речевые явления и их влияние на нормы любого из языков, участвующих в контакте, и привлекают внимание лингвистов.

Понятие интерференции подразумевает переустройство моделей, являющееся результатом введения иноязычных элементов в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией, например, ядро системы фонем, большая часть морфологии и синтаксиса, некоторые области словаря (обозначения родства, цвета, погоды и др.). Говорить о таких явлениях, как о заимствовании, т. е. как о простом дополнении к языковому инвентарю, было бы чрезмерным упрощением. Как пишет Фогт, «любое обогащение или обеднение системы неизбежно влечет за собой перестройку всех ее прежних различительных оппозиций. Допускать, что данный элемент просто добавляется к системе, принимающей его без каких-либо последствий для себя, разрушило бы само понятие системы» (Vogt 585, 35) ². В менее моделированных областях языка, например

* К местам текста, обозначенным звездочкой, см. комментарий в конце книги (с. 211 и далее), а к местам, обозначенным цифровым индексом, см. примечания в конце каждой главы.

в некоторых разделах синтаксиса или лексики, можно было бы с большим основанием говорить о «заимствовании», когда внимание обращается на само перенесение элемента как такового. Но даже и в этих случаях возможность последующей перестройки моделей, т. е. интерференции, не исключается.

1.2. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ

Языковой контакт и двуязычие будут рассматриваться нами в самом широком смысле, независимо от того, насколько соответствующие языки отличаются друг от друга. Для целей нашего исследования несущественно, являются ли две взаимодействующие системы «языками», «диалектами одного языка» или «разновидностями одного диалекта». Чем больше различие между системами, т. е. чем больше в каждой из них свойственных только ей форм и моделей, тем больше проблема изучения и потенциальная область интерференции. Но, если отвлечься от величины интерференции, ее механизм представляется одинаковым, будет ли контакт осуществляться между китайским и французским языками или между двумя разновидностями английского языка, которыми пользуются две семьи, живущие по соседству³. И хотя пользование двумя такими сходными системами обычно не считается двуязычием, в техническом смысле можно было бы распространить использование данного термина и на эти случаи контакта*.

С точки зрения двуязычного не имеет значения, откуда взялось сходство двух языков — является ли оно следствием общего происхождения или конвергентного развития. Однако между генетически связанными системами часто встречается особый тип отношений, который можно представить в виде формулы автоматической конверсии.

Например, в центральном диалекте ретороманского языка большинство образований с [awŋ], используемых в одном селении, соответствуют образованиям с [aŋ] в другом и образованиям с [œŋ] в третьем. Являясь регулярными, эти случаи конверсии уменьшают расхождения между диалектами, в случае же нерегулярности они представляют собой ловушки. Например, в соответствии с моделями регулярной конверсии многие французы, говоря по-английски, ощущают соблазн использовать слово *inconvenient* «неудоб-

ный» в функции существительного по образцу французского [ēkōveniã] «неудобство»⁴.

Какова бы ни была степень различия или сходства контактирующих языков, прежде чем приступить к любому анализу интерференции, необходимо точно определить эти сходства или различия для каждой области языка — фонетики, грамматики и лексики⁵. Было бы даже полезно установить общие правила дифференциального описания языков⁶. Среди прочего они должны, по-видимому, предусматривать данные о степени структурной гомогенности тех языков, которые участвуют в контакте, и о предшествовавших процессах заимствования в каждом из них.

Некоторые исследователи пытаются найти возможность выразить различия между языками посредством краткой формулы. Одним из таких методов является измерение объема общей части их словаря⁷, другой подход исходит из экспериментальных измерений взаимной понятности диалектов (Voegelin and Harris 584)⁸. Однако в какой степени полученные числовые коэффициенты могут быть полезными при общем описании конкретных ситуаций контакта, остается пока неясным.

1.3. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБСТАНОВКА ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

Формы взаимной интерференции языков, находящихся в контакте, описываются в терминах дескриптивной лингвистики. Причины даже специфических явлений интерференции можно в большинстве случаев определить лингвистическими методами: сравнив фонетические или грамматические системы двух языков и определив их различия, обычно получают список потенциальных форм интерференции, возможных в данной контактной ситуации. Нередко заимствование лексики можно объяснить, исследуя те пункты, в которых словарь проявляет свое несоответствие потребностям культурного окружения, в котором происходит языковой контакт. Однако не все потенциальные формы интерференции действительно реализуются. Точная картина воздействия двуязычия на речь индивида меняется в зависимости от множества факторов, причем некоторые из них можно считать экстралингвистическими, так как они находятся вне структурных различий данных языков или даже вне их лексиче-

ских несоответствий. Полное описание интерференции в контактной ситуации, отражающее распространение, устойчивость и исчезновение отдельных явлений интерференции, возможно только в том случае, когда учитываются экстралингвистические факторы.

Некоторые из неструктурных факторов связаны с отношением двуязычного индивида к тем языкам, которые он приводит в состояние контакта, например:

а) общим владением средствами вербального выражения и способностью говорящего поддерживать раздельность между двумя своими языками;

б) относительной степенью владения каждым из данных языков⁹;

в) специализацией в пользовании каждым из языков в зависимости от тематики и собеседников;

г) способом изучения каждого языка;

д) отношением к каждому из них (идиосинкретическое или стереотипное).

Экстралингвистические факторы вовсе не ограничены сферой двуязычного как индивида. Влияние явлений интерференции на нормы языка может быть более сильным, если в контакте участвуют группы двуязычных. Поэтому, когда мы имеем дело с двуязычными, объединенными в группы, полезно определить, какой из перечисленных выше факторов характерен для группы в целом, и вообще имеет ли хоть один из них такой общий характер. Кроме того, существуют некоторые другие черты двуязычных групп, являющиеся релевантными при изучении интерференции, например:

е) размер двуязычной группы и ее социокультурная гомогенность или дифференциация; деление на подгруппы, пользующиеся одним или другим языком как родным; демографические данные; социальные и политические отношения между этими подгруппами;

ж) доминирование в нескольких подгруппах двуязычных лиц, обладающих указанными в пунктах а — е характеристиками речевого поведения;

з) стереотипное отношение говорящих к каждому из двух языков (его «престиж»); исконный или иммигрантский статус соответствующих языков;

и) отношение к культуре каждого из двух языковых обществ;

к) отношение к двуязычию как таковому;

л) терпимость или нетерпимость к явлениям смешения языков и к неправильностям речи на каждом из них;

м) отношение между двуязычной группой и каждым из двух языковых сообществ, по отношению к которым она играет роль маргинального сегмента.

Таким образом, языковой контакт можно лучше всего понять только в широком психологическом и социокультурном контексте. Необходимо прежде всего «более точно определить условия, в которых ... влияние [языков друг на друга] возможно, и способы, какими оно осуществляется» (Leopold 308, I, *XIII*). Эту задачу невозможно решить, пользуясь только данными обычного лингвистического описания; необходимо еще использовать ряд экстралингвистических средств. Значительно большей глубины и обоснованности исследование языкового контакта может достичь на междисциплинарной основе. В нашей работе, возникшей, главным образом, из лингвистических интересов, мы будем стремиться установить пределы, в каких полезен лингвистический подход к решению данной проблемы, и изучить некоторые пути, ведущие за эти пределы. Точнее говоря, мы попытаемся показать, в какой степени интерференция определяется структурой двух контактирующих языков, и в то же время выяснить роль нелингвистических факторов в социально-культурном контексте языкового контакта.

Чисто лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений. Двуязычное население описывают, например, географы и этнографы; социологи исследуют функционирование языков, сосуществующих в одном сообществе; юристы изучают правовой статус языков этнических меньшинств в различных государствах; наблюдения педагогов в области детского двуязычия и преподавания иностранных языков побудили психологов заняться анализом проблемы влияния двуязычия на личность. Все эти исследования описаны в обширной, но разбросанной литературе. И какими бы разнородными по своим целям и масштабам эти работы ни были, все они существенно дополняют друг друга, помогая понять столь многогранное явление. Если, например, психиатр делает свои обобщения, исследуя нарушение речи двуязычных пациентов, и упускает при этом возможность произвести лингвистические наблюдения над их речевой деятельностью, то он заранее подрывает надежность своих выводов. Точно

так же и выводы лингвиста, если он изучает языковое взаимодействие, не учитывая при этом социокультурного окружения данного языкового контакта, остаются как бы повисшими в воздухе. «Разговоры о субстратах и суперстратах вынуждены витать в безвоздушном пространстве, если мы не подведем под них прочную основу в виде наблюдений за поведением живых говорящих индивидов» (Haugen 208, 271).

Конечно, лингвист имеет право абстрагироваться в своем анализе от психологических и социологических факторов. Собственно, он даже должен ставить чисто лингвистические проблемы в изучении двуязычия. Это даст ему возможность объяснить восприимчивость языка к внешним воздействиям его общей структурной ослабленностью. Он сможет также проследить процессы адаптации иноязычного материала к структуре заимствующего языка. Но объем интерференции, ее характер и направление можно более исчерпывающе объяснить с точки зрения речевого поведения двуязычных индивидов, которое, в свою очередь, обусловлено социальными отношениями, характерными для сообщества, в котором они живут. Другими словами, в результате согласованных усилий представителей всех дисциплин, заинтересованных в изучении этих проблем, можно ожидать получения более полных данных. Автор также полагает, что эти большие преимущества междисциплинарного подхода к проблемам языковых контактов не находится в обязательной зависимости от тех частных дескриптивных методов, которые используются в данной работе при рассмотрении лингвистических аспектов проблемы.

Эта работа ни в коей мере не ставит своей целью исчерпывающее изложение предмета. В ней рассматриваются лишь некоторые относящиеся к нему вопросы. Те конкретные случаи контактов и форм интерференции, которые приводятся в тексте, были выбраны из множества других, главным образом, для иллюстрации существующих положений. Любой исследователь, работающий в данной области, мог бы дать дополнительно ряд примеров из своего собственного опыта.

1.4. КОНТАКТ ЯЗЫКОВ И КОНТАКТ КУЛЬТУР *

Некоторые антропологи рассматривают языковой контакт лишь как один из аспектов контакта культур, а языковую интерференцию — как одно из проявлений взаимо-

проникновения культур и аккультурации. Однако при всем том, что антропологи, особенно в США после первой мировой войны, проявляли чрезвычайно большой интерес к языковым контактам, исследование контактов языков и контактов культур не было в достаточной степени согласованным и отношение между этими двумя областями не было должным образом определено. Между тем, хотя каждая наука имеет свою методику исследования, в этих двух дисциплинах существуют неизбежные параллели.

Наиболее интересной проблемой лингвистической интерференции является взаимодействие структурных и неструктурных факторов, способствующих или препятствующих ее осуществлению. Структурные факторы связаны с организацией языковых форм в определенную систему, для каждого языка особую и в значительной степени независимую от не-лингвистического опыта и поведения. Неструктурные факторы обусловлены отношениями данной системы с внешним миром, тем, насколько данный индивид знаком с этой системой, той символической значимостью, которую система как целое может для него приобретать, а также чувствами, которые она способна вызывать. В современной лингвистике эффективность структурных факторов принимается как нечто более или менее самоочевидное¹⁰. Но и в исследованиях контактов культур снова и снова подчеркивается роль организации их элементов*. Типичными являются следующие утверждения:

«Очевидно, что результаты передачи [элементов культуры]... нельзя рассматривать просто как добавочные приобретения» (Thurnwald 559, 561).

«Изменения в области культуры состоят не только в добавлении к ней одного или нескольких новых элементов, но и в устранении некоторых ранее существовавших, видоизменении или перестройке других» (Linton 316, 496).

«То, что деятельность в области культуры окутана эмоциями, является ее существенной чертой, но не играет решающей роли ни в отношении ее стабильности, ни в отношении неустойчивости. Устойчивость или изменчивость зависят от того, входит ли эта деятельность в *организованную систему* идей и эмоций, т. е. составляет ли она вместе с прочими явлениями культуры одну большую модель. Если она входит в такого рода связи... то у нее есть благоприятные перспективы сохранения устойчивости, так как большие системы обычно склонны к самосохранению. То же

явление, которое слабо связано с другими и в основном функционирует свободно, может очень легко вытесняться из употребления» (Kroeber 293, 402. Курсив наш.— У. В.).

Заявления такого рода отражают тенденцию в исследовании аккультурации, которая очень напоминает структуралистский подход к лингвистической интерференции. Конечно, в не-лингвистических областях науки о культуре структурализм не так укрепился, как в лингвистике, да и вряд ли он сможет или должен зайти там столь далеко. Но антропологи, по-видимому, все больше и больше осознают, что структурный характер элементов культуры влияет на их перенесение, и поэтому, естественно, обращаются за помощью к лингвистике — «древнейшей из наук, изучающих культуру», поскольку ее техника описания достигла «объективности и точности, которые намного превосходят возможности других наук о культуре» (Hoijer 235, 337). Точнее, антропологи, исследующие аккультурацию, вынуждены пользоваться языковыми данными, полученными лингвистами, как показателями общего процесса аккультурации. Как считает один выдающийся исследователь аккультурации, ее лингвистические аспекты «представляют еще неизученные возможности» для антропологов (Beals 51, 635). Лингвисты, со своей стороны, тоже нуждаются в помощи антропологии; без нее им трудно описывать и анализировать те факторы, управляющие процессами лингвистической интерференции, которые хотя и находятся вне структуры контактирующих языков, но относятся к области культуры. Наконец, как лингвисты, так и антропологи, поскольку они в одинаковой степени принимают в качестве обязательной предпосылки то, что окончательным местонахождением контакта является индивид, вынуждены обращаться к психологам за содействием в исследовании контактов языков и контактов культур¹¹.

Мы не будем здесь пытаться объединить лингвистический и антропологический подходы к проблеме, но считаем необходимым привлечь внимание к тому, что в некоторых областях, особенно в вопросе структурной обусловленности явлений, такое сочетание может быть полезным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Если только нет специальной оговорки, все дальнейшие замечания о двуязычии будут относиться и к многоязычию — практике попеременного пользования тремя и более языками.

² Первая цифра указывает позицию в прилагаемом списке литературы, вторая, курсивная, — страницу цитируемой работы.

³ Поскольку тождество двух очень сходных разновидностей языка часто зависит от тождества двух или более специфических собеседников, понятие «идиолект», используемое некоторыми лингвистами для обозначения полного набора речевых навыков индивида в определенный момент времени, в данной работе неприменимо.

⁴ Граур сообщал, как он, следуя известной модели конверсии, передавал румынское *loc vîran* «пустырь» по-французски /ljœ viṛã/, а затем обнаружил, что румынское *vîran* турецкого происхождения и во французском языке неизвестно (Graur 181). Среди носителей идиш распространено шутовское использование пародийных немецких форм, например *leváne* (по образцу слова идиш *levóne* «луна», модель Tag : tog).

⁵ М. Е. Смит, автор одного из наиболее претенциозных на сегодня экспериментов в области интерференции, ограничивается занимающим всего четыре страницы очерком различий между столь разными языками, как английский, кантонский китайский и тагалогский (Smith 520). Ясно, что от обобщений такого типа лингвистике нет никакой пользы.

⁶ Эту проблему исследовал Зайдель, давший образцовое дифференциальное описание двух языков (румынского и русского), но при этом воздержавшийся от суждений по общим положениям (Seidel 499).

⁷ См. Reed and Spicer 435, где перечислена предыдущая литература. Ср. также «индекс знакомства» Додда (Dodd 133) и коэффициент *r* Суодеша (Swadesh 544).

⁸ Эту технику можно было бы использовать при исследовании тех случаев, когда понятность является обоюдной, как, например, между носителями шведского и датского языков: последние, по некоторым данным, понимают хорошо первых, но не наоборот.

⁹ Многие авторы предлагали считать двуязычием минимальную степень владения обоими языками; ср. Hall 195. Но, как писал Блумфилд (69, 56), различия во владении языком имеют относительный характер. Более удобно считать этот фактор состоящим из многих переменных.

¹⁰ См. у Мартине обзор структуралистской лингвистической теории (Martinet 345).

¹¹ Ср. психологическое изучение аккультурации у Тернвальда (Thurnwald 559) и особенно у Халлоуэла (Hallowell 198), который пишет: «Из приведенного анализа становится очевидным, что отвечает на воздействия и воздействует на других именно индивид... Индивиды представляют собой динамические центры процессов взаимодействия» (с. 174 и сл.).

2. МЕХАНИЗМЫ И СТРУКТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

2.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

2.1.1. Межъязыковое отождествление единиц плана выражения и плана содержания

Структуралистская теория коммуникации, которая проводит различие между языком и речью (*langue* и *parole*, кодом и сообщением, системой и процессом, нормой и поведением), принимает в качестве обязательного условия то, что «любое речевое явление (*speech event*) принадлежит определенному языку» (Lotz 326, 712; также Jakobson, Fant, Helle 253, 11; Fano 153, 696). Только на этой основе представляется возможным объяснить высказывание, которое содержит некоторые элементы, принадлежащие не тому языку, что все остальные. Именно потому, что говорящий или слушающий (или оба) обычно знают, какому языку принадлежит высказывание как целое¹, элементы, не принадлежащие ему, выделяются как «заимствованные» или перенесенные (*transferred*) *. В этом состоит одно из проявлений лингвистической интерференции.

Но есть также тип интерференции, чрезвычайно распространенный в ситуациях языковых контактов, при котором вовсе нет прямого перенесения элементов. Он может проявляться как в единицах плана выражения, так и в единицах плана содержания. Сущность его лучше всего раскрывается посредством структурального анализа, при котором принимается, что в пределах каждого языка основные единицы планов выражения и содержания — фонемы и семантемы определяются на основе оппозиций с другими фонемами и семантемами того же языка. Например, русское /р/ «п», или *R/p/*, определяется среди прочих различительных признаков отсутствием палатализации (в оппозиции к мягкому *R/p'/*), тогда как английское /р/, или *E/p/*, не имеет такого ограничения. Следовательно, с точки зрения обоих языков, *R/p/* и *E/p/* не могут быть «одним и тем же» элементом. Однако физическое сходство /р/ в определенных случаях речевой реализации обоих фонем, например в *R/t'ip/* «тип» и *E/tip/* «конец», где в обоих случаях произносится

сходное [p], способствует тому, что двуязычные отождествляют эти две фонемы, находящиеся в разных языках. Отождествляются время от времени ввиду их «одинаковости» или «подобия» фонемной формы слогов и даже целые слова разных языков. Так, один носитель идиш в США сообщил, что английское *cold* «холодный» и слово его диалекта идиш /kolt/ с тем же значением представляются ему фонологически «одним и тем же словом».

Межъязыковые отождествления могут также осуществляться в области грамматических отношений и явлений, отличающихся в принципе от морфемных сегментов, например в области порядка слов. Так, сопоставляя английские и русские предложения с порядком слов «подлежащее + сказуемое + дополнение», двуязычный индивид может отождествить английский порядок с русским, в то время как в английском языке он выполняет денотативную функцию, а в русском — преимущественно стилистическую.

И наконец, междуязычное отождествление единиц происходит также в плане содержания. Например, в английском языке определенный участок содержания охватывается и соответственно делится между двумя семантемами: «foot» и «leg». В русском языке точно такой оппозиции не существует: приблизительно то же содержание делится в нем между тремя семантемами: «ножка» (мебели), «нога» (вся конечность животного) и «фут» (мера длины, равная 12 дюймам). Таким образом, в каждом языке семантемы определяются по-иному. Однако в ситуации языкового контакта материальное сходство некоторых референтов, например E «foot» и R «нога», способствует тому, что двуязычные могут отождествить эти единицы разных языков².

Хотя теоретически основные единицы двух языков — фонемы, признаки порядка слов, отбора, зависимости единиц и т. д. — не могут быть адекватными, на практике единицы физического звучания и единицы семантического плана обыкновенно смешиваются. Межъязыковые отождествления, совершаемые двуязычными, способствуют увеличению этого смешения. Этим объясняется наличие тех больших контингентов параллельных явлений, которые можно наблюдать в языках, находящихся в интенсивном длительном контакте.

Поскольку язык — это система оппозиций, частичное отождествление обеих систем представляет собой для двуязычного индивида облегчение его лингвистического бре-

мени. А эти естественные идентификации как раз и лежат в основе многих форм интерференции. Отождествление английского *Е/p/* и русского *Р/p/* может побудить двуязычного произносить английское *pull* «тянуть» на русский манер, т. е. [pull], а не [p^hUll]. Из-за отождествления семантем *Р*«нога» и *Е*«foot» он может также сказать *I have long feet*, имея в виду «legs». В результате отождествления моделей словопорядка он может нарушить английский порядок слов, построив предложение по типу «подлежащее + дополнение + сказуемое», например *I him see*, что вполне допустимо в русском языке.

В последующих параграфах этой главы мы подробно обсудим типы интерференции, вызываемые таким междуязычным отождествлением.

2.1.2. Сосуществование или слияние систем?

Вопрос о том, сливаются ли для самого двуязычного его две системы фонем или семантем в единую систему, представляет определенный теоретический интерес. Например, носитель англо-русского двуязычия имеет в своем распоряжении набор морфем, в которых фонемы [t-], [t'-] и [t^h-] встречаются в идентичных окружениях³. Как предположил Сводеш, «эти два ряда звуков... с фонологической точки зрения могут рассматриваться как единая система», — система с тремя глухими зубными взрывными согласными (Swadesh 543, 65). Нам, однако, представляется более предпочтительной иная интерпретация. Поскольку двуязычный обычно осознает, какому языку «принадлежит»⁴ его высказывание, мы можем характеризовать это высказывание по признаку «общего русского характера» («русскости» — Russianness) или «общего английского характера» («английскости» — Englishness), выраженному по всей его протяженности. Аспирация глухого зубного взрывного будет в этом случае восприниматься как признак, автоматически связанный с «общим английским характером» высказывания, в то время как ее отсутствие (у твердых согласных) будет сопутствующим признаком «общего русского характера» высказывания (при условии, что двуязычный действительно правильно использует аспирацию, артикулируя ее или подавляя там, где необходимо). Звуки [t-] и [t^h-] в этом случае не могут оказаться в идентичных окружениях, т. е. установится

дополнительная дистрибуция. Такая интерпретация фактов признает обе системы сосуществующими, а не сливающимися в единую систему *, что, по-видимому, больше соответствует подлинному опыту двуязычных лиц ⁵.

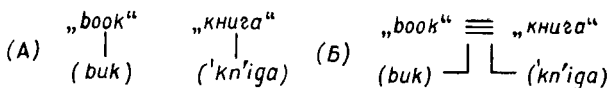
Аналогичные соображения можно высказать и относительно плана содержания. Например, носитель англо-французского двуязычия может иметь в своей глагольной системе составной комплекс оппозиций, состоящий из следующих семантем «времени»: *E*«претерит», *F*«прошедшее определенное», *F*«прошедшее неопределенное», *F*«имперфект», *E*«не-прошедшее», *F*«настоящее», *EF*«будущее» ⁶. С большим основанием и удобством снова-таки следует считать обе семантические системы столь же раздельными, как раздельны их фонологические реализации. В высказываниях, отмеченных полностью «общим французским характером» (Frenchness), были бы допустимы оппозиции «прошедшее определенное» — «прошедшее неопределенное» — «имперфект» — «настоящее» — «будущее», тогда как триада «претерит» — «непрошедшее» — «будущее» была бы ограничена теми высказываниями, которые отличаются своим «общим английским характером» (Englishness) ⁷.

Возможность таких ситуаций, когда некоторые двуязычные трактуют хотя бы отдельные части своих двух систем как слитные, а не существующие раздельно, нуждается в экспериментальной проверке. Одних лингвистических данных для решения этого вопроса пока недостаточно.

2.1.3. Природа знака при языковом контакте

В зависимости от того, как решается проблема раздельности или слияния контактирующих систем, различной представляется и природа знака, который, по де Соссюру, объединяет единицу плана выражения и единицу плана содержания.

В том случае, когда между семантемами контактирующих языков устанавливается межъязыковая идентификация, двуязычный получает возможность интерпретировать те два знака, семантемы (означаемые) которых он отождествляет как один составной знак, имеющий одно обозначаемое и два обозначающих — в каждом языке свое. Например, английское *book* и русское *кни́га* рассматриваются не как два отдельных знака (см. А) ⁸, а как один составной знак (см. Б):

Некоторые авторы даже различают два особых типа двуязычия, основывающихся на этих двух интерпретациях знака. Например, Л. В. Щерба сообщал, что у двуязычных лужицких сербов существует только один язык, имеющий два способа выражения (472) *. Иначе говоря, у них есть только один набор обозначаемых, каждое из которых имеет два обозначающих (как на схеме B) ⁹.

В другой своей работе Л. В. Щерба называет этот тип «чистым» двуязычием, а тип A «смешанным» (Щерба 18). Леве обозначает тип B термином «двучленная система одного языка» (Loewe 320) ¹⁰.

Сразу же следует заметить, что двуязычие индивида или группы не обязательно должно относиться целиком к типу A или типу B, так как в контактирующих языках одни знаки могут быть составными, а другие могут оставаться без изменений. Никто покамест не пытался определить экспериментальным путем, в какой степени данный индивид интерпретирует свои знаки как междуязычные составные единицы (тип B), хотя методику такого исследования можно было бы заимствовать из ассоциативных приемов, использованных Г. Саэр в изучении валлийско-английского детского двуязычия (Saer 458) ¹¹. В этих испытаниях дети должны были дать ответ на ряд слов-стимулов — валлийских и английских вперемешку. Отвечать разрешалось по-валлийски или по-английски независимо от того, какому языку принадлежало слово-стимул. При этом фиксировались сам ответ и то время, которое истекло с момента предъявления стимула. Примечательным видом ответа оказался «переводной», при котором подопытный отвечал на валлийское слово-стимул английским эквивалентом или наоборот. Это указывало, что детям приходится много переводить, и в какой-то мере служило признаком составного характера их языковых знаков. Беря слова-стимулы из разных семантических областей, а также исследуя ответы на эквивалентные английские и валлийские семантемы, применяя и другие способы исследования, Саэр открыла увлекательные перспективы для дальнейшего экспериментального изучения этой проблемы.

Следует рассмотреть еще одну интерпретацию знака двуязычными, которую можно наблюдать в тех случаях,

когда новый язык изучается с помощью языка, известного раньше (так называемый «непрямой метод»). В этом случае референтами знаков изучаемого языка могут быть не сами «предметы», а «эквивалентные» им знаки уже известного языка. Так, для носителя английского языка, изучающего русский, обозначаемым знаком /'kn'iga/ может быть сначала не сам этот объект, а английское слово *book*; следовательно ¹²:

$$(B) \left\{ \begin{array}{c} \text{«book»} \\ \text{/buk/} \end{array} \right\}$$

|

/'kn'iga/

Тип *B*, по-видимому, соответствует двуязычию, названному Робертсом «субординативным» (Roberts 447), тогда как тип *A* относился бы к «координативному» *. В этом же смысле Шухардт предлагает проводить различие между *Sprachen können* (*A*) и *Sprachen kennen* (*B*) (Schuchardt 492, 424).

Вопрос о том, как осуществляется в процессе изучения языка переход от типа *B* к типу *A*, а также выяснение того, приобретают ли ученики достаточные навыки беглости в изучаемом языке, если они продолжают соотносить все его знаки со знаками своего первого языка, тоже заслуживают внимания как проблема психолингвистики ¹³.

2.1.4. Интерференция в речи и в языке

В речи интерференция подобна песку, уносимому течением, в языке же ее можно сравнить с тем же песком, осевшим на дно озера. Эти две стадии интерференции необходимо различать ¹⁴. В речи интерференция возникает в высказываниях двуязычного как результат его личного знакомства с другим языком. В языке же мы находим те явления интерференции, которые вследствие многократных появлений в речи двуязычных стали привычными и закрепились в употреблении. Дальнейшее их использование уже больше не зависит от двуязычия. Когда носитель языка *X* пользуется иноязычной формой, которая знакома ему по речи других носителей *X*, а не заимствована им самим тут же из языка *Y*, то с дескриптивной точки зрения этот заимствованный элемент уже можно рассматривать как единицу языка *X*. Например, когда двуязычный, родным языком которого является один из вариантов ретороманского, встав-

ляет в свое ретороманское предложение швейцарско-немецкое слово /¹je:ri/ вместо /¹forbiʃ/ «ножницы», то он осуществляет заимствование, т. е. в его речи возникает случай интерференции. В момент высказывания эта единица представляет собой «окказиональное заимствование» (nonce-borrowing). Но когда этот же двуязычный произносит слово /¹tsitim/ «газета» (швейцарско-немецкое /¹tsiting/) вместо /ja'zeta/, то это явление совсем иного порядка, так как /¹tsitim/ вообще вытеснило слово /ja'zeta/ и стало постоянным элементом данного варианта ретороманского языка. Даже одноязычные дети ретороманцев, учась говорить, уже усваивают для понятия «газета» слово /¹tsitim/.

Если мы хотим понять, что означает языковой контакт для участвующего в нем индивида ¹⁵, то должны обязательно придерживаться этого теоретического разграничения. То, что для историка языка будет результатом интерференции другого языка (например /¹tsitim/), для самого носителя языка может таким не быть. Ведь и потребитель импортных товаров лишь в редких случаях осознает их происхождение столь же четко, как сам импортер или исследователь. Вопросы, которые выясняет лингвист в речевой стадии интерференции, таким образом, отличаются от вопросов, касающихся интерференции в языке. В речи первостепенными факторами являются восприятие элементов другого языка и мотивы этого заимствования, а в языке главный интерес представляет фонетическая, грамматическая, семантическая и стилистическая интеграция иноязычных элементов.

2.1.5. Методика изучения интерференции в речи

При изучении интерференции в каждой из этих стадий используется разная методика. Изучение заимствованных элементов, которые закрепились в языке, не представляет сложности, так как исследователь может их выявить, опрашивая информанта. Хорошие результаты дает также изучение письменных текстов. В актах речи наблюдать интерференцию значительно труднее. Легче всего можно ее заметить, когда информанты разговаривают друг с другом, но трудность состоит в том, что беседа должна протекать как можно свободнее, в то время как собеседников приходится прерывать вопросами об употреблении и выборе языковых средств ¹⁶.

До сих пор в литературе освещались различные стороны речевой деятельности двуязычных *. В большинстве этих публикаций рассматривается этап изучения второго языка. К работам этой группы принадлежит классическое исследование Ронжа (Ronjat 448), труды Павловича (Pavlovitch 396), Эмриха (Emrich 145), Бейтмана (Bateman 43), Чоука (Souka 119), Кеньереш (Kenyeres 271), Титса (Tits 562) и М. Е. Смит (Smith 519), а ее венцом является четырехтомный труд Вернера Леопольда (Leopold 308). Меньше, чем следовало, привлекала внимание проблема забывания языка. Некоторые данные об отмирании слов в очень раннем детстве приводит Леопольд (308), наблюдения же, сделанные Корниоли (Cornioley 117), слишком схематичны. Много ценного можно ожидать от изучения нормальных двуязычных, находящихся в различного рода бессознательных состояниях, однако в этой области покамест каких-либо полезных данных не получено. Эпштейн (Epstein 147), Великовски (Velikovski 578), Браун (Braun 86) и Ош (Hoche 232) сообщили некоторые сведения о сновидениях у двуязычных лиц ¹⁷, был также описан случай гипноза двуязычного индивида (Epstein 147, 85 и сл.). Весьма ценным объектом изучения признаются патологические случаи речевого поведения, о которых писали Минковски (Minkowski 365), Лейшнер (Leischner 305) и Гольдштейн (Goldstein 178). Все эти исследования имеют, однако, один общий недостаток: их авторы не консультировались с лингвистами. Данные о морфологическом смешении, сообщенные Штенгелем и Зельмановичем, тоже были бы более ценными, если бы имели лингвистическое обоснование (Stengel, Zelmanowicz 535). С успехом можно было бы исследовать еще один аспект языкового смешения — фольклор двуязычного населения (ср. Haas 192; Redlich 430, 431; Weinreich 606) и литературное творчество двуязычных (ср. Harten-Hoenecke 203) **.

Методика сбора данных об интерференции тоже отличается разнообразием. Весьма значительный материал получают лингвисты из собственных интроспективных наблюдений; к этой группе относятся, например, работы Леви (Lowie 327), Блохера (Blocher 67) и Эпштейна (147) ¹⁸. Самонаблюдения квалифицированных лингвистов дают возможность привести данные, которые невозможно получить никаким другим способом. Длительные наблюдения за двуязычными детьми легли в основу доклада Стернов (Sterns 536, 379-384) и уже упоминавшихся работ Корниоли (117), Эмриха (145),

Кеньереш (271), Леопольда (308), Павловича (396), Ронжа (448) и Титса (562). Смит (Smith 520) и Саэр (Saer 458) испробовали методику группового тестирования. Автор данной работы использовал (вероятно, впервые) запись речи двуязычных в направляемой беседе. И, наконец, невропатологи (но, покамест, не лингвисты) проводили исследование клинических случаев.

2.2. ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

2.2.1. Типы интерференции в фонемных системах

Изучение фонетической интерференции состоит в выяснении того, как носитель языка воспринимает и воспроизводит звуки одного языка, который можно назвать вторичным, с точки зрения другого, называемого нами первичным¹⁹. Когда двуязычный, отождествляя фонему вторичной системы с фонемой первичной, воспроизводит ее по фонетическим правилам первичного языка, возникает интерференция.

Подобные явления раньше описывались традиционно как «звуковая субституция» (ср. Paul 394, 394 и сл.; Bloomfield 69, 445 и сл.). С развитием фонологии исследователи перестали ограничиваться описанием «неправильно произнесенных» звуков и занялись установлением точных, поддающихся проверке причин такого произношения, причем причин, внутренне присущих первичной системе говорящего²⁰. Звуки, которые действительно произносит двуязычный, находятся как бы в ничейной полосе между двумя системами фонем *, поэтому описать их с точки зрения выполняемых функций, т. е. определить их фонологические функции, представляет определенные трудности. В настоящей главе мы рассмотрим лишь основные проблемы, связанные с этой их интерпретацией. В качестве иллюстративного материала используются данные, взятые из реальной ситуации языковых контактов в Швейцарии, которую автор изучал в 1951 г.²¹

На помещенной далее схеме (с. 40) изображены звуковые системы функционирующих в долине Домлешг кантона Грисон двух языков — швейцарско-немецкого (алеманнский диалект), на котором говорят в селении Тузис, и разновидности ретороманского (селение Фельдис приблизительно в восьми милях к северу). В контакте этих языков участвуют

Ретороманский язык
(Фельдис)

m	n				
b	d				
p	t				
		ts	tʃ		
f	s		f		
v	z				
	l				
	r				

j			
i			
ɪ			
ɛ			

Швейцарско-немецкий язык
(Тузис)

m	n				
B	D				
p	t				
		ts	tʃ		
f	s		f		
v	z				
	l				
	r				

j			
i			
e			
æ			

/ʔ/ ударение

/n/ перед /k, g/ и после /w/ имеет аллофон [ŋ].

/p, t, c, k, f, s, ʃ/ отличаются от /b, d, ɟ, g, v, z, ʒ/ соответственно отсутствием звонкости.

Ударные гласные удлиняются в конечной позиции в слове и перед всеми фонемами, кроме /p, t, c, k, f, ts, tʃ/, но не перед удвоенной согласной:

/ˈkwatar/ = [ˈkwatar]

/ˈkwadar/ = [ˈkwa·dar]

Свистящие и шипящие фрикативные после /l, ʎ, n/ превращаются в аффрикаты.

Ударение является дистинктивным, но может быть только конечным или падать на предпоследний слог.

/ʔ/ ударение

/n/ перед /k, g/ имеет аллофон [ŋ].

/p, t, k, f, s/ отличаются от /B, D, G, v, z/ соответственно своей напряженностью.

В абруптивной позиции гласные обычно более открыты, чем в других случаях:

/ort/ = [ɔrt]

/h/ между гласными имеет фарингальное трение.

Ударение является демаркационным; в слове оно свободно, но обычно закреплено за первым слогом корневой морфемы.

сотни двуязычных, живущих в Фельдис и в других населенных пунктах между Фельдис и Тузис. В верхней части таблицы приведен список фонем (фонемизация нами не проверялась), ниже даны сведения об использовании некоторых из них. Те фонемы, которые не имеют точных соответствий в противоположной системе, заключены в рамку. В ретороманском это фонемы /л, ʝ, с, ʌ, ʒ/; в швейцарско-немецком /pⁱ, k^h, у, ø/ и все долгие гласные. Ретороманские /ɪ, ɛ, а/ по месту в системе напоминают швейцарско-немецкие /e, æ, а/, но последние имеют в речи одноязычных более низкую заднюю артикуляцию.

Данный языковой контакт может восприниматься двуязычными двояко: либо система швейцарско-немецкого интерпретируется по отношению к ретороманской, либо система швейцарско-немецкого функционирует как первичная, а ретороманская — как вторичная ²².

Ситуация А: Первичная система — ретороманская; вторичная — швейцарско-немецкая

1) Фонема *s*/pⁱ/ для первичной ретороманской системы является чуждой, но может интерпретироваться как *R*/p + f/ и таким образом не вызывать больших затруднений.

2) Аналогично и *s*/k^h/ может интерпретироваться как *R*/k + h/, но в швейцарско-немецком *s*/k^h/ является частотной фонемой, а *s*/k/ употребляется совсем редко. Вследствие такого неравномерного распределения этих фонем в швейцарско-немецкой лексике, носитель ретороманского языка будет склонен смешивать *s*/k^h/ с более знакомым ему *s*,*R*/k/ и в тех случаях, когда швейцарско-немецкий язык требует произнести /k^h/, будет подменять его неаспирированным /k/. Функциональная значимость (functional yield) оппозиции этих фонем ²³ относительно невелика, поэтому лица, для которых швейцарско-немецкая система является первичной, обычно воздерживаются от поправок, слыша неточности в их произношении. Таким образом, отсутствие аспирации там, где она необходима, является одним из главных признаков ретороманского «акцента» в швейцарско-немецкой речи.

3) Отождествление швейцарско-немецких ненапряженных согласных с ретороманскими звонкими вполне вероятно, но не обязательно, так как в ретороманском звонкость авто-

матически связана с ненапряженностью, тогда как глухие согласные являются, как правило, напряженными. Если носитель ретороманского произносит [drai] со звонкой артикуляцией вместо [ɖrai/ «три», то слушающий — носитель швейцарско-немецкого воспримет его фонологические намерения правильно. С другой стороны, наивный носитель ретороманского может не ощутить различий между *s*/t/ и *s*/D/ и будет произносить оба звука как /t/, например [tɛnkɐ] вместо *s*/ɖɛnka/ «думать». Опасность непонимания уменьшается вследствие того, что функциональная нагрузка оппозиции «напряженные : ненапряженные» невелика.

4) Средний ряд /y, ø/, а значит различительный признак лабиализации, отделяющий эти фонемы от /i, e/ соответственно, в ретороманской системе отсутствует. Поэтому в определенных случаях можно ожидать делабиализации, например /'ɛrɛŋ/ вместо *s*/'øɛrɛŋ/ = *s*/'øpaŋ/ «кто-нибудь».

5) *s*/e/ и *r*/ɛ/ могут смешиваться, так как в фонетическом отношении *s*/e/ является довольно открытым; например *s*/hɛnD/ = [hɛnD] «руки» может интерпретироваться ретороманскими слушателями как **r*/hɛnt/ с гласным /ɛ/.

6) По ретороманскому образцу следует ожидать автоматической аффрикации *s*/s/ и *s*/ʃ/ после /п, л, ʎ/, например [halts] вместо *s*/hals/ «горло».

7) Особые трудности вызывает различение долготы гласных, поскольку в ретороманском гласные удлиняются автоматически перед /s, ʃ/, всеми звонкими, а также в конечной позиции в слове. Форма ['zi·bɐ] «напрягать» — фонологически *s*/'zi·ba/ может интерпретироваться с точки зрения первичной системы ретороманских фонем как **r*/ziBa/ с простым /i/, так как в позиции перед /b/ этот гласный удлиняется автоматически. То же происходит с ['zæ·Gɐ] «сказать» — фонологически *s*/'zæ·Ga/, которое будет звучать почти одинаково с ретороманским **r*/'zɛga/. Форма ['vi·lɐ] = = *s*/'vila/ «моменты (множ. ч., косв. пад.)» будет соответствовать **r*/'vila/, так как ретороманские гласные являются долгими и перед /l/. С другой стороны, форма типа ['fili] = = *s*/'fili/ «много» может интерпретироваться как **r*/filli/, так как удвоение здесь означает краткость гласного. Но слова типа ['zi·bɐ] = *s*/'ziBa/ «семь», ['bæzɐ] = *s*/'Bæza/ «метла» или ['a·pɛŋ] = *s*/'a·paŋ/ «свободный от снега» не соответствуют этим ретороманским моделям²⁴, поэтому носитель ретороманского языка как первичного будет склонен к неправильному произношению: ['zi·bɐ], ['bæ·zɐ], ['a·pɛŋ].

Следовательно, форсированное удлинение гласных в одних позициях и сокращение их в некоторых других представляет собой еще одну важную черту ретороманского «акцента» в швейцарско-немецком языке.

8) Любые слова с ударением не на последнем или предпоследнем слоге являются чужими для первичной ретороманской системы. Поэтому швейцарско-немецкий тип ударения при суффиксации представляется для ретороманцев совершенно неприемлемым. Ср. слова со значением «серебро, серебрянный»:

	<i>Ретороманские</i>	<i>Швейцарско-немецкие</i>
Существительное	ar jian	'zilBar
Прилагательное	arjan-!tiŋ	'zilBar-iG

Таким образом, можно предсказать, что основными чертами ретороманского «акцента» в швейцарско-немецком будут смещение /k/ и /k^h/, отсутствие лабиализации в /y, ø/ и удлинение или сокращение гласных в зависимости от их окружения. Будут также наблюдаться: ненужная звонкость ненапряженных согласных, аффрицирование некоторых фриктивных, слишком низкая артикуляция /e/, слишком высокая — [æ], слишком передняя — [a]. Наконец, /h/, которое в ретороманском подобно чистому выдоху, может получать недостаточное фарингальное трение.

Ситуация В: Первичная система — швейцарско-немецкая, вторичная — ретороманская

1) Произношение всего ряда ретороманских палатальных согласных для таких двуязычных представляет трудности. Наблюдаются попытки различных субституций: [tʃ] вместо *r*/c/, [lj] или [j] вместо *r*/ʎ/ и др. Из всех палатализованных наиболее легко осваивается на практике *r*/'ɲ/ — возможно потому, что эта фонема часто встречается в конце слова, где ее невозможно интерпретировать как */-ɲj/, поскольку такой сегмент в первичной швейцарско-немецкой системе неизвестен.

2) *r*/'ʒ/ представляет собой иноязычную фонему, но может интерпретироваться как ненапряженный эквивалент фонемы /ʃ/. Возможно оглушение этой фонемы, но

3) звонкость согласных в целом представляет для всех этих говорящих проблему. Носители швейцарско-немецкого

склонны интерпретировать оппозиции $R/b, d, \dots / - R/p, t, \dots /$ с точки зрения ненапряженности, т. е. в соответствии с системой их первичного языка. Поэтому они обычно артикулируют звонкие согласные как ненапряженные глухие [B, D, G] и т. д., лишь в интервокальной позиции наблюдается окказионально легкое озвончение. Неполное озвончение или отсутствие звонкости представляет собой главный признак швейцарско-немецкого «акцента» в ретороманском.

4) Произношение $R/n/$ как [ŋ] после $R/w/$ представляет трудность; форма типа [rawnŋ] «хлеб» будет, по-видимому, упрощаться в [rawn].

5) Произношение $R/s, ʃ/$ после $R/n, l, \lambda/$ как аффрикат не представляет трудностей, так как в швейцарско-немецком есть фонемы /ts/ и /tʃ/. Так, $R/ru'mawŋʃ/ = [ru'mawŋtʃ]$ «ретороманский» может трактоваться как $*_s/ru'mauntʃ/$ (исключая [ŋ]).

6) Швейцарско-немецкая система располагает достаточным количеством гласных в сравнении с ретороманской. Долгие аллофоны могут воспроизводиться без трудностей, даже если они получают при этом ненужную фонологическую интерпретацию, например [la·de] «широкий» — в ретороманском просто /^lada/ — получает новую интерпретацию как $*_s/la·da/$ с долгим гласным. Иногда различительный признак «смещается» без каких-либо последствий: ретороманское [mes·e] «месса» интерпретируется как $*_s/mesa/$ с коротким гласным, в то время как ретороманская форма фонологически представляет собой /^lmessa/ с геминированным согласным. При этом не существует тех трудностей, которые отмечались в ситуации А (п. 7).

7) Различение ретороманских фонем $R/i/$ и $R/ɪ/$ представляет трудности. В первичной швейцарско-немецкой системе эти звуки являются аллофонами $s/i/$, выбор которых определяется абруптивным или свободным характером слога. Поэтому оба звука легко смешиваются. Например, $R/kun'ti/$ «нож» может произноситься неправильно как [kun'ti·].

8) Ударение любого ретороманского слова усваивается довольно легко, но морфологические функции ударения во вторичной системе представляются двуязычным этого типа совершенно непостижимыми. Такие разграничения, как, например, $R/ma'la/$ «ест» и $R/ma'la/$ «есть (инф.)» невозможны в швейцарско-немецком языке. Поэтому следует

ожидать ошибок в ударении в форме инфинитива, и такие случаи действительно были нами зарегистрированы. Типы ямбического и анапестного ударений, например $R/la'dim/$ «навоз», $s/ladl'me/$ «навозная куча», в швейцарско-немецком, хоть и редко, но все же встречаются (ср. $s/k^h an'to \cdot n/$ «кантон», $s/pa'ra \cdot t/$ «готовый» и др.) и, по-видимому, не создают никаких затруднений.

Таким образом, основными признаками швейцарско-немецкого «акцента» в ретороманском являются: субституция более знакомых фонем и сегментов вместо палатализованных согласных, оглушение звонких взрывных и фрикативных, произношение $[-wn]$ вместо $[-wɲ]$, смещение $/i/$ и $/ɪ/$, а также смещение ударения. Возможны также чрезмерное озвончение или фарингальное трение при произношении $/h/$ и субституция $[a]$ вместо $/a/$, $[æ]$ или $[e]$ вместо $/ɛ/$.

Рассматривая явления интерференции во вторичной фонетической системе, можно выделить с фонологической точки зрения четыре основных типа:

1) Недодифференциация фонем (under-differentiation), которая происходит, когда смешиваются такие два звука вторичной системы, соответствия которым в первичной системе не различаются. Примерами недодифференциации являются случаи смешения носителями ретороманского языка $s/y/$ и $s/i/$ или носителями швейцарско-немецкого $R/i/$ и $R/ɪ/$.

2) Сверхдифференциация фонем (over-differentiation), при которой на звуки вторичной системы накладываются фонологические различия первичной системы там, где их не должно быть. Этот процесс можно прогнозировать, сравнивая контактирующие звуковые системы, даже если явления такого рода не всегда заметны. Например, в контакте ретороманского и швейцарско-немецкого таким случаем является интерпретация $R/^1lada/$ «широкий» как $*s/^1la \cdot da/$ с излишней долготой гласной. Мицка в своем описании латышско-немецкого языкового контакта объясняет «чистое и внимательное» немецкое произношение у прибалтийских немцев тем, что они разграничивают палатализованные и непалатализованные согласные (Mitzka 367). Другими словами, в этом случае немецкие $[k]$ и $[k']$ подвергаются сверхдифференциации, т. е. трактуются как разные фонемы — дорсальная и палатальная, подобные существующим в латышском языке.

3) Р е и н т е р п р е т а ц и я р а з л и ч и й (reinterpretation of distinctions) наблюдается в тех случаях, когда двуязычный индивид различает фонемы вторичной системы по тем признакам, которые для нее являются лишь сопутствующими или избыточными, тогда как для его первичной системы они релевантны. Например, ретороманское слово [ˈmes·v] «месса», фонологически трактуемое как $_R/ˈmessa/$, может интерпретироваться почти как швейцарско-немецкое $*_S/ˈmesa/$. Различительным признаком долготы, или удвоения, [s·], который в этом типе швейцарско-немецкого языка (где -ss- не встречается) является нерелевантным, в этом случае пренебрегают, в то время как краткость гласного, являющаяся в ретороманском сопутствующим признаком при размещении перед геминатом, становится в швейцарско-немецкой реинтерпретации различительным признаком. Подобным же образом швейцарско-немецкое [ˈfil·i] «много» (в фонологической записи $_S/ˈfili/$) может интерпретироваться как $*_R/ˈfili/$. Долгота [l·], которая в швейцарско-немецком сопутствует положению после краткой гласной, рассматривается здесь как различительный признак, тогда как подлинный различительный признак краткости [i] во внимание не принимается, поскольку долготу гласного ретороманский язык не трактует как признак релевантный.

4) С у б с т и т у ц и я з в у к о в (phone substitution) в узком смысле этого слова происходит с теми фонемами, которые в обоих языках определяются одинаково, но в их нормальном произношении существуют различия *. В описанной контактной ситуации ретороманское /e/ и швейцарско-немецкое /æ/ определяются как передние гласные максимальной открытости (краткость $_S/æ/$ не принимается во внимание), хотя швейцарско-немецкая фонема произносится более открыто. Фонемы $_R/b/$ и $_S/B/$ определяются оппозицией с напряженными (глухими), фрикативными и носовыми согласными гоморганной артикуляции, но $_R/b/$ является звонким всегда ²⁵, а $_S/B/$ только окказионально. Когда носитель ретороманского языка произносит $_S/ˈlæ·va/$ «жить» как [ˈlɛ·vɛ], то в этом случае наблюдается три явления субституции звуков сразу ²⁶.

Следует подчеркнуть, что изложенная выше классификация исходит не из непосредственных эмпирических данных, а из их фонологического анализа **. Факты, указанные как типы (2) и (3), на первый взгляд вообще не сле-

довало бы считать интерференцией. Фонетическая субстанция может по-прежнему оставаться в диапазоне реализации фонем вторичного языка, если даже их некоторые избыточные признаки будут рассматриваться говорящим как релевантные. Критерии этой классификации были определены, с одной стороны, исходя из норм описания фонем в речи одноязычных, а с другой, — учитывая требования диахронической фонологии, которая уделяет большое внимание анализу явлений интерференции (ср. § 5.1).

Можно также отметить, что из упомянутых четырех типов интерференции первые три группируются отдельно от последней ²⁷, так как они имеют отношение к признакам, релевантным в одном или обоих языках, последний же тип, названный фонетической субституцией, использует признаки, которые по своей синхронной функции являются избыточными, но способны стать релевантными, если система фонем изменится.

Естественно, что некоторые случаи фонетической интерференции из-за их сложности нельзя отнести ни к одному из упомянутых четырех главных типов. Особенно следует учитывать возможность усложнения вследствие *гиперкорректности* (*hypercorrectness*), которая может проявляться как при восприятии речи, так и в говорении и вполне доступна экспериментальному изучению ²⁸. Тем не менее предложенный здесь способ анализа позволяет не только определить формы фонетической интерференции в их функциональном аспекте, но часто и установить их структурную обусловленность ²⁹. Его можно также применять с равным успехом в той особой ситуации контакта, когда лингвист наблюдает звуковую систему незнакомого ему языка. Как и прочие люди, он может в этом случае подвергаться влиянию своей первичной звуковой системы, и фонология его родного языка может стать важным источником ошибок, особенно если языковед в своем описании будет придерживаться субфонемного импрессионистического подхода, который все еще практикуется, например, диалектологами ³⁰.

Существует область исследования, в которой решающая роль фонологической структуры в процессах фонетической интерференции выступает особенно явственно. Это изучение интерференции одной первичной звуковой системы в нескольких вторичных системах или нескольких первичных систем в одной и той же вторичной. При таком множественном анализе устанавливается структурная значимость мно-

гих отдельных фонетических явлений (см. § 5.2) ³¹. Рид, Ладо и Шен смогли, например, с замечательной точностью предсказать явления интерференции испанского, китайского и португальского языков в английской звуковой системе (Reed, Lado and Shen 434). Значение подобного подхода для методики обучения языкам не требует доказательств, но и в общетеоретическом плане многие нерешенные проблемы, относящиеся к данной области, нуждаются в решении на структурной основе. Например, ни французский, ни русский языки не имеют фонем /ð, θ/, но в контакте с английским французы склонны произносить *e/ð, θ/* как [z, s], а русские произносят в этих случаях обычно [d, t]. Таким образом, французы воспринимают как наиболее релевантный признак этих фонем их протяженность (continuance), отличающую *e/ð, θ/* от /d, t/, тогда как русские считают решающим признаком их плавность (mellowness), отличающую /ð, θ/ от резких фонем /dz, ts/. Такая реакция столь постоянна, что ее следует объяснять общими свойствами контактирующих фонемных систем ³², и возможность структурного истолкования является в этом случае наиболее перспективной ³³.

2.2.2. Двойная интерференция. Восприятие иностранного акцента

Когда одноязычный индивид (не имеющий специальной лингвистической подготовки) слышит, как на его языке говорят с иностранным «акцентом», то само это его восприятие и интерпретация этого акцента будут подвергаться интерференции со стороны его родной фонетической системы ³⁴. Например, двуязычный, пытающийся говорить на языке *S*, воспроизводит звуки *S* по правилам системы языка *P*, который для него является первичным. Одноязычный говорящий или слушающий, родным языком которого является *S*, соотносит эту искаженную речь с системой *S* как первичной. В описанной выше контактной ситуации Швейцарии носитель швейцарско-немецкого языка как родного будет стремиться произносить *R/dat/* «дает» как [dat], подставляя [d] вместо [d] и [a] вместо [a]. Один признак первичного согласного — его ненапряженность — сохраняется, но одноязычный слушающий — ретороманец будет ощущать отсутствие решающего признака — звонкости. Если предположить, что в процессе восприятия на слух он восстановит [a]

на месте [a], то ему будет казаться, что он слышит [tat], т. е. фонологически совсем иное слово. В соответствующем контексте эта форма будет, конечно, понята правильно, однако мы все еще очень мало знаем о том, что же составляет этот «надлежащий» контекст. Остается надеяться, что занимающая сейчас лингвистов и психолингвистов (ср. Щерба 18; Martinet 343, 4; Miller 362, 79) проблема понимания несовершенной речи, в которой содержатся искажения под воздействием звуковой системы другого языка, привлечет к себе также внимание фонетистов и специалистов по теории связи, изучающих проблемы понимания (ср. Straus 539, 710).

Конечно, не все типы интерференции одинаково способны вызывать неправильное понимание даже в условиях одного и того же контекста. Фонетическая субституция, как она была определена выше, т. е. непривычное произношение фонемы, которая может быть опознана, по-видимому, представляет собой тип интерференции, наименее подверженный угрозе непонимания. Например, когда иностранец пользуется апикальным [ɾ] в речи на языке, где нормой является увулярное [R] или ретрофлексное [ɻ], то это вряд ли вызовет трудности в общении. Столь же несущественными для слушателя окажутся явления сверхдифференциации в речи иностранца; одноязычный русский может даже не заметить, что итальянец трактует русские аллофоны фонемы [e] в *ɾ[ɫ]p'et'* «петь» и [ɛ] в *ɾ[n'et]* «нет» как разные фонемы. Недодифференциация фонем, наоборот, неизменно вызывает у одноязычного слушателя дезориентацию, пусть даже она незначительна и компенсируется контекстом.

Хотя одноязычные слушающие (не лингвисты) обычно воспринимают звуковую субституцию точно и совсем не замечают сверхдифференциации, их представление о том, что из явлений, относящихся к двум остальным типам звуковой интерференции, составляет иноязычный «акцент», часто бывает совершенно превратным. Иностранец, допускающий недодифференциацию, т. е. заменяющий две фонемы одной, в то же время реализует ее иначе, руководствуясь правилами аллофонии своего родного языка, которые его одноязычному слушателю неизвестны. В случае реинтерпретации фонологических различий, проводимой иностранцем по собственной модели релевантных различительных признаков, артикулируются звуки, которые иногда представляются одноязычному слушателю правильными фонемами, а в других случаях — как в первом примере данного параграфа:

$r/dat/ \rightarrow s[dat] = */tat/$ — приводят к недоразумениям.

Таким образом, неправильное понимание речи иностранца обусловлено в структурном отношении фонемной системой данного одноязычного лица; поскольку же оно в дальнейшем постоянно подкрепляется, то, в конце концов, становится стереотипным. Например, француз, несведущий в лингвистике, считает, что эльзасцы, говоря по-французски, постоянно смешивают звонкие и глухие согласные. В действительности же эльзасцы просто интерпретируют французские согласные в соответствии со своей собственной диалектной системой немецкого языка, в которой один и тот же ряд согласных в интервокальной позиции произносится звонко, а в других позициях — глухо. Следовательно, $f/pari/$ и $f/abe/$, произносимые как $[b̥ari, abe]$, могут считаться «правильными», но $f/bet/$, произнесенное $[bet]$, или $f/epe/$, воспроизведенное как $[ebe]$, будут восприняты как «неправильные». Разграничение аллофонов $[b]$ — $[b̥]$ не находит соответствий во французской фонологической системе и поэтому остается незамеченным; оно вызывает у француза впечатление случайных явлений или даже может восприниматься им как отсутствие должных корреляций или как регулярно встречающаяся неправильность. Аналогичное положение наблюдается чаще всего также в тех случаях, когда английские слова произносят носители диалекта идиш, в котором $[h]$ не является фонемой. Такому говорящему (если он не лингвист) кажется, что там, где должно быть $/h/$, оно опускается, а там, где в нем нет необходимости, появляется. Дело в том, что в данном диалекте идиш $[h]$ представляет собой регулярно употребляемый между любыми двумя гласными глайд нефонемного характера. Поэтому $e/his arms/$ и $e/tuw hedz/$ такой говорящий произнесет правильно, но $e/tuw armz/$ будет им произноситься как $[tu· harmz]$, а $e/hiz hed/$ примет вид $[hiz ed]$. В обоих этих примерах недодифференциация со стороны двуязычного будет замечена, но практикуемые им звуковые субституции будут определяться неправильно.

Где бы между двумя фонетическими системами ни существовало различие, всюду будет возникать интерференция независимо от того, какая из этих систем будет первичной. Однако эта интерференция может быть различной по своему типу. Так, если в языке *A* существует различие в долготе и краткости гласных, тогда как язык *B* к этому признаку безразличен, то в контактной ситуации, где *A* является пер-

вичным языком, будет наблюдаться свехдифференциация, а в ситуации с первичным языком *Б* — недодифференциация. Однако, поскольку не все типы интерференции воспринимаются с одинаковой готовностью, в разных случаях одноязычные слушатели могут отмечать разные акцентные признаки: носитель языка *А* будет трактовать в качестве признаков акцента *Б* на своем языке не те черты, которые носитель языка *Б* квалифицирует как характерные для акцента *А* в своем. Например, носители ретороманского языка заметно смешивают в своей швейцарско-немецкой речи *s/k^h/* и *s/k/*, тогда как носители швейцарско-немецкого как будто не испытывают трудностей в произношении единственного ретороманского глухого дорсального взрывного, и свехдифференциация в этом случае является скрытой. Этот момент может иметь большое значение при изучении взаимовлияния языков.

2.2.3. Структурные факторы, содействующие или препятствующие фонетической интерференции

Из контрастивного анализа фонем двух языков и рассмотрения способов их употребления можно составить список форм фонетической интерференции, которых можно ожидать, если данные языки окажутся в контакте. Когда звуки рассматриваются как часть фонетической системы, появляются новые факторы, либо содействующие, либо препятствующие неправильному произношению звуков.

Фактором, позволяющим избежать определенных ошибок в речи на чужом языке, является наличие в первичной системе фонем соответствующих «отверстий», или «пустых клеток» (ср. Martinet 343, 19 и сл.), в которые могут входить чуждые фонемы вторичной системы. В описанном выше случае языкового контакта в Швейцарии ретороманская фонема */z/* чужда швейцарско-немецкому языку в такой же степени, как и фонемы */ʁ/*, *ɣ/* и др. Но, рассматривая систему швейцарско-немецких фонем (см. схему на с. 40), мы находим, что в ней есть готовое место для фонемы */z/* или, во всяком случае, для ее глухого эквивалента. Носителю швейцарско-немецкого языка как первичного нет необходимости изучать хотя бы один новый артикуляционный признак, чтобы произносить данный звук в ретороманском. Он просто использует тот же изгиб языка, что и в *s/ʃ/*, трение, как в *s/z*, *v*, .../, и ненапряженность, как в *s/z*, *B*, .../ (или звон-

кость, если он сумеет ее воспроизвести). Таким образом, его фонемная система как целое больше предрасположена к правильному произношению /ʒ/, чем, например, к произношению фонемы /ʁ/, палатальность которой совершенно чужда швейцарско-немецкой системе. Проникновение первой из этих двух фонем в швейцарско-немецкий язык облегчается факторами структурного порядка.

До сих пор мы рассматривали фонемы как элементы звуковых систем. Интерференция проявляется, кроме того, и в области фонемных сегментов (sequences), используемых в лексике данного языка. Наличие или отсутствие аналогичных сегментов в первичном языке может, соответственно, устранять или стимулировать использование подобных последовательностей во вторичном. Так, в ретороманском существуют фонемы, соответствующие швейцарско-немецким /i, n, g/, и все же последовательность *s/-ing/* в слове /'tsiting/ «газета» была замещена более знакомой *s/-im/*, и данное слово было заимствовано ретороманским языком в виде /'tsitim/. Подобным же образом те двуязычные носители швейцарско-немецкого, которые овладели иноязычной палатальной фонемой *R/c/*, по нашим наблюдениям, все же произносили слово *R/'gratsca/* «спасибо» как [ˈgratsɕɐ], упрощая непривычное скопление согласных с помощью эпентезы [-ɐ-].

Интерференция зависит также от дистрибуции фонем в словах данных языков, так как те или иные оппозиции фонем имеют в них неодинаковую функциональную значимость (Martinet 343, 8 и сл.). Исходя из особенностей первичной звуковой системы, можно, например, теоретически предсказать, что носители швейцарско-немецкого языка, для которых он является родным, будут смешивать ретороманские фонемы /i/ — /ɪ/ (ср. с. 44). Оказывается, однако, что функциональная нагрузка этой оппозиции очень велика: различия этих двух фонем позволяют разграничивать многие распространенные слова, например, *R/ci/* «кто» и *R/si/* «что», встречающиеся в одной и той же синтаксической позиции. Поскольку ситуации, в которых такое разграничение является существенным, весьма часты, возникает тенденция, препятствующая осуществлению потенциальной недодифференциации. Напротив, различия между *s/k^h/* и *s/k/* (ср. с. 41) или между *s/y/* и *s/i/* не являются столь нагруженными в функциональном отношении. Некоторые разновидности швейцарско-немецкого языка, используемые в смежных районах и имеющие аналогичный словарный состав, функцио-

нируют, практически не различая фонем /y/ — /i/. Ввиду этого и носители ретороманского языка как первичного могут практиковать недодифференциацию этих двух фонем, не испытывая затруднений в общении.

2.2.4. Распространение явлений фонетической интерференции

При изучении распространения звуковых изменений, вызываемых влиянием других языков, было бы полезно исследовать, одинаковым ли способом и с одинаковой легкостью распространяются результаты разных типов интерференции. Конкретных данных в этой области очень мало, тем не менее некоторые теоретические вопросы нуждаются в освещении.

Совершенно очевидно, что тип интерференции, названный нами звуковой субституцией, занимает среди других типов особое место. Он не вызывает немедленных нарушений во вторичной системе фонем и в то же время воспринимается одноязычными наиболее точно. Таким образом, звуковая субституция не только сигнализирует о присутствии другой языковой модели, но может практиковаться с точки зрения вторичной звуковой системы относительно безнаказанно. Эти две характерные черты субституции способствуют тому, что в сообществах вторичного языка она является наиболее распространенной среди прочих типов интерференции. Если такой новый способ реализации определенных фонем начинает восприниматься как модный, то он приобретает еще большее распространение. Новые способы реализации фонем распространяются почти с такой же легкостью из одного языка в другой, как и в пределах одного и того же языкового сообщества, ибо одинаковость их реализации не требует обязательного наличия значительного общего словарного фонда обоих языков, она может быть свойственной и фонемам, представленным в словах, генетически совершенно не связанных друг с другом (Troubetzkoy 570, 348) ³⁵

То, что двуязычный индивид, отождествляя фонемы двух разных языков, реализует их одинаково, с точки зрения экономики является вполне естественным: ведь использование в обоих языках одних и тех же произносительных навыков значительно облегчает его лингвистическое бремя (ср. с. 31). Практически, чтобы добиться такой структурной роскоши.

как поддержание раздельности субфонемных навыков в каждом языке, необходимо достичь довольно высокой изошренности в каждом из них. Например, если двуязычный швейцарец отождествляет ретороманское /h/ и швейцарско-немецкое /ħ/, то он, будет, по-видимому, и произносить их аналогично, несмотря на то что одноязычные носители швейцарско-немецкого произносят этот звук с большей степенью фарингального трения³⁶. Если он все же не произносит их аналогично, то следует предполагать воздействие других, внеструктурных факторов.

Конечно, звуковая субституция, будучи вначале совершенно безвредной, может в конечном счете привести к изменениям фонологической системы языка, подвергающегося воздействию. Например, субституция апикального [r] вместо увулярного [R] может интерферировать в некоторых языках со звуками /x/ и /χ/ и таким образом вызвать смещение ряда фонем (ср. Martinet 343, 5 и сл.). «Можно считать,— говорил Сэпир,— что отдельные изменения, возникающие на лингвистических окраинах, то ли как следствие неосознаваемого влияния иноязычной речи, то ли в результате перенесения звуков иного языка в речь двуязычных лиц, постепенно включаются в фонетическую эволюцию данного языка» (Sapir 468, 213 и сл.). Из этого, между прочим, следует, что звуковая система, подвергшаяся влиянию иного языка, вовсе не должна представлять собой точную копию воздействующей на нее системы.

Исследование распространения субфонемных инноваций через языковые границы может проводиться в том же порядке, что и диалектологические студии, в которых решающую роль нередко играют факторы скорее культурного, чем лингвистического характера. Двуязычный швейцарец, в первичной ретороманской системе которого фонема /h/ не обладает различительными признаками звонкости или фарингального трения, будет склонен произносить по привычке такое же /h/ и в тех случаях, когда говорит на швейцарско-немецком. Только пуристические требования к швейцарско-немецкому произношению могут заставить его отказаться от этого навыка и начать пользоваться «подобным собственной фонеме» звонким *h* или фрикативным [ħ], в то время как в самой структуре вторичного языка потребности в этом не существует. Если в ситуации контакта [ħ] все же замещается звонким *h* или [ħ], то распространение нового фонетического варианта из межъязыкового пограничья внутрь одноязыч-

ного массива будет скорее объясняться подражанием моде или «культурной наклонностью» («cultural slope»).

На этом, как будто, и заканчивается область строго структурной лингвистики. Действительно ли чистота швейцарско-немецкого произношения представляет в данной контактной ситуации какую-либо символическую значимость, достаточную для того, чтобы в произношении двуязычных ретороманцев звук [h] не замещался звуком [ħ], или же швейцарско-немецкое языковое сообщество в целом относится к двуязычной окраине так, что одноязычные могут воспринять из нее способ произношения фонемы /ħ/ как [h], — на основе только тех данных, которые предлагаются в обычном лингвистическом описании, определить невозможно. Необходимо дополнительная информация психологического или социокультурного содержания; кроме дескриптивных лингвистических методов, следует использовать также исследовательские приемы других наук (см. гл. 4).

Что касается проникновения результатов тех типов интерференции, которые приводят к немедленным нарушениям в системе фонем, то они, по-видимому, обусловлены факторами структуры и от факторов культурного порядка зависят мало. Конечно, перестройка системы фонем иногда связывается с социальным статусом языка. Например, слияние /I/ и /I'/ в чешском языке приписывают влиянию престижной городской речи, сильно окрашенной немецким акцентом (Jakobson 252, 54). Подобным же образом слияние /ʃ, tʃ/ с /s, ts/ в городской речи Хорватии, как сообщают, было вызвано иностранным акцентом носителей венецианского диалекта итальянского языка (Селищев 16, 721). Во многих других случаях, напротив, перестройка системы фонем наблюдается и при отсутствии у воздействующей стороны превосходящего социального статуса³⁷, а в некоторых случаях даже тогда, когда она представлена менее уважаемой речью (например, прогрессивное слияние фонем /ш/ и /i/ в валлийском языке. — Sommerfelt 522, 96). Поэтому вместе с Якобсоном можно сказать, что язык «принимает иноязычные структурные элементы только в тех случаях, когда они соответствуют его собственным тенденциям развития» (Jakobson 252, 54). Поскольку, однако, такие скрытые внутренние тенденции существуют и при отсутствии каких-либо иноязычных влияний, то можно считать, что языковой контакт и вызываемая им интерференция действуют наподобие спускового крючка, либо освобождая путь для процессов,

созревающих самостоятельно, либо ускоряя их. Если до сих пор скрытые тенденции (или течения, как их называл Сэпир) обнаруживались лишь *a posteriori*, то теперь можно будет надеяться, что, пользуясь новыми методами диахронической фонологии, их возможно будет зафиксировать еще до того, как они проявятся. Когда это будет достигнуто, значение изучения интерференции для исторической лингвистики еще больше возрастет.

2.2.5. Фонетическая трактовка перенесенных морфем

До сих пор мы имели дело с речевыми произведениями, принадлежавшими одному языку *S*, т. е. состоявшими из связанных слов этого языка, в которых были использованы звуки другого языка *P*, обладающего иной фонетической системой. Если систему фонем одного языка обозначить индексом, а буквами в косых скобках обозначить словарь, к которому относятся данные морфемы, то данная ситуация будет иметь следующий вид:

$$P/...S S S S.../.$$

Если, однако, в речь на языке *P* будет перенесена морфема из словаря языка *S*³⁸, то она подвергнется интерференции звуковой системы *P*. Конечно, переносимые отдельные фонемы трактуются определенным образом не только двуязычными, но и одноязычными. Они могут представлять собой «унаследованные» заимствования, в перенесении которых говорящий лично не участвовал (ср. § 2.1.4).

Сущность проблемы состоит в том, чтобы выяснить, интегрируется ли морфема, заимствованная из языка *S*, в фонетические модели *P* или же она сохраняет оригинальные характеристики звуков *S*. Другими словами, какой из следующих ниже процессов происходит:

(1) $P/...P P P S P P P P.../$ или

(2) $P/...P P P/ S/S/ P/P P P P/?$

Например, когда носитель языка идиш использует в высказывании на родном языке английскую морфему $E/'wɒʃɪŋtən/$, то он может выбрать одно из двух: (1) либо интегрировать ее фонологически как $Y/'vaʃɪŋtən/$, либо (2) попытаться, насколько это возможно, сохранить ее английское звучание³⁹. Английские формы $/æ'ɪl mɪnəj/$, $/æ'ɪl mɪnɪj/$ выражают соответственно мужской и женский род, если

употребляются как фонологически интегрированные заимствования (/aj/ = -i, /ij/ = -æ), но когда носитель пытается сохранить латинское звучание, то происходит как раз наоборот: /aj/ = -æ, /ij/ = -i.

На какой основе совершается этот выбор? Утверждают, что если говорящий является двуязычным, то он будет стремиться воспроизвести заимствованную морфему в ее оригинальном звучании; если же он одноязычен, то более вероятно, что будет «приводить заимствованные слова в соответствие с фонетическими и фонологическими моделями родного языка» (Fries and Pike 163, 40; ср. Haugen 209, 216; Møller 373, 9). Так, одноязычный с родным языком меномини произносит английское слово *automobile* как /atamo·pen/, а двуязычный — как /atamo·pil/ (Bloomfield 69, 447). Подобным же образом мы наблюдали, как носители языка идиш, которые в стране прежнего жительства произносили /'vaʃɪŋtɒn/, после того как изучили в США английский язык, стали произносить это же слово /'vʌʃɪŋtən/ даже в высказываниях на идиш. Хауген объединяет одноязычных и лиц, ставших двуязычными во взрослом периоде, в одну группу, все члены которой приспособляют звучание заимствований к моделям родного языка, в отличие от двуязычных с детства, которые сохраняют в заимствованных словах иноязычные фонемы. Например, взрослые норвежские иммигранты в США, говоря на родном языке, произносят *lake* «озеро» как /lek/, тогда как их двуязычные дети произносят это же слово более точно, как [lejk/ (Haugen 209, 216 и сл., 222).

Следующим возможным фактором, определяющим выбор трактовки и покамест не привлекавшим достаточного внимания, является отношение говорящего к языку-источнику (S), из которого заимствована данная морфема. Если среди членов языкового сообщества P этот язык пользуется высоким культурным или социальным престижем, то заимствования из него могут произноситься близко к оригинальному звучанию, чтобы показать образованность или социальное положение говорящего. Например, по тому, как человек произносит слово *salon*: /sa'lɔ̃/ или /sæ'lɒn/, в определенных англоязычных кругах могут судить о его положении в обществе независимо от того, двуязычен он или нет. Такие же обстоятельства порождают гиперкорректные формы типа английского /tejtɛjtɛj/ от заимствования *tête-à-tête*. Наоборот, отношение к чужому языку как к средству общения, лишенному должного престижа, вызывает искусственные

пародийные образования типа американского /fizikjuw/ вместо /fi'zijk/ *physique* «телосложение».

Стремление сохранить оригинальное звучание заимствованных единиц зависит, по-видимому, от индивидуальных и социокультурных факторов, которые весьма напоминают факторы, обуславливающие общий объем интерференции (см. главу 4). Было бы полезно изучить, насколько различные усилия приходится прилагать, например, носителям английского языка при воспроизведении оригинальных фонем, когда слова заимствуются из языков, обладающих высоким социокультурным статусом (как французский) или низким (как американо-индейские).

В результате заимствования большого количества иноязычных слов в совсем неассимилированной или частично ассимилированной форме в звуках языка-реципиента могут произойти изменения. Благодаря заимствованию не только устанавливаются новые сегментные модели, как, например, в словах английского языка начальные *v-* и *z-*, французского — конечное *-ng*, идиш — начальное *dl-* и т. п., но и могут возникать новые релевантные различительные признаки, новые фонемы: /g/ в отличие от /k/ в чешском языке (Mathesius 347), /ʌ, ɹ/ в отличие от /l, n/ в идиш, /o/ в отличие от /uo/ в латышском, /f/ в отличие от /xv/ в русских диалектах (Аванесов 2, 125 и сл.), /t/ в отличие от /d/ в языке мазатеко (Fries and Pike 163, 30. См. Garvin 167, 13 о языке зок) и т. д.

Дальнейшая судьба звучания отдельных заимствований зависит от действия тех же механизмов интерференции, которые управляют связной речью на вторичном языке (§ 2.2.1—2.3). Но связное высказывание двуязычного на языке *S*, даже если оно несовершенно, должно все же настолько приближаться к фонемике *S*, чтобы речь была понятной для одноязычных слушателей. Использованию же слова, заимствуемого из *S*, в высказывании на языке *P*, наоборот, не препятствует то, что его необходимо привести в соответствие с новой фонологической нормой, и поэтому на отдельные заимствованные слова механизмы интерференции действуют с особенной силой. Если говорящий имеет в виду интегрировать заимствованное слово, то те же механизмы вызывают сплошную субституцию всех фонем. Так, испанское *yegua* «кобыла» превращается в языке таос в /jəwə²ona/ (Trager 564, 146), итальянцы в США усвоили название *Brooklyn* как /broko²lino/, слово *husband* «муж» как /osbiru/, *box* «ящик» как /²bokisa/ (Menarini 353), гавайцы заимствуют

имя *George* как /keoki/, слово *rice* «рис» как /laiki/, *brush* «щетка» как /palaki/ (Carr 107, 18). Наряду с простой субституцией фонем начинают действовать различные типы аналогии. Датчане заимствуют немецкое *Maschine* как *maskine* по аналогии с такими когнатами, как *Schuh* «туфля» ~ *sko*. Некоторые носители идиш видоизменяют *painter* «художник» в /pejntner/, *coat* «пиджак» — в /kojt/ ⁴⁰. Под действием народной этимологии длинные слова переосмысливаются в составные значащие единицы, причем соответственно перестраивается и их фонологическая форма (например, знаменитое *asparagus* «спаржа» > *sparrowgrass*; ср. Lomtel 323), или вследствие переразложения компоненты слова становятся продуктивными элементами в процессах словосложения (например, *hamburg-er* «булочка с рубленным бифштексом» > *ham-burger* > *byrger*, *beef-burger*).

Так как слова могут заимствоваться в их письменном виде, фонетическая интеграция иногда начинается с орфографической формы. Благодаря транскрибированной передаче слова *tsar* < русск. *царь* это русское заимствование произносится в американо-английском с /ts-/, а немецкое *Zwieback* «сухарь», имеющее тот же самый начальный звук, усвоено со звучанием /'zwijbak/ (ср. Bloomfield 69, 448; также Naugen 209, 223 об американо-норвежском и Møller 373, 10—12 о датском). Английские заимствования звучат по-разному в японской разговорной речи Гавайских островов, куда многие из них пришли «со слуха», и в литературном японском языке (во всяком случае, до 1945 г.), который усваивал свой английский материал из печатных изданий. Например, литературный японский язык заимствовал слово *gasoline* «бензин» в его письменной форме, откуда появилась форма *gasorin*; в разговорном японском на Гавайях соответствующее слово произносится /g'asʰrin/, так как японцы воспринимают на слух начальный английский согласный как палатальный, а гласную [ə] — как нечто близкое к [ʃ] (Carr 107).

Существуют для многих языков удовлетворительные описания фонетической интеграции корпуса заимствований (см. Frey 162; Лыткин 10), но систематического обзора всех возможных процессов и механизмов, в котором бы учитывались как структурные, так и культурные факторы, все еще нет.

2.3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

2.3.1. План анализа

Грамматическая интерференция представляет собой одну из наиболее сложных и спорных проблем общего языкознания ⁴¹. Многие видные лингвисты выражали сомнение в том, что в области грамматики (во всяком случае морфологии) вообще возможно какое бы то ни было влияние одного языка на другой. «Грамматические системы двух языков непроницаемы друг для друга», — говорил Мейе (Meillet 349, I, 82). Такого же мнения придерживался Сэпир: «Мы не находим нигде морфологического взаимовлияния, кроме чисто поверхностного» (Sapir 468, 217). Столь же энергично отстаивал противоположную точку зрения Шухардт, заявляя: «Даже столь тесно связанные морфемы [*dichte Zusammenschlüssel*], как флексии, не застрахованы от вторжения иноязычного материала» (Schuchardt 492, 195). Такие же суждения высказываются и в настоящее время: «Влиянию, которое может оказывать одна морфологическая система на другую, в принципе нет пределов» (Bazell 50) ⁴².

Такая крайняя противоречивость мнений даже среди авторитетных ученых * объясняется прежде всего несогласованностью понятий и терминологии. Нет еще и сейчас полного единства в разграничении морфологии и синтаксиса, грамматики и лексики (ср.: Vogt 585, 38), и все же это не должно служить препятствием для систематического исследования грамматической интерференции. Главное, чтобы оба языка, участвующие в данной контактной ситуации, описывались одними и теми же терминами. Неопределенность и спорность границ между словами и другими лингвистическими единицами, между морфологией и синтаксисом и так далее могут не влиять на точность наблюдений, если наблюдаемые при сравнении различия рассматривать как различия в степени качества. Например, несмотря на то что в некоторых языках или языковых типах морфемы, являющиеся словами (т. е. свободные), и морфемы, ими не являющиеся (т. е. связанные), различаются совершенно четко, в общем плане «степень связанности» морфем вполне можно рассматривать как величину переменную, что дает возможность избежать необходимости в решении вопроса об абсолютности границ морфологии, словообразования, синтаксиса и фразеологии.

В нашем анализе мы будем пытаться обойти спорные вопросы классификации единиц общей грамматики. В частности, мы ограничимся следующими одним абсолютным и двумя относительными разграничениями единиц:

а. М о р ф е м ы (т. е. сегменты высказывания и просодические признаки, которые дифференцируют простые морфемы) отличаются от грамматических отношений, в том числе от: (1) порядка размещения, (2) согласования, подчинения и других подобных отношений между грамматическими единицами и (3) модуляций ударения и высоты тона. Это разграничение в данном случае является важным, так как двуязычные лица могут отождествлять грамматические функции морфем одного языка с грамматическими отношениями, которые существуют между единицами другого. Например, представитель русско-английского двуязычия может отождествлять отношение словопорядка между единицами *loves* и *Mary* в предложении *John loves Mary* «Джон любит Мэри» с морфемой *-y* в аналогичном русском *Иван любит Марий-у*, где эта морфема выражает винительный падеж, превращая слово *Мария* в прямое дополнение.

б. Б о л ь ш а я и л и м е н ь ш а я о б я з а т е л ь н о с т ь к а т е г о р и й. В определенном языке выражение одних категорий бывает более обязательным, чем выражение других. Например, в английском, выражая действие посредством личной формы глагола, время его совершения по отношению к моменту речи нужно обязательно выразить соответствующей формой грамматического времени. Таким образом, эта категория более обязательна, чем, скажем, принадлежность одушевленного объекта к определенному полу, выражение которой факультативно даже в тех случаях, когда существительное может выражать различия в роде: *teacher* «учитель» — *woman teacher* «учительница», *friend* «друг» — *boy friend* «друг (муж. р.)», *poet* «поэт» — *poetess* «поэтесса», *wolf* «волк» — *she-wolf* «волчица» и др. Когда такое разграничение имеет обязательный характер, один из членов оппозиции может иметь нулевой показатель. Например, отсутствие *-s* в *(he) put* указывает прошедшее время («он положил»), а отсутствие *she-* в единице *wolf* не обязательно означает принадлежность к мужскому роду. Грамматические отношения тоже могут быть более или менее обязательными. Так, в немецком языке строгий порядок размещения подлежащего и сказуемого менее обязателен, чем в английском,

а в русском он более факультативен, чем в любом из этих двух языков.

в. Большая или меньшая степень синтагматической связанности морфем, служащих средством выражения определенных категорий. Так, *-t* в латинском *amaui-t* «он любил» более связано (т. е. менее отделимо), чем *il* во французском /il-eme/ (*il aimait*). Английская морфема *he* в *he loved*, в свою очередь, является еще менее связанной, чем французское *il*, она еще более отделима и может использоваться и в других функциях.

Мы надеемся, что эта схема даст возможность избежать при рассмотрении фактов того предубеждения, которое содержится в столь резких и, по-видимому, поспешных заявлениях, как, например, высказывание Мейе (см. выше с. 60). Нужно иметь, однако, в виду еще два условия, которые должны учитываться при всяком анализе. Во-первых, определенные морфемы и грамматические отношения одного языка могут встретиться в речи на другом языке как «заимствования». Во-вторых, морфемы и грамматические отношения, равно как и классы морфем, могут быть объектом междузязычного отождествления, как это было показано в § 2.1.1.

Исходя из этого, в условиях контакта двух языков — *A* и *B* следует ожидать грамматической интерференции языка *A* в языке *B* или наоборот, в которой различаются следующие типы:

(1) Использование морфем *A* в разговорной (или письменной) речи на языке *B*, например, в предложении языка идиш: /n'it er b'itix/ <англ. *not he but I* «не он, а я». В этом случае необходимо исследовать, существуют ли различия в способности к перенесению среди различных классов морфем (§ 2.3.2), а также изучить, как перенесенные морфемы интегрируются воспринимающим языком (§ 2.3.7).

(2) Использование определенного грамматического отношения языка *A* в речи на языке *B* или пренебрежение отношением, свойственным языку *B*, но не имеющим соответствия в языке *A* (§ 2.5.3). Ср.: *he comes tomorrow home*, где по отношению к английским единицам использован немецкий порядок слов (< *er kommt morgen nach Hause* «он приезжает завтра домой»).

(3) Изменение (расширение или сужение) функций морфемы *B* соответственно грамматической модели языка *A* как следствие отождествления морфемы *B* с морфемой языка *A* (§ 2.3.4) *. Например, двуязычные носители идиш отожд-

дествляют собственное слово *ver* «кто» с английским *who* «кто; который» и в результате используют его в функции относительного местоимения (*der mentš ver iz do* вместо *der mentš vos iz do* по образцу английского *the man who is here* «человек, который находится здесь»). По аналогии с моделями языка *A* ряд категорий, существующих в языке *B*, станет выражаться новыми морфемами. Могут возникать даже совсем новые обязательные категории, а некоторые из существовавших устраняться по аналогии с другим языком (§ 2.3.5) *.

В случаях интерференции первого типа (когда происходит перенесение морфем) удобно говорить о языке-источнике и языке-реципиенте. При интерференции второго и третьего типов (когда никакие морфемы не переносятся) более предпочтительно различать язык-модель и копирующий язык (*the replica language*).

2.3.2. Грамматическая функция морфем и вероятность их перенесения

Прямое перенесение морфем из одного языка в речь на другом с целью восполнения недостаточности ресурсов его словаря будет рассмотрено ниже, в § 2.4. В данном параграфе рассматривается, в какой мере переносимость морфем зависит от их грамматической функции в языке-источнике и от сопротивления этому процессу со стороны языка-реципиента.

Перенесение столь сильно связанных морфем, как флексии, встречается в европейских языках, по-видимому, чрезвычайно редко. К сожалению, изучение этого явления затрудняется тем, что даже известные несколько случаев описаны неудовлетворительно.

То, что на первый взгляд может показаться перенесением сильно связанной морфемы, при более тщательном анализе оказывается часто явлением совсем иного порядка (см. Schuchardt 491, 9) **. Иногда свободные формы переносятся в какой-либо язык парами — одна с аффиксом, а другая без аффикса. Наличие такой пары в языке-реципиенте дает возможность даже одноязычному лицу расчленять соответствующую двухморфемную единицу на корень и аффикс, а затем распространять употребление этого аффикса, присоединяя его к другим, в том числе и к исконным корням. Например, окончание множественного числа *-im* в идиш

pójerim «крестьяне», *doktójrim* «врачи» лишь в конечном счете восходит к древнееврейскому языку, но не является непосредственным перенесением из него. Скорее это расширение использования формы множественного числа по аналогии с такими парными единицами идиш, как *min* — *minim* «вид, сорт», *giber* — *gibójrim* «сильный человек» и т. д., и т. д., — свободными формами, заимствованными попарно из древнееврейского. Английский суффикс уменьшительности *-ette* в словах типа *kitchenette* «кухонька» представляет собой продуктивный формант, выделенный в таких парных заимствованиях, как *statue* «статуя» — *statuette* «статуэтка», *cigar* «сигара» — *cigarette* «сигарета», но не является прямым перенесением этой связанной морфемы из французского языка ⁴³.

Однако, если даже исключить подобные случаи ⁴⁴, остается немало других, которые нельзя истолковать иначе, как перенесение сильно связанной морфемы. Одним из таких примеров является скрупулезно описанное Капиданом перенесение окончаний первого и второго лица единственного числа болгарского глагола в мегленитский диалект румынского языка (находящийся в обращении севернее Салоник) (Capidan 104, 159 и сл.; тоже: 102, 91): окончания болгарского происхождения *-um* (*-am*) и *-iš* встречаются здесь на месте более старых *-u* и *-i*: *aflum* «я нахожу», *afliš* «ты находишь» вместо *aflu*, *aflī*. Знаменательно, что в окружающем болгарском диалекте тип с *-am*, *-iš* является самым продуктивным из нескольких существующих типов спряжения. Некоторые болгарские глаголы, принадлежавшие раньше к спряжению на *-ā*, приняли парадигму *-am* (*pletā* > *pletam* «я вяжу, скручиваю», *rastā* > *rastam* «я расту» и т. п.). Складывается впечатление, что расширение вследствие аналогии глагольного класса на *-am* как бы перешагнуло через границы территории болгарского языка, распространившись и в румынском диалекте. Конечно, категория первого лица единственного числа настоящего времени индикатива в румынском существовала, когда для ее выражения была введена новая морфема. Здесь, таким образом, имело значение особое условие — то, что в структурном отношении румынское и болгарское спряжения до момента перенесения совпадали. Этот случай явно напоминает распространение флексий среди близких диалектов одного языка, когда обязательны два предварительных условия — конгруэнтность грамматической структуры и сходство словаря ⁴⁵.

Почти такие же благоприятные условия характеризуют контакт ретороманского и швейцарско-немецкого языков, где наблюдается случай, близкий к перенесению связанных морфем. Двухязычные дети замещают ретороманский неопределенный артикль женского рода *in* (вариант *ina*, употребляемый перед гласными) формой *ina-n* (*ina-n-ura* «час» вместо *in'ura*), подражая модели швейцарско-немецкого языка, в котором, как и в английском, артикль *a* перед словами, начинающимися гласным, изменяется в *an* (*a p^fluag* «плуг», *an ap^fal* «яблоко»). Валлийский язык, в котором иногда для усиления множественности собирательного существительного используется английское *-s* (например, *seren* «звезда», *sēr* «звёзды» (собирательно), *sērs* «звезды» (множественно) (Sommerfelt 522, 8), и до этого тоже имел категорию множественного числа. Отсюда совершенно ясно, что наличие большой конгруэнтности в структуре облегчает перенесение морфем ⁴⁶, ибо сильно связанная морфема настолько зависит от своей грамматической функции, что, если в чужой системе для нее не окажется готовой функции, эта морфема окажется там бесполезной.

Наблюдатели встречали перенесение связанных морфем так редко ⁴⁷ прежде всего потому, что искали такие явления прежде всего в языке, а не в речи двухязычных индивидов ⁴⁸. Нет сомнения в том, что более тщательный анализ речи, особенно в условиях, где интерференция действует почти без помех (ср. § 3.4), поможет обнаружить большое количество явлений перенесения даже наиболее сильно связанных морфем ⁴⁹.

Что такие случаи перенесения преходящи и поэтому их обнаруживают редко в языке-реципиенте, — явление совсем иного порядка, заслуживающее особого изучения. Оно может быть связано с действием факторов культурного значения (§ 4.2), но при этом могут играть роль и факторы языковой структуры. Показательно, что в нескольких из зарегистрированных примеров перенесение морфемы практикуется с той целью, чтобы заменить ею нулевую морфему или морфему, состоящую из небольшого количества фонем. Например, в швейцарском диалекте итальянского языка *-en* замещает нулевую морфему в форме множественного числа; в румынском языке *-o* используется вместо нулевого показателя формы вокатива; в английском, подвергающемуся влиянию идиш, префикс *ge-* выступает на месте нулевого форманта в пассивном причастии, а суффикс *-ke* использует-

ся как показатель женского рода. В мегленитском диалекте румынского языка морфемы *-ut*, *-iș* занимают место более кратких *-u*, *-i*, а в швейцарско-немецком языке Урсерена морфема *-nt* замещает *-t* (или нуль). Двухязычный индивид, без сомнения, чувствует потребность в том, чтобы категории одной его системы выражались не менее сильно, чем другой, и переносит соответствующие морфемы с целью их усиления *. Одноязычный носитель языка-реципиента, со своей стороны, если только он не подвергается влиянию другой системы, может и не ощущать необходимости в таком усилении. Более того, часто одноязычные вовсе не замечают этих перенесенных морфем в речи иностранца из-за их неприметности. Не ощущая их присутствия и не зная функций, одноязычные вряд ли могут усвоить такие морфемы. Например, в креольском карибском языке нашло отражение некогда существовавшее состояние двухязычия, при котором не различались функции сильно связанной чередующейся морфемы, различающей французские формы рода — мужского /plē/ «полный» и женского /plen/. Эти формы были заимствованы каждая отдельно как простое слово, отличающееся от другого своим значением: *plē* «полный», *plen* «беременная; полная (о луне)». Аналогично были также заимствованы слова *fě* «утонченный, изысканный», *fin* «тонкий» и др. (Taylor 552, 43).

Перенесение морфем с целью усиления экспрессии процветает, естественно, там, где используются соответствующие аффективные категории. В одном из своих ранних, но все еще ценных трудов Шухардт отмечал переносимость уменьшительных и ласкательных суффиксов (Schuchardt 491, 86).

В немецком языке бывшей Силезии были зарегистрированы многочисленные уменьшительные формы польского происхождения (Pritzwald 419). В современном иврите приобрели распространение ласкательные формы на *-le*, заимствованные из идиш (Rubin 454, 308). Двухязычные носители идиш используют во многих своих вторичных языках излюбленное в их родном морфологическое средство выражения пренебрежительности — повторение слова с замещением начального согласного группой /šm-/, например *libe-šmibe* «любовь — что за любовь?!» В американском английском, как показал Шпитцер, модель *money-shmoney* «деньги-шменги» распространяется, по-видимому, и среди одноязычных лиц (Spitzer 525).

В соответствии с концепцией относительной связанности морфем (с. 62) мы можем теперь перейти от безусловно связанных к более свободным формам и проверить, могут ли какие-нибудь части речи или классы форм проявлять большую способность к перенесению в сравнении с другими. Интересно было бы, например, проверить правильность утверждения, будто переносимость класса морфем является функцией не одной из контактирующих систем, а обеих. Другими словами, возможно, удалось бы показать, что для замещения более связанной морфемы, которая в выполнении данной функции обладает большой вариативностью, вероятнее всего будет использована эквивалентная ей относительно несвязанная морфема. Так, прилагательные в украинском и в румынском языках изменяются по степеням сравнения, но в украинском сравнительная степень выражается с помощью связанного безударного суффикса (часто с изменениями в корне слова), в то время как в румынском используется более четкая модель: чтобы образовать сравнительную степень, перед прилагательным, которое при этом сохраняет неизменную форму, ставится отделимая частица *mai*. По некоторым данным, в ситуации украинско-румынского контакта двуязычные практикуют усиление собственной украинской формы сравнительной степени с помощью перенесенной румынской морфемы *mai* (в результате получается нечто вроде избыточного сочетания *more older* «более старший» (Rasoviță 421)*.

Перенес ли бы тот же говорящий *mai* во французский язык, где *plus* является столь же несвязанной и инвариантной морфемой? Ответ на этот вопрос должен оставаться умозрительным, так как конкретных данных в этой области, к сожалению, пока очень мало.

При прочих равных условиях, а также отвлекаясь от факторов культурного характера, можно полагать, что в речи двуязычных лиц морфемы со сложными грамматическими функциями менее способны к перенесению, чем морфемы, выполняющие простые функции. Так, перенесение предлога, управляющего одним из нескольких падежей, будет менее вероятным, чем перенесение свободно употребляемого существительного⁵⁰. Вспомогательный глагол, зависящий от союза или определяющий форму залога основного глагола, тоже, по-видимому, менее способен к перенесению, чем глагол полнозначный. Напротив, такие неотегрированные морфемы, как слова-предложения или междо-

метия, могут переноситься почти свободно ⁵¹. Конечно, определенную роль при этом играет и структура языка-реципиента. Если в нем есть падежи, которые двуязычный может отождествлять с системой падежей другого контактирующего языка, то перенесение предлога может облегчиться.

Классы морфем определенного языка можно расположить в виде непрерывного ряда от флексий, наиболее интегрированных в структурном и синтагматическом отношениях, через такие «грамматические слова», как предлоги, артикли или вспомогательные глаголы, до полнозначных слов — существительных, глаголов и прилагательных и далее до независимых наречий и совершенно неинтегрируемых междометий. Тогда можно было бы выдвинуть следующую гипотезу: чем более полной является интеграция морфемы, тем менее вероятной может быть ее перенесение ⁵². Шкалу этого типа представлял себе Уитни еще в 1881 г. (Whitney 624) и после него многие лингвисты. Хауген называет ее «шкалой приемлемости» (scale of adoptability), но, по-видимому, недостаточно подчеркивает ее гипотетический характер по отношению к речи двуязычных (Haugen 209, 224). Нет нужды доказывать, сколько придется провести кропотливых наблюдений и какой большой материал подвергнуть анализу, прежде чем удастся проверить реальность этой гипотезы ⁵³.

Оставляя без внимания речь двуязычных, исследователи производили статистический анализ классов форм, приведенных в списках заимствований. В частности, Хауген определил в нескольких списках заимствований из английского в американских норвежском и шведском процентное соотношение частей речи. Оказалось, что результаты противоречат даже собственной его концепции переносимости: в одном списке было 75% существительных и всего 1,4% междометий (в то время как последние, ввиду своей структурной независимости, должны были бы иметь, по крайней мере, такую же степень переносимости, как и существительные (Haugen 209, 224). Возможно, что сами статистические приемы нуждаются в совершенствовании. Прежде всего необходимо определить частотность определенных классов заимствований в тексте. Например, междометия могут составлять в абсолютном исчислении лишь одну сотую общего количества различных заимствований, но в речи могут встречаться по 20—30 раз на каждую сотню заимствован-

ных единиц. Во-вторых, отношение различных классов форм среди заимствований следует сравнить с отношением этих же классов в общем словаре языка-источника и языка-реципиента (с точки зрения как частотности в тексте, так и численности в словарных списках). Может, к примеру, оказаться, что из тридцати встретившихся существительных заимствованным является только одно, а среди междометий перенесено одно из каждых трех.

Если бы можно было как-то измерить частоту определенных слов в речи различных членов языкового сообщества, то появилась бы возможность показать, что частотность перенесенных единиц уменьшается по мере того, как мы переходим от лиц с более высокой степенью двуязычия, являющихся непосредственными агентами перенесения, к более одноязычному массиву данной группы ⁵⁴. В этом случае можно было бы подтвердить или опровергнуть то, что до сих пор утверждалось гипотетически: что принятие перенесенных единиц наталкивается на выборочное сопротивление, присущее грамматической системе языка-реципиента.

Было, например, высказано мнение, что в индоевропейских и в семитских языках флективные глагольные системы ⁵⁵ оказывают сопротивление введению в них новых основ, тогда как классы существительных являются более открытыми. Действительно, древнееврейский язык не может воспользоваться глаголом, в корне которого больше четырех согласных ⁵⁶, тогда как другие языки, тоже с флективными, но не ограниченными по протяженности основами, способны осваивать и такие нововведения. При освоении иноязычных глаголов новая основа получает в немецком языке суффикс *-ieren*, в русском *-ировать*, в новогреческом *-adzi* (Graug 180), в американском сицилийском *-i* или *-ari* (Menarini 353) ⁵⁷. Идиш имеет для большинства глаголов древнееврейского происхождения особое перифрастическое спряжение (например, *mekane zajn* «завидовать», *ix bin mekane* «я завидую» < m^eqanê < q-n-?). Американский португальский язык может не только присоединять свои флексии непосредственно к английским глагольным основам, но и прибегать к перифразе: *fazer o boda* «беспокоить» (< англ. bother) и даже *fazer o find-out* (Pap 392, 100, 105) ⁵⁸. Подобные приемы используются в этих флективных языках и по отношению к другим классам морфем.

Почему же тогда в обычных списках заимствований преобладание существительных столь значительно? Объясне-

ние следует искать скорее на лексико-семантическом, чем на структурно-грамматическом уровне. В тех языках и в тех ситуациях контакта языков и культур, где до сих пор проводилось изучение заимствований, новые обозначения требовались для таких денотатов (ср. § 2.4.4), которые в подавляющем большинстве случаев обозначаются существительными. При других условиях языковых и культурных контактов это соотношение может быть иным⁵⁹. Например, при контакте европейского языка, в котором многие конкретные «предметы» обычно обозначаются существительными, с языком, в котором некоторые из этих функций выполняются глаголами (например, язык нутка), доля существительных среди заимствований была бы, вероятно, меньшей, чем обычно. Далее, в культурной среде, в которой при заимствовании предпочтение отдается понятиям духовного и абстрактного содержания, заимствование других частей речи, помимо существительного, даже в европейском языке, тоже может быть более значительным. Этим можно, например, объяснить тот факт, что среди заимствований из древнееврейского языка в языке идиш сравнительно большую долю составляют глаголы, наречия, союзы и предлоги, хотя и здесь существительные тоже преобладают.

Сами по себе необходимость флективного оформления или ограничение относительно фонемного состава основы (например, ее протяженности) вряд ли могут быть препятствиями для заимствования. Там, где есть флексии, существуют обычно и распространяющие основу аффиксы, с помощью которых осваиваются новые основы. Там, где основа должна иметь определенную предписанную фонемную форму, ее можно приспособить к этим формальным требованиям (см. § 2.3.7). Некоторые классы морфем какого-либо языка (например, флексии или местоимения) действительно производят такое впечатление, что они менее восприимчивы к нововведениям, чем другие классы, но лишь в такой степени, в какой данные классы оказываются адекватными при возникновении какой-нибудь культурной инновации, пусть даже конкретно-материального характера.

2.3.3. Интерференция в области грамматических отношений

На с. 62 приводилось предложение *he comes tomorrow home* как пример перенесения грамматического отношения (порядка единиц) из одного языка (немецкого) на морфемы другого (английского). В речи двуязычных такая интерференция чрезвычайно распространена.

Существует несколько типов интерференции в области отношений: (1) копирование отношений другого языка, явно передающее не то значение, которое имел в виду говорящий. Например, немец говорит по-английски: *this woman loves the man* по аналогии с немецким *diese Frau liebt der Mann*, имея в виду выразить значение «эту женщину человек любит», но получая результат прямо противоположный; (2) копирование отношений другого языка, при котором нарушается существующая в данном языке реляционная модель, из-за чего высказывание либо может вообще утратить смысл, либо его значение выясняется из общего содержания. Например, немец говорит по-английски вместо *he came yesterday* «он пришел вчера» *yesterday came he* по образцу немецкого *gestern kam er*; (3) тип, который представляет собой интерференцию лишь в теоретическом смысле: он состоит в ненужном применении определенного типа отношений к тому языку, в котором для данной области не требуется какого-либо обязательного вида отношений. Например, когда индивид, родным языком которого является английский, будет говорить по-русски, все время придерживаясь английского порядка слов «подлежащее + сказуемое + дополнение», то от этого его речь будет слишком монотонной, но никаких нарушений русской грамматики не произойдет ⁶⁰.

Все эти типы интерференции могут воздействовать на любой тип отношений — на порядок слов, модуляции просодических характеристик, согласование и подчинение.

(а) **П о р я д о к с л о в.** Примеры интерференции в порядке слов многочисленны. Двуязычные швейцарские дети говорят по-реторомански: /I₁na 'kotʃna tʃa'petʃa/, используя порядок слов швейцарско-немецкого языка «артикл + прилагательное + существительное» вместо правильного ретороманского расположения /I₁na tʃa'petʃa 'kotʃna/ «красная шляпа». В соответствии с швейцарско-немецкой моделью предложения, по которой наречные компоненты ставятся в главном предложении на последнем мес-

те, они говорят: /ɛl a la tʃa'petʃa aɲ/ вместо /ɛl a aɲ la tʃa'petʃa/ «он в шляпе». В языке якуи слова типа *betč'i?ibo* «для» обычно следуют после существительного, например *?in-áčai betč'i?ibo* «мой-отец для», т. е. «для моего отца», но по образцу испанских предлогов порядок слов изменяется и реляционный элемент предшествует существительному: *bélč'i?ibo ?in-áčai* (Johnson 259). В португальском языке США сложные существительные образуются с английским порядком компонентов: *Português Recreativo Club* вместо *Club Recreativo Português* (Pap 392, 85).

(б). Просодические модуляции. Систематическое описание просодических моделей, действующих в конкретных языках, находится еще в младенческом состоянии, поэтому рассчитывать на получение точных данных о влиянии одного языка на другой в этой области было бы преждевременным⁶¹. Достаточно привести два примера:

(1) В языке идиш есть тип интонации, которым оформляется общий вопрос типа «да-или-нет», когда на него ожидается отрицательный ответ. В этом случае тон повышается, как в обычном вопросе «да-или-нет», но после достижения наибольшей высоты резко падает. Ср.: *du vilst smétane* «ты хочешь сметаны» (с контуром — — —); то же предложение в виде общего вопроса: «ты хочешь сметаны?» с контуром — — — — и то же предложение со значением «ты не хочешь сметаны, правда?», где контур будет — — \ . Некоторые носители идиш используют этот тип интонации и в речи на другом языке, например по-английски *you're going home* (— — \), подразумевая «ты не идешь домой, правда же?» (английское: *you aren't going home, are you?*).

(2) Правила словосложения в области существительных идиш требуют, чтобы первый компонент имел четкое и более сильное ударение: /'kix-meser/ «кухонный нож», /'bixer-ɔjs-ʃtelung/ «книжная выставка». Под влиянием английского языка в речи на идиш в США этим правилом иногда пренебрегают; здесь можно услышать формы типа /'arbeter-'ring/ < англ. Workmen's Circle «кружок рабочих» вместо /'arbeter-'ring/ или /'perets-mitšul/ «средняя школа Петца» вместо /'perets-mitšul/ и т. п.

(в). Согласование и подчинение. Среди отношений этого типа интерференция очень распространена. В Швейцарии двуязычные дети говорят по-реторомански: /la tʃa'petʃa ɛ /'kotʃan/ «шляпа красная», не согласуя

предикативное прилагательное в роде с подлежащим: /...ə 'kotʃna/, поскольку подобного согласования не существует в швейцарско-немецком языке. Двухязычные словенцы, следуя итальянской модели, пренебрегают правилом родного языка, требующим, чтобы прямое дополнение стояло в винительном падеже (Vendryes 580, 341) ⁶². Носители чувашского языка обычно забывают, что форму прошедшего времени русского глагола нужно согласовывать в роде с подлежащим, и говорят в соответствии с моделью родного языка: *сын не пил чай* вместо *не пил* (Селищев 14) ⁶³. В языке идиш США, напротив, под влиянием английской модели иногда выделяется избыточное значение поссесивности, например: *er šnajst zajn noz* «он сморкается» вместо *er šnajst di noz*.

Примеры такого рода можно было бы приводить бесконечно, так как случаев неправильного применения типа грамматических отношений или полного пренебрежения им засвидетельствовано очень много. Такое распространение данного типа интерференции объясняется, вероятно, тем, что, не будучи сегментами высказывания, грамматические отношения с точки зрения наивных носителей языка менее заметны ⁶⁴. Если имеющиеся факты принадлежат преимущественно к тому типу, при котором нужное значение угадывается хотя бы по общему смыслу (ср. с. 71), то это можно, по-видимому, объяснить значительно более сильным сопротивлением, с которым встречается реляционная интерференция, ведущая к искажению значения.

Интерференция может также относиться к области функций языковых единиц, которые в одном языке могут выполняться морфемами, а в другом — средствами грамматических отношений. Например, функцию, выполняемую в немецком языке морфемой *dieser* «этот», в отличие от *die*, в языке идиш часто выполняет ударение: *af der 'gas* = *auf der Strasse* «на улице»; *af 'der gas* = *auf dieser Strasse* «на этой улице». Это различие приводит к тому, что представители двухязычия с немецким и идиш либо переносят в идиш немецкую морфему, либо используют (часто избыточно) эмфатические модели идиш: *af ot der gas*, *af der döziker gas* и др.

2.3.4. Копирование функций эквивалентных морфем

Если двухязычный индивид отождествляет морфему или грамматическую категорию языка *A* с морфемой или категорией языка *B*, то он может использовать форму *B* для выпол-

нения тех грамматических функций, которые он берет из системы А.

К установлению междуязычной эквивалентности морфем или категорий двуязычный приходит на основе либо их формального сходства, либо сходства их предыдущих функций. Сходство формы дает возможность носителям американского идиш отождествлять собственное *or* «прочь, вниз» с английским *up* «вверх». Отсюда возникают такие новообразования, как *or-rufn* (по аналогии с английским *to call up* «звать наверх; звонить (по телефону); призывать (в армию)»). Венгерские отглагольные прилагательные на *-andó/-endő* были ошибочно отождествлены с латинскими формами на *-andus/-endus* и вследствие этого получили функцию герундива (Sauvageot 470) ⁶⁵.

Подобно этому уже по сходству функции узбеки отождествляют русскую конструкцию «из + родительный падеж» и свой собственный паритив, используя ее даже там, где в русском языке требуются другие предлоги: *от*, *у* и др. (Абдулаев 1). На той же основе, — через процесс, идентичный лексическому калькированию (ср. § 2.4.1), — в каждом из балканских языков развился ряд из двух специализированных союзов, вводящих дополнительные предложения: один (например, румынское *ca*) употребляется после глаголов «говорить», «думать», «полагать», а другой (например, румынское *să*) после «хотеть», «требовать» и других, что соответствует различию между среднегреческими *ōti* и *va* (Sandfeld 464). В венгерском языке союз *akár* «или» был отождествлен со своими славянскими эквивалентами (например, сербохорватским *volja*), в результате по их модели образовалась парная конструкция *akár...akár* «или...или» (сербохорватское *volja...volja*) (Simonyi 509). Финская форма *epä* — первоначально причастие настоящего времени глагола отрицания — была использована в словосложении в качестве отрицательного префикса «не-» по образцу шведских *om-*, *on-* (Sauvageot 470, 498). Во многих европейских языках полностью скопирована с других языков вся система наречных префиксов (adverbial complements): в ретороманском с немецкого (Jaberg 245, 287 и сл.), валлийском с английского (Vendryes 580, 343), венгерском (в определенной степени) с немецкого (Sauvageot 470, 498), в идиш со славянских (Landau 298). Например, в идиш наречные префиксы германского происхождения *far-*, *tse-*, *on-*, *der-* имеют аспектуальные

функции, которые весьма напоминают функции польских префиксов *za-*, *roz-*, *na-*, *do-* соответственно ⁶⁶. Иногда целые грамматические категории двух языков отождествляются друг с другом благодаря частичному сходству их функций. Например, носители немецкого языка в США, отождествляя английское и немецкое настоящее время, могут сказать *how long are you here?* вместо *how long have you been here?* «как давно вы здесь?» Вследствие отождествления третьего лица множественного числа силезского диалекта польского языка и эквивалентной категории немецкого языка неожиданно возникло ранее совершенно несвойственное польскому языку использование третьего лица множественного числа в функции вежливого обращения: *dokąd idą?* = *wohin gehen Sie?* «куда вы идете?» (Müller 377). Аналогичное явление отметил Шухардт в итальянской речи под воздействием словенского языка (см. Schuchardt 491, 99).

Под влиянием речи двуязычных лиц языковое сообщество может, систематически расширяя функции морфем в своем языке, не только изменить употребление отдельных форм, но даже образовать совершенно новую парадигму обязательных категорий по модели другого языка. Так возникли грамматические кальки наподобие нового бретонского перфекта с *am euz*, основанного на французском неопределенном прошедшем с *avoir*; появился постпозитивный определенный артикль в румынском, болгарском и албанском языках (Sandfeld 463, 165—173) ⁶⁷; исчез инфинитив в балканских языках и возникло под влиянием среднереческого языка разграничение двух союзов (Sandfeld 464); по образцу кушитских языков произошло разграничение между чисто грамматической связкой и глаголом «быть» в языках тигре и тигринья в Эфиопии (Leslau 310, 72); появилось в ретороманском и швейцарско-немецком языках будущее время со вспомогательными глаголами /vɛr/ и /kʰu/ («приходить») соответственно (Szadrowsky 548, 9); возник пассивный залог по модели немецкого языка в эстонском, лужицком * (Sandfeld 465, 60) ⁶⁸ и словенском (Vendryes 580, 343); частичная система видов в языке идиш на славянской основе (см. Schächter 476, 477 и Weinreich 612); частичная система вида в ирландском на английской основе (Sjöstedt 511, 112 и сл.). В Силезии немецкая глагольная конструкция «haben + причастие прошедшего времени» была заимствована польским языком в функции прошедшего времени: *ja to tam sprzedane* «я это продал» по образцу немец-

кого *ich habe es verkauft* (Vendryes 580, 343), что очень похоже на образование нового претерита типа *habeō scriptum* в поздней латыни, скопированного, как полагают, с греческого $\varphi\epsilon\rho\alpha\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu \dot{\epsilon}\chi\omega$ (Bonfante 77, 304) или нового венгерского плюсквамперфекта из *volt* «иметь», следующего за глагольной формой прошедшего времени, по образцу плюсквамперфекта немецкого языка (Sauvageot 470, 498) и т. д. и т. д.

Знаменательно, что при взаимодействии двух грамматических моделей образцом для подражания обычно служит та, в парадигме которой используются относительно свободные, инвариантные морфемы, т. е. модель, имеющая более эксплицитное строение⁶⁹. Это правило действует, по-видимому, не только при возникновении новых категорий, как в указанных выше случаях, но и при тех обусловленных контактом изменениях, когда возникает новый ряд формантов для выполнения уже существовавших и раньше в данном языке грамматических функций. Например, в эстонском возникла по немецкому образцу система обозначения владения посредством генитива личного местоимения (как свободной формы), который заменил в этой функции личный суффикс (связанную форму) — модель, все еще существующую в финском языке. Эстонцы употребляют формы *minu kodu* «мой дом», *sinu kodu* «твой дом», тогда как в финском (и, вероятно, в староэстонском) используется *koti-ni*, *koti-si* (Sauvageot 470, 498). Подобным же образом в амхарском языке параллельно с моделью поссессивной суффиксации типа *bet-kä* «ваш дом» возникла по модели кушитских языков более четкая местоименная конструкция: *yaantä bet* < *yä-antä bet* «вас (под. пад.) дом» (Leslau 310, 71). Во многом аналогичен этим явлениям процесс выхода из употребления в разговорном иврите Израиля поссессивных суффиксов (*bet-xa* «дом-ваш» сейчас используется гораздо реже, чем *ha-bait šel-xa* «дом вас») под давлением более эксплицитной модели языка идиш и других европейских языков, родных для столь многих жителей этой страны (Weiman 601, 7). Языковой контакт может вызвать настолько глубокие изменения в языке, что он может приобрести иной структурный тип (Belić 55, 304)⁷⁰.

Противоположный тип воздействия — изменение в сторону менее эксплицитной формы — обычно считается очень редким явлением (Vogt 585, 39), но некоторые подобные случаи все же в литературе освещены. Например, в диалекте таджикского языка северных районов Таджикской ССР

(окрестности Ходжента и Самарканда), где особенно тесен контакт с узбекским языком, таджикское спряжение развивается от изолирующего к более агглютинативному типу, при котором вспомогательные глаголы превращаются в аффиксы, т. е. становятся, как в узбекском языке, более связанными. В литературном таджикском языке, например, есть форма настоящего прогрессивного времени типа *man xurda istoda-am* «я едящий есть-я», т. е. «я ем (сейчас)». В упомянутом диалекте, подвергающемся узбекскому влиянию, развивается новая модель: *man xur(d)-sod-am*, где вспомогательное *istoda-* сведено к суффиксу основного глагола (> -*sod-*), а личное окончание присоединяется к основному глаголу. Соответствующий прототип узбекского языка — *kel-vat-man* «приходящий-есть-я»; суффикс -*vat-*, вносящий аспект процессуальности, здесь тоже, между прочим, возник из свободного вспомогательного глагола. Таким же способом образовались и многие другие глагольные формы таджикского языка (Ставроулли 17, 40 и сл.). В сербохорватском языке путем копирования турецкой модели *beli* «правильно» — *bezbeli* «совсем правильно» развилась продуктивная модель образования абсолютных суперлативов с помощью связанных морфем, например: *go* «обнаженный» — *gozgo* «совсем нагой»; *ravno* «ровно» — *ravravno* «совсем горизонтально» и др. (Skok 512). Показанная на этих примерах тенденция к развитию более связанных форм необычна, но строение моделей при этом представляется все же достаточно эксплицитным. Формантные элементы в них распознаются легко, появление их альтернантов регулярно.

2.3.5. Устранение обязательных различий

Следует, наконец, остановиться и на том типе грамматической интерференции, результатом которого бывает исчезновение грамматических категорий. Достаточно вспомнить уроки иностранного языка, где учащиеся не могут распознать в изучаемом языке формы падежей, рода или вида. Такой же процесс происходит и в ситуации естественного языкового контакта. Например, в языке гураж (южная Эфиопия) под влиянием языка сидамо утрачена последовательность в выражении рода прилагательных (Leslau, 310, 69), другими словами, в результате языкового контакта выражение данной категории стало менее обязательным (в том смысле, как об этом говорилось на с.61). Подобно

этому, носители немецкого языка в Техасе под воздействием английского пренебрегают в некоторых конструкциях различием датива и аккузатива (Eikel 142, 279). В глаголах языка якуи под испанским влиянием устраняется обязательность указания на инкорпорированное прямое дополнение, транзитивность (по отношению к косвенному дополнению) и лицо: модель *?inero ?enči-?a-mák-ria-ne* «я вам-это-давать-транз.-я» замещается более упрощенным *?inero ?en-máka* «я вам-давать», т. е. «я даю (это) вам» (Johnson 259). В удинском языке (Северный Кавказ) эргативная конструкция под влиянием армянского и татарского заменяется номинативной (Dirg 132, 306). В области столь обязательных категорий отклонения видны сразу же, при более же глубоко изучении они обнаруживаются и среди более факультативных категориальных типов. Например, в Ирландии «человек, немного знающий английский язык, часто предпочитает употребить ту ирландскую конструкцию, которая меньше противоречит его навыкам в английском [т. е. той грамматической системе, которая служит моделью]; это при условии, что он не действует сознательно, иначе результат будет противоположным... Даже в тех случаях, когда детали этого процесса не поддаются наблюдению, общий результат будет значительным, о чем свидетельствует все возрастающая банализация ирландского языка в тех сферах, где им пользуются параллельно с английским» (Sjæstedt 511, 121).

Как известно, в сильно гибридизированных вспомогательных торговых языках утрачивается бóльшая часть обязательных категорий, выражаемых связанными морфемами ⁷¹. Эти языки формируются постепенно из очень различных по структуре языков, поэтому с обеих сторон проявляется неспособность воспринять грамматические категории, не выраженные с достаточной эксплицитностью. Поскольку торговые языки складываются в обстановке весьма плохого изучения вторичных языков, причем в гибридной форме сохраняется только минимум их основных категорий, необходимость соблюдать грамматические различия значительно уменьшается и для их выражения вполне достаточными средствами оказываются свободные и необязательные формы.

2.3.6. Роль внеструктурных факторов

Из предыдущего следует, что утверждения вроде «Морфологии (не) могут смешиваться» при современном уровне наших знаний являются, по меньшей мере, слишком поспешными. Случаев полного перенесения из одного языка в другой всей грамматической парадигмы с ее формантами никто, по-видимому, еще не наблюдал, но перенесение отдельных морфем различных типов несомненно возможно при наличии благоприятных предпосылок структурного характера, например сходства начальных моделей или относительной несвязанности и постоянства формы данной морфемы. Кроме того, обязательные категории могут превращаться в факультативные или вовсе утрачиваться и по образцу моделей другого языка могут создаваться их копии, если этому, опять-таки, содействует относительная эксплицитность модельных категорий.

И все же не всякое сочетание благоприятных условий в структуре языков имеет следствием постоянную грамматическую интерференцию такого типа, какой можно на этом основании предсказать. Совершенно очевидно, что в языке как коде содержится меньше явлений интерференции, чем в речи двуязычных лиц. Происходит определенный отбор явлений, к тому же интерференция встречается со сложным сопротивлением. У нас нет пока достаточных данных, чтобы провести успешный анализ составляющих этого сопротивления — чисто структурно обусловленных (несовместимость новых форм с уже существующими), психологических (например, несклонность к использованию в повседневном обиходе речевого материала, перенесенного в аффективном контексте), социокультурных (положительные или отрицательные престижные коннотации перенесенных или воспроизведенных форм).

Для анализа, который мог бы должным образом осветить всю сложность языковых явлений, необходимы данные, полученные, прежде всего, из свободной речи двуязычных, находящихся в обстановке естественного языкового контакта. Приводимые обычно факты из уже отложившегося языкового фонда ни в коей мере не могут заменить этот ценный материал.

2.3.7. Грамматическая интеграция перенесенных слов

Перенесенное из одного языка в другой слово само подвергается интерференции грамматической и звуковой систем языка-реципиента, особенно в речи одноязычных говорящих. Как и в случае с фонетической трактовкой заимствований (ср. § 2.2.5), результаты этого воздействия можно представить в виде целой шкалы — от полного неприятия до полной грамматической интеграции данного слова.

Самой обычной процедурой при перенесении является грамматическая адаптация заимствованных единиц (Bloomfield 69, 453 и сл.; а также Migliorini 360). Польские иммигранты в США, заимствовав из английского языка слово *bootlegger* «торговец контрабандными товарами», склоняют его: *jeden z butlegerów*; образуют от заимствований новые слова по моделям собственного словопроизводства: *rokin-czer-ować* «качаться в кресле-качалке» (англ. to rock in the rocking-chair) от *rokin-czer* «кресло-качалка» < англ. rocking-chair (Doroszewski 134). В языке греческих иммигрантов США к перенесенным единицам присоединяются собственные флексии: *bossis* (< англ. boss) «хозяин, босс», *bommis* (< англ. bum) «бродяга», *grihonnis* (< англ. greenhorn) «новичок, новоприбывший иммигрант»; от них тоже образуются новые производные слова: *sain-atiko* < англ. (shoe) shine parlour «ателье чистки обуви» (Lontos 324). В литовском языке США перенесенные существительные оформляются соответственно определенному классу: *týčėris* (< англ. teacher) «учитель», *drėšė* (< англ. dress) «платье», *grýnoriūs* (< англ. greenhorn) «новоприбывший иммигрант, новичок» (Senn 505, 50). В американском идиш заимствованные глаголы спрягаются: *badern* (< англ. to bother) «беспокоить» — *er hot gebadert* «он беспокоил»; от заимствованных основ образуются производные: *holdópnik* (< англ. holdup man) «гангстер, грабитель», *olrájtnik* (< англ. all right) «самодовольный выскочка». Некоторые из этих американизмов нашли распространение в соответствующих языках и на территории Старого Света.

Особый интерес представляет грамматическая интеграция заимствованных слов в тех случаях, когда в языке-реципиенте для них потенциально открыты несколько классов. Так, английские глаголы, заимствуемые португальским языком в США, если только вообще спрягаются, то

включаются, как правило, в первое спряжение: *chinjar* (< англ. to change) «изменяться», *jumpar* (< англ. to jump) «прыгать» и другие — и лишь в редких случаях присоединяются к глагольному классу на *-ear*: *faitear* (< англ. to fight) «драться, сражаться» (Pap 392) ⁷².

В отнесении заимствуемого существительного к тому или иному грамматическому роду играют роль самые разнообразные факторы. Существительные, являющиеся названиями живых существ, получают, как правило, грамматический род в соответствии с биологическим полом обозначаемого: *a norsa* (< англ. nurse) «медсестра» в американо-португальском, *di noi(r)s* с тем же значением в американском идиш имеют женский род; *o boquipa* (< англ. bookkeeper) «бухгалтер» и *der bukkiper* в каждом из этих языков мужского рода ⁷³. Когда существительное обозначает неживой объект, решающей является форма слова: англ. *cracker* «крекер (тонкое сухое печенье)», преобразуясь в американо-португальском в *craca*, относится к женскому роду по окончанию *-a*; это же заимствование в литовском языке США имеет форму *krèkè* с окончанием женского рода *-ė* (Senn 505, 50). В языке идиш в США окончание слова *kreker*, напротив, относит его к мужскому роду. Некоторые существительные как бы получают свой род по наследству от тех слов, которые они замещают, например, в пенсильванском немецком слово *bailer* (< англ. boiler) «котел» мужского рода, так как оно заменило *kesel* муж. р., а *pigder* (< англ. picture) «картина» среднего рода, так как заменило слово *bild* ср. р. Слово *sing* расщепилось: в значении «кухонная раковина» (< англ. kitchen sink) оно заменило *der waseršang* и получило форму *der sing*, а в значении «слив в прачечной» (< англ. laundry sink) получило форму *di· sing* (вместо *di· wešbang*) (Reed 433). В американском норвежском языке *inč* «дюйм» мужского рода, так как оно заменило слово *tomme*, а *jagg* «ярмо» женского рода по ассоциации с *krukka* (Flom 161). Но в ряде других случаев основой для отнесения заимствования к определенному классу может быть бо́льшая продуктивность одного из нескольких грамматических родов в языке-реципиенте: мужского в американском норвежском (Flom 161, 28, 31), американском литовском (Senn 505, 48 и сл.) * и американском португальском (Pap 392, 102); женского в американском немецком (Aron 26) и в меньшей мере в американском идиш (Neumann 381, 418), например, англ. *train* «поезд» > амер. порт. *o treno*, амер. идиш *di trejn*.

В некоторых случаях мотивы отнесения заимствования к определенному роду необъяснимы. Почему, например, в американо-итальянском англ. *store* «магазин» дает *lo storo*, а *yard* «двор» > *la yarda*? (Vaughan 577)⁷⁴. Было бы очень желательно провести сравнительное исследование того, как реагируют все иммигрантские языки США на английские заимствования в отношении их рода и других категорий⁷⁵. Тот факт, что источник заимствования у них один и тот же, помог бы поставить на первый план структурные факторы, играющие важную роль в грамматической интеграции заимствуемых единиц.

Во всех приведенных примерах перенесенное слово было более или менее интегрировано грамматической системой языка-реципиента. Однако при некоторых обстоятельствах двуязычные лица проявляют безразличие к грамматической интерпретации перенесенного материала. Целые предложения могут переноситься в неанализируемом виде, например, в американо-итальянском *azzoraiti* (< англ. *that's all right*) «все в порядке; ладно»; *variuvanni* (< англ. *what do you want?*) «что вы хотите?»; *goraelli* (< англ. *go to hell!*) «иди к дьяволу!» (Menarini 353). Относительно особой речевой ситуации, вызывающей такое грамматическое безразличие, см. § 3.4.3.

При некоторых обстоятельствах проявляется сознательное стремление сохранить в переносимых словах морфологию языка-источника, как, например, при использовании латинских форм множественного числа типа *minim-a*, *fo-c-i*, *formula-e* вместо форм английского типа *minimums*, *focuses*, *formulas*; использовании в английском контексте формы русского множественного числа *Bolsheviki*; склонении заимствований из латыни в старомодном ученом стиле немецкого языка: *unter den Verbis* «среди глаголов» и др.⁷⁶ Во всех этих случаях в основе речевой практики лежит желание показать свою ученость, связанную со знанием языка-источника, играет важную роль и престиж самого этого языка. Таким образом, здесь проявляется важная роль одного из факторов из области культуры.

Итак, говорящему часто приходится делать выбор, интегрировать или не интегрировать переносимые слова, причем в области грамматики этот выбор проявляется даже более четко, чем в области фонетики (ср. § 2.2.5). Сам этот выбор не зависит, по-видимому, от структуры контактирующих языков, а определяется, скорее, психологическими и социо-

культурными факторами, доминирующими в данной контактной ситуации. Их необходимо анализировать отдельно (см. гл. 3, 4).

2.4. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

2.4.1. Механизмы лексической интерференции

Словарь одного языка может воздействовать на словарь другого разнообразными способами. Если мы имеем два языка — *A* и *B*, то из *A* в *B* могут переноситься морфемы *; морфемы *B* могут использоваться с новыми функциями обозначений по образцу тех морфем языка *A*, с которыми они отождествляются в плане содержания ⁷⁷; и, наконец, в случае сложных лексических единиц может наблюдаться сочетание обоих этих процессов ^{**}.

а. Простые слова.

(1) Среди простых (не сложных) лексических единиц наиболее обычным типом интерференции является прямое перенесение последовательности фонем из одного языка в другой. Примеры таких заимствований известны практически во всех языках, описанных до настоящего времени.

Эти единицы определяются как «простые» не с точки зрения лингвиста, а с точки зрения тех двуязычных лиц, которые осуществляют перенесение. Поэтому к «простым» словам относятся и те сложные, которые переносятся в неанализируемой форме. Таковы многие междометия, например, пенсильванское немецкое *holiřmok* (< англ. *holý smoke(s)!*) «боже мой!; вот те на!» (Werner 621), а также целые восклицательные предложения типа американо-итальянского *azzo-raiti* (< англ. *that's all right*) «все в порядке», *vazzumara* (< англ. *what's the matter?*) «в чем дело?» (Menarini 353, 159). Существуют также субстантивированные междометия, например, в аккадском французском *faire la didouce à* (< англ. *how do you do?*) «приветствовать» (Poirier 408, 281) или *le donquia* (< англ. *don't care*) «беззаботный человек» (Smith and Phillips 516), а также слова других классов: американо-итальянское *siriollo* (< англ. *city hall*) «ратуша», *sanemagogna* (< англ. *son of a gun*) «мошенник» (Menarini 353, 159, 175 и сл.), американо-португальское *o fòdejulai(a)* (< англ. *Forth of July*) «четвертое июля» (Pap 392, 98), немецкое в СССР *saditsen* (< русское *садиться*) (Braun 86) и т. д. и т. д. Итальянское *pizza* «большой горячий сырный пирог с соле-

ной начинкой» было перенесено в американский английский, где получило «усиление», превратившись в *pizza pie* «пирог пицца», а затем было перенесено обратно в американо-итальянский как неанализируемая составная единица *la pizza-paia* (Menarini 353, 163).

Переносимое слово иногда приобретает форму, которая своим составом фоном напоминает либо потенциальное, либо уже существующее в языке-реципиенте слово. В словах испанского языка на территории штата Нью Мексико: *bate* (< англ. baseball bat) «бейсбольная бита», *troca* (< англ. truck) «грузовик», *torque* (< англ. turkey) «индейка», *escore* (< англ. baseball score) «счет в игре» (Kercheville 272); или в штате Колорадо: *percolador* (< англ. coffee percolator) «кофейник с ситечком» (Trager and Valdez 566); в словах французского языка штата Луизиана: *guimbleur* (< англ. gambler) «азартный игрок» (Smith and Phillips 516) или французского языка Канады: *baquer* (< англ. to back) «поддерживать» (*c'est son père qui le baque*), *guésser* (< англ. to guess) «догадываться» (Barbeau 35, 105) — во всех этих единицах не содержится никаких или очень мало признаков, которые свидетельствовали бы об их недавнем заимствовании. Испанские слова в Нью Мексико: *asesamiento* (< англ. assessment) «оценка, обложение» (Kercheville 272) или во Флориде: *alimonio* (< англ. alimony) «алименты» (Ortoz 387), американо-португальские: *o alvacote* (< англ. overcoat) «пальто» и *os alvarozes* (< англ. overalls) «рабочий комбинезон» (Pap 392, 101)⁷⁸ тоже производят впечатление полностью ассимилированных.

(2) Другой важный тип интерференции представляет собой расширение употребления исконного слова данного языка в соответствии с моделью другого, воздействующего на него. Если семантемы (единицы содержания) обоих языков частично подобны, то интерференция состоит в отождествлении этих семантем* и приведении их в полное соответствие⁷⁹. Например, в русском языке семантема, представленная единицей плана выражения *уровень* включает и конкретное и абстрактное понятия. В якутском языке семантема слова *tahym* первоначально ограничивалась понятием «уровень воды». В результате интерференции русского языка значение *tahym* расширилось на все «уровни» — уровень воды, развития, мастерства и т. п. (Мординов и Санжеев 12, 41). Часто две семантемы X и Y, существующие в одном языке, сливаются по аналогии с моделью другого, где один

знак *Z* выражает объединенное содержание *X* и *Y*. При этом для обозначения слившейся пары семантем используется одна из единиц плана выражения *X* или *Y*, а вторая отбрасывается. Например, в диалектах идиш семантемы «мост» и «пол» слились по образцу белорусского *мост*, причем слово *brik*, которое первоначально означало только «мост», стало выражать объединенное содержание, а более раннее слово было отброшено.

Ввиду того что лексическая интерференция особенно интенсивно изучалась на материале генетически родственных языков или языков, объединенных общностью культуры носителей, можно было обнаружить много случаев, когда единицы плана выражения обоих контактирующих языков были сходными еще до того, как вошли в соприкосновение соответствующие единицы содержания. Например, в испанском языке штата Колорадо слово *ministro* «министр» получило еще одно значение — «протестантский священник» по аналогии с английским *minister* (Trager and Valdez 566), и таким образом предыдущее сходство в плане выражения было распространено и на план содержания. Якубовский сообщает, что носители польско-русского двуязычия расширили употребление польского *tylko*, чтобы охватить все значения сходного с ним русского *только*, причем даже в таких сочетаниях, как *tylko wczoraj* «только вчера» (вместо *dopiero wczoraj*) (Jakubowski 254). По-видимому, ни одному из романских языков Америки не удалось избежать интерференции английского *introduce* в значении «знакомить, официально представлять кого-нибудь». Португальское *introduzir* (Par 392, 88), итальянское *introdurre* (Menarini 353, 161), французское Луизианы и Канады *introduir* (Read 426; Barbeau 35)⁸⁰, первоначально имевшие только значение «вводить», подверглись этому воздействию. Но изменение в содержании вследствие омофонии данного знака со знаком другого языка может не ограничиться расширением значения. Прежнее значение может быть даже вовсе отброшено. Американо-итальянское *fattoria* приобрело значение «фабрика» (< англ. *factory*) и больше не имеет прежнего значения «ферма» (Menarini 353), для которого используется слово *farma*. Во многих примерах расширения значения, приведенных в литературе, к сожалению, не сообщается, продолжает ли данное слово сохранять и свое прежнее содержание. Трудно, например, установить, продолжают ли американо-португальское *livraria* (Par 392, 88) и американо-

итальянское *libreria* (Vaughan 577, 433), используемые сейчас для выражения понятия «библиотека» (по аналогии с английским омофоном *library*), сохранять и прежнее значение «книжный магазин» или оно уже утрачено. Неизвестно также, имеет ли американско-греческое слово *karro*, которое используется сейчас по аналогии с английским *car* для выражения понятия «автомобиль» (Lontos 324), и прежнее значение «воз, телега».

Можно заметить, что в теоретическом аспекте взаимное приспособление содержания знаков, которым свойственна значительная степень омофонии, представляет собой промежуточный случай между (1) перенесением слова и (2) семантическим расширением в результате контакта. Когда слово американского идиш *korn* (первоначально означавшее «рожь») или американско-норвежское *korn* (первоначально «зерно») (Naugen 209, 228) используются в значении «кукуруза», то невозможно определить, является ли это перенесением американско-английского слова *corn* или расширением содержания упомянутых выше исконных слов этих языков.

В обоих случаях происходит расширение семантической функции этого слова в языке-реципиенте⁸¹. Иногда оказывается возможным различать в интерференции, связанной с омофонией, два типа, соответствующих природе этого семантического расширения (ср.: Пар 392, 89 и сл.; Naugen 209, 220). Если в значении отмечается «скачок», то в языке-реципиенте образуется о м о н и м; например, таким является результат добавления к значению американско-португальской *pinchar* «прыгание» не связанного с ним значения «ущемление, сжимание» (< англ. *pinching*) (Пар 392, 88) или появления добавочного значения «беречься» (< англ. *sage*) к первоначально не связанному с ним содержанию слова американского идиш *kern* «мести, подметать». Если подобный скачок не происходит, а расширение значения совершается постепенно, «логически», то результатом скорее всего будет п о л и с е м и я, как в упомянутом выше случае с американско-норвежским *korn* «зерно» + «кукуруза» и словом американского идиш *korn* «рожь» + «кукуруза»⁸².

(3) Наконец, тип слабой лексической интерференции появляется тогда, когда выражение знака изменяется по аналогии с его когнатом в контактирующем языке без каких-либо изменений в содержании; например, испанское слово *Europa* превращается в Тампа (штат Флорида) в *Uropa*

(Hayes 214) ⁸³ или слово американского идиш *vakátsje* «каникулы, отпуск» превращается в *vekejšn* (< англ. vacation).

б. Сложные слова и фразы.

Среди составных лексических единиц, состоящих из более чем одной морфемы, возможны три типа интерференции: могут быть перенесены все их компоненты в анализируемой форме; все компоненты могут быть воспроизведены путем семантического расширения; наконец, одни компоненты могут быть перенесены, а другие воспроизведены.

(1) Перенесение анализируемых сложных слов происходит тогда, когда компоненты сложного слова или словосочетания приспособляются к моделям словообразования или синтаксиса языка-реципиента (если компоненты переносятся в неанализируемой форме, слово считается простым). Примером сложной единицы, анализируемой в процессе перенесения, является словосочетание *conscientious objectors* «лица, отказывающиеся от военной службы (по религиозным или политическим мотивам)», которое было заимствовано в испанский язык Флориды в виде *objetores concientes* (Ortoz 387) ⁸⁴ с перестановкой компонентов по испанскому образцу. В американском идиш фраза *he changed his mind* «он изменил свое мнение (передумал)» анализируется и затем синтезируется вновь в виде *er hot gečejndžt zajn majnd*, в соответствии с требованиями грамматики идиш ⁸⁵.

(2) Воспроизведение посредством собственных эквивалентных слов практикуется по отношению к сложным словам, словосочетаниям и даже к бóльшим единицам, например, пословицам. Так, английское *skyscraper* послужило более или менее точной моделью для немецкого *Wolkenkratzer*, французского *gratte-ciel*, испанского *rascacielos*, русского *небоскреж*, польского *drapacz chmur* и т. п. Пенсильванско-немецкое *es gebbt rejje* воспроизводится в английском слово в слово: *it gives rain* «собирается пойти дождь» (Wilson 631). Во всех балканских языках выражение «да покает тебя бог» передается различными вариантами фразы «да получишь (найдешь) ты это от бога»:

аромунский: *S-ti-o-aflī dila Dumniđǎi!*

албанский: *E ġetš nga Perëndia!*

греческий: *Apò tò theò tòbrēs!*

болгарский: *Ot Boga da mi se naměri!*

сербохорватский: *Da ot Boga nadješ!* (Papahagi 393, 128).

Пословица идиш *a šlext vaib is erger vi der tojt* представ-

ляет собой дословное воспроизведение древнееврейского *?iša ra'a mar mimavet* («плохая жена хуже смерти»).

Этот вид интерференции, обычно называемый калькой* (loan translation)⁸⁶, подразделяется на следующие подвиды (Betz 58; 57, 9—31):

(а) Собственно кальки, которые воспроизводят иноязычную модель точно, элемент за элементом: французское Луизианы *marchandises sèches* «текстильные товары» (< англ. dry goods) (Read 426); французское гугенотов *avoir droit* по образцу немецкого *recht haben* (Erbe 148), американо-португальское *estar direito* (< англ. to be right) «быть правым» (Pap 392, 88).

(б) Кальки-толкования (*loan renditions*, нем. *Lehnübertragungen*), при возникновении которых сложная единица иноязычной модели дает только общий стимул для воспроизведения; например, немецкие: *Vater-land* «отечество» по образцу латинского *patr-ia*; *Halb-insel* «полуостров» от латинского *paen-insula* «почти-остров»; *Wolkenkratzer* «облака-скребуший» по образцу англ. *sky-scraper* «небоскреб».

(в) Кальки-образования (*loan creations*, нем. *Lehnschöpfungen*). Это термин, которым обозначают новые образования, создающиеся не для того, чтобы дать название каким-либо инновациям культурного порядка, а для того, чтобы дать обозначения, эквивалентные тем, которые уже существуют в другом, контактирующем языке. Например, идиш *mitkind* «родной брат или сестра» (буквально «содитя»)⁸⁷ образовано под воздействием английского *sibling*, немецкого *Geschwister* и эквивалентных им терминов, столь модных в современной социологии.

Следует также отличать те кальки, в которых используются компоненты с их известными семантемами (под воздействием другого языка они могут лишь выступать в особом сочетании), от калек, в которых один или более компонентов подвергаются семантическому расширению⁸⁸. Примером кальки первого типа является испанское штата Флориды *poner a dormir* (< англ. to put to sleep) «положить спать» (ср. литературное испанское *hacer dormir, adormecer*), где *poner* и *dormir* используются с обычными их значениями, только их сочетание необычно. Второй тип калек представлен такими формами, как канадско-французское *l'escalier de feu* «пожарная лестница» (< англ. fire escape), где *feu* появляется на месте обычного *incendie* (все сочетание соответствует литературному французскому *escalier de sauve-*

tage); или английское просторечное *yes well*, созданное по образцу пенсильванско-немецкого *jawell* «конечно» (Wilson 631), или висконсинско-немецкое *Pferds-Rettich* «хрен» (< англ. horse radish) (Seifert 500).

(3) Третий тип интерференции в сложных лексических единицах представляет собой перенесение одних элементов и воспроизведение других⁸⁹. Превосходное изучение таких гибридных образований было проведено на материале пенсильванско-немецкого языка (Schach 473), в котором изобилуют формы типа *fleš-pai* «пирог с мясом» (< англ. meat pie) или *esix-jug* «кувшин для уксуса» (< англ. vinegar jug), и даже суффикс *-ever* был использован в таких гибридных единицах, как *wa·(r)-ewe(r)* «кто бы ни» (< англ. *whoever*), *was-ewe(r)* «что бы ни» (< англ. *whatever*). В испанском языке в Тампа (штат Флорида) можно найти много гибридных единиц среди бейсбольных терминов: *home plato* «основная база; место игрока с битой» (< англ. home plate); *pelota de fly* от англ. fly ball и др. (Ortoz 387)*.

Воспроизводимый элемент гибридного сложного слова, как и простое слово или элементы кальки, подвергающиеся семантическому расширению (тип *a* (2), см. выше с. 88 и сл.), может подвергаться влиянию омофонии. Например, в немецком языке штата Висконсин в гибридном сложном слове *Grund-floor* «первый этаж» (< англ. ground floor)⁹⁰ (Seifert 500) второй элемент перенесен, тогда как первый (ground) воспроизведен посредством собственного омофонного знака, семантема которого, возможно, несколько расширяется⁹¹.

Среди гибридных сложных слов можно также выделять единицы, в которых перенесен корень, а деривативный суффикс замещен, например, американское идиш *farpojzenen* «отравить» (< англ. to poison), в говоре швейцарско-французского *de-štopfe* «откупоривать» (с использованием швейцарско-немецкой морфемы *štopfe*) (Zimmerli 643, I, 32) или пенсильванско-немецкое *filš-ig* (< англ. filth-y), *šip-ig* (< англ. sheep-ish)⁹²; и единицы, в которых корень является исконным, а перенесен аффикс, например американско-норвежское *karrna* «угол» — явный гибрид из англ. *corner* и норв. *hyrnn-a* (Haugen 209, 218) — или немецкое *Futter-age* «фураж» (< англ. forage) — окказиональное образование по способу народной этимологии, аналогичное французскому *four-age* (Mackensen 332). Этот последний тип можно называть междязычным слиянием (*portmanteaus*).

Наконец, особый тип гибридного сложного слова представлен формами типа американо-итальянского *canabulldogga* «бульдог» (< англ. bulldog) (Livingston 318; Menarini 353, 163)⁹³, где один и тот же элемент сложного слова и перенесен (dog) и воспроизведен (cana-).

Все, что было сказано о формах лексической интерференции, относится не только к нарицательным существительным, но и к именам собственным⁹⁴. Среди последних интерференция особенно распространена. Чтобы одна и та же местность или одно и то же лицо в ситуации языкового контакта получали названия, не связанные между собой, — случай очень редкий⁹⁵. Пары топонимов, такие как итальянское *Monfalcone* — словенское *Tržič* в Италии; ретороманское *Mustér* — немецкое *Disentis* в Швейцарии; немецкое *Wittingau* — чешское *Třeboň* в Судетах (Schwarz 497, 214), польское *Tarnobrzeg* — идиш *Džikev* в Польше, — не являются распространенными. Наиболее обычный случай представляет собой перенесение названия из одного языка в другой, например, итальянское *Trieste* — словенское *Trst*, украинское *Володимир* — идиш *Lúdmir*, немецкое *Pfauen* — французское *Faoug*. Иногда названия местностей, поддающиеся анализу, «переводятся», т. е. их компоненты воспроизводятся с помощью собственных слов, например, чешское *Vrch-labi* — немецкое *Hohen-elbe* (Там же, 210), африкаанс *Kap-stad* — английское *Cape-town*; итальянское *Abbazia* — словенское *Opatija* (Kranzmeier 292). Если название является сложным словом, то в результате перенесения только одного его элемента может образоваться гибрид, например, в немецком названии судетского села *Darkendorf* первая часть представляет собой усвоение чешского названия *Darkovice*, но конечный элемент в нем заменен немецким (Schwarz 497, 207).

Аналогично осуществляется выбор средств в процессах трактовки личных имен в другом языке. Это может быть прямое перенесение (с фонологической адаптацией, как в норвежском *Hæve* > англ. *Harvey*, или без нее), перевод (например, норвежское *Langhoug* > англ. *Longhill*) (Kimmerle 274, 28)⁹⁶ или гибридное образование (например, идиш *Finkl-štejn* > англ. *Finkle-stone*). Когда такие имена являются неанализируемыми и непереводаемыми (это касается и имен и фамилий), то иногда имеет место своеобразный «псевдоперевод» — замещение старого имени новым, в ко-

тором, по крайней мере, один начальный согласный сохраняется; ср. эквивалентные имена идиш и английские: *Mójshe* — *Morris, Morton*; *Herš* — *Herbert, Harry*; *Rabinóvits* — *Robbins* и т. д. Обстоятельного исследования изменений в моделях личных имен еще пока нет даже для такой особой социо-географической области, как иммигрантская Америка.

2.4.2. Лексическая интеграция заимствований

В то время как фонетическая и грамматическая интеграция заимствований привлекала внимание многих ученых (ср. §§ 2.2.5, 2.3.7), чисто лексическая их интеграция вряд ли кем-либо была затронута⁹⁷. Тем не менее последствия перенесения слова или его воспроизводства, проявляющиеся в той семантической микросистеме (или «поле»), членом которой новое слово становится, являются в такой же степени частью интерференции, как и само перенесение или воспроизведение единиц.

Только наиболее конкретные заимствования, например обозначения новоизобретенных или импортированных предметов, можно рассматривать в качестве дополнения к данному словарю. Так, слово /televizn/, вошедшее в американо-немецкий язык из английского, не могло оказать большого влияния на существующую немецкую лексику. Иногда утверждается, что и заимствования с более абстрактным значением представляют собой лишь дополнения; например, американо-итальянское *giobba* «работа» (< англ. *job*) не соответствует ни *arte*, *mestiere*, *professione*, *impiego*, ни *occupazione*, так как оно обозначает новое понятие: «работа, которая найдена и к которой нет ни привязанности, ни духовного интереса» (Prezzolini 418). Но хотя между *giobba* и любым из ранее существовавших слов нет полного соответствия, имеется, по крайней мере, частичное совпадение его значения с *impiego* «работа, служба» и *lavoro* «работа, труд». Если теперь *giobba* используется исключительно для выражения этого совпадающего содержания, то можно сказать, что *impiego* и *lavoro*, благодаря интерференции английского языка, подверглись соответственному семантическому ограничению. В английском языке иммигрантов в выражении *give me the knife once* «дайте-ка мне нож» (по образцу немецкого *gib mir mal das Messer*.—Harris 202) необычная функция *once* может оказаться не чем иным, как

дополнением к прежнему содержанию этого знака. В обычном английском употреблении содержание немецкого *mal* осталось бы вообще не выраженным: *give me the knife*. Но поскольку английский язык все же имеет в своем составе специальные знаки для выражения этого содержания (например, *come* в высказывании *come, give me the knife!*), то можно сказать, что эти неиспользуемые знаки подверглись ограничению в своих функциях, тогда как содержание знака *once* расширилось. Перенесение *giobba* и расширение функций *once* не остаются, таким образом, без последствий для существующего словаря.

Не считая заимствований, обладающих совершенно новым содержанием, перенесение единиц или воспроизведение иноязычных слов должно влиять на существующий словарь одним из трех способов: (1) создавая смешение содержания нового и старого слова; (2) приводя к исчезновению старого слова; (3) сохраняя и новое и старое слова, но специализируя их значения.

(1) Смешение в употреблении, или полная тождественность содержания старого и нового слов, ограничивается, по-видимому, ранними этапами языкового контакта⁹⁸. Например, можно себе представить такой начальный этап в развитии американского идиш, когда старое слово *fénster* «окно» и перенесенное *vinde* (< англ. window) использовались без разбора для выражения одного и того же содержания. Даже когда перенесение слов не происходит, может произойти смешение в значении ряда специализированных знаков одного языка вследствие интерференции другого, в котором содержание подразделяется между знаками по-иному. Например, в американском идиш *gejn* (означавшее первоначально «идти пешком») почти вытеснило *forn* «ехать» по образцу английского *go*. В русской речи жителей Бессарабии *поставить* и *положить* смешиваются под влиянием молдавского глагола, объединяющего эти значения (Racoviță 421). Аналогично, некоторые носители американского идиш смешивают *šteln* «ставить» и *lejgn* «класть» и даже *zetsn* «садить (кого-либо за стол)» под воздействием единого английского *put*. В каждом из таких случаев семантического смешения одно из слов может, в конце концов, закрепить за собою выражение объединенного содержания, а другие — выйти из употребления.

(2) Старые слова могут быть о т в е р г н у т ы, если их содержание полностью покрывается заимствованием * (Lee

302) ⁹⁹. Это происходит и при перенесении иноязычного слова, и при его замещении. Например, когда английское *paper* «газета» было перенесено в американский идиш (*péjper*), старые слова *blat* и *tsajtung* были отброшены. В американском португальском семантическое расширение слова *papel* (по образцу англ. *paper*) тоже привело к выходу из употребления старого слова *gazeta* (Рар 392, 88). В речи некоторых носителей американского идиш заимствования *dólar* и *sent* вытеснили даже термины *rubl* «рубль» и *kópike* «копейка», такие лица, даже говоря о ценах на прежней родине, выражают их в «долларах» и «центах». Полностью ли оставлено старое слово или только ограничено в употреблении, установить не всегда легко, но каждый, кому приходилось наблюдать, как расплывается в улыбке американский иммигрант, услышав какое-нибудь слово старой родины, и говорит: «Я не слыхал этого слова уже тридцать лет», мог убедиться, насколько эффективным может быть отказ от употребления лексических единиц.

Один тип интерференции, при котором слово отбрасывается, хотя эквивалент из другого языка и не переносится, был описан в работе Хаас (Haas 193). Она установила, что носители тайско-английского двуязычия избегают употребления некоторых вполне безобидных тайских слов только потому, что фонетически они сходны с английскими непристойностями.

(3) Наконец, значение сталкивающихся старого и нового слов может стать с п е ц и а л и з и р о в а н н ы м ¹⁰⁰. Строго говоря, если и старое и новое слова сохраняются, то специализация в содержании обычно затрагивает оба. Например, в литературном американском идиш *lójer* воспринято как термин со значением «юрист в США», и, таким образом, это слово является более специализированным, чем англ. *lawyer* «юрист». Содержание старого слова *advocat*, в свою очередь, подверглось специализации, означая «юрист везде, кроме США» или просто «юрист» без указания страны. Карельское *künži* «гвоздь» было заимствовано северным диалектом русского языка как *кинжа*, но не для постоянного обозначения понятия «гвоздь», а со значением «гвоздь или клин, закрепляющий топор на рукоятке» (Якубинский 21, 9—11). Когда эфиопский язык гураж заимствовал из языка квабена слово *mata* «младший брат», то прежнее слово *waǵi* «брат» получило специализированное значение «старший

брат» (Leslau 310, 80). Специализация может развиваться даже в тех случаях, когда перенесенное слово является генетически родственным слову, существовавшему прежде. Такие термины называют «дублетами». Так, французское *cause*, заимствованное из латыни, имеет значение, отличающееся от значения слова *chose* (ср.: Meillet 349, II, 36 и сл.). В вогезское наречие заимствовано французское *metier* со значением «профессия, занятие», тогда как исконное /*mtel*/ сохранилось со значением «ткачество» (Bloch 64, 110 и сл.). В идиш слово *kort* означает «игральная карта», а его дублет *karte* (перенесенное немецкое *Karte*) имеет значение только «географическая карта»; слово давнего употребления *kibuts* (из средневекового еврейского) означает «община», тогда как заимствование из современного иврита *kibúts* имеет специализированное значение «вид поселения в Израиле».

Одним из способов специализации заимствований является их закрепление за определенным стилем. Например, в вогезском просторечии было заимствовано французское *vomir* «рвать, блевать», после чего соответственное исконное слово приобрело оттенок грубости и стало восприниматься как устаревшее (Bloch 64, 110; ср. также § 4.3.1). В некоторых контактных ситуациях все заимствованные элементы входят в стилистический слой «ученых» слов языка-реципиента, как, например, большинство греческих заимствований в английском языке. С другой стороны, перенесенные слова часто входят в стилистический слой фамильярной лексики или жаргона, приобретая при этом пейоративные коннотации, которых они не имели в прежнем языке. Любопытно, что это явление было отмечено и для немецких заимствований в чешском языке (например, *ksiht* «морда» < нем. *Gesicht* «лицо») и для чешских заимствований в немецком (например, *Nusch* «плохой перочинный ножик» < чешск. *půž* «нож») (Pritzwald 419). В языке идиш есть много интересных примеров стилистической специализации. Например, ряд славянских прилагательных на *-ne* приобрел несвойственное им в языке-источнике ироническое значение: *glávne* «главный», *gromádne* «огромный». Древнееврейские элементы вошли как в изысканный стиль идиш (*ben-ódom* «человеческое существо»), так и в его жаргонные слои (*bónim* «сыновья»).

2.4.3. Мотивы лексического заимствования

Нет сомнений в том, что лексическое заимствование в меньшей степени ограничено рамками двуязычной части данного языкового коллектива, чем фонетическая или грамматическая интерференция.

Словарь языка, структура которого значительно более рыхлая, чем система фонем или грамматика, несомненно, является преимущественной областью заимствований (Meillet 349, I, 84; Pisani 406, 332). Поэтому при исследовании причин лексического заимствования было бы хорошо сначала выяснить, каковы те мотивы, которые вынуждают л ю б о г о говорящего, в том числе и одноязычного, принимать в свой словарь новые заимствования, т. е. быть агентом в процессе их проникновения, и затем уже рассматривать двуязычных лишь как особый тип носителей языка. Поскольку заимствования во многих случаях не распознаются одноязычными как таковые (Haugen 209, 229; Fries, Pike 163, 31), то необходимо также сначала поискать причины лексических инноваций вообще *. Ввиду того, что эта область общей лексикологии мало разработана, ряд утверждений может носить гипотетический характер.

Необходимость в обозначении новых предметов, лиц, местностей и понятий представляет собой, очевидно, всеобщую причину лексических инноваций. Определяя, какие инновации этого типа являются заимствованиями, лингвист может содействовать определению того, чему одно языковое сообщество научилось у другого (Bloomfield 69, 458 и сл.) ¹⁰¹. Например, польский и украинский языки заимствовали румынские обозначения, главным образом, в области обитания в горах и скотоводства (Łukasik 328; Scheludko 478). Народы Поволжья, судя по лингвистическим данным, учились архитектуре у русских (Räsänen 422). Ретороманцы усвоили почти все продукты промышленной цивилизации у немецко-язычного Севера (ср.: Brandstetter 85; Genelin 171), тогда как носители швейцарско-немецкого языка научились у ретороманцев некоторым особенностям организации домашнего быта и ведения сельского хозяйства, а также жизни в горах, усвоив соответствующие ретороманские наименования (Szadrowsky 548, 17 и сл.). В значительном корпусе общего словаря всех европейских языков отражается большая общность культуры соответствующих народов ¹⁰². Сюда можно также отнести широкие масштабы

восприятия топонимики мигрирующими группами; например, в американском английском языке многочисленные названия индейского происхождения составляют почти единственный слой заимствований из этого источника. Лексические заимствования этого типа можно рассматривать как результат того, что воспользоваться готовыми обозначениями всегда легче, чем описывать предметы заново. Среди носителей языка лишь немногие могут быть поэтами.

Но неадекватность словаря в процессах обозначения новых предметов не единственная причина лексических инноваций. Этому процессу содействует также ряд внутриязыковых факторов.

Один из них — низкая частотность слов. Как было доказано, частотные слова при прочих равных условиях легче вспоминаются и поэтому более устойчивы. Относительно нечастотные слова менее устойчивы, более подвержены забыванию и замещению (Якубинский 21, 7; Mulch 375, 8, 57 и сл.; Schuchardt 492, 157). Например, в русских диалектах нечастотные и неустойчивые названия частей инструментов, являющиеся в разных местностях разными, в зоне контакта с финским языком замещаются финскими заимствованиями, несмотря на то что заимствования самого предмета материальной культуры не было. Другими словами, та причина, которая привела к колебаниям в обозначении собственным словом, скажем, «места, где лезвие серпа прикрепляется к рукоятке», в двуязычной зоне вызвала то, что для этого был заимствован термин из финского языка (Якубинский 21, 7). Неустойчивость, отразившаяся в том, что в вогецком говоре существовало несколько различных наименований для обозначения сосновой шишки, обусловила проникновение в этот говор французского диалектного *potte (de sapin)* (Bloch 64, 80). В языке якуи наличие многих разветвленных ассоциаций у слова *ʔáe* «мать» предотвратило его замещение испанским заимствованием в отличие от других терминов родства (Spicer 524, 426).

Следующий внутриязыковой фактор, способствующий появлению лексических инноваций, — наличие вредной о м о н и м и н. Мы не будем здесь цитировать Жильерона, открывшего широко известные в настоящее время явления лексической патологии и терапии. Достаточно сказать, что иногда слово заимствуется из другого языка как будто лишь с той целью, чтобы найти выход из столкновения омонимов. Например, считают, что из-за столкновения слов,

имеющих значение «воз» (< carrum) и «мясо» (< carnem), вогезский говор заимствовал из французского слова *voiture* и *viande* (Bloch 64, 95) ¹⁰³. Признавая обоснованность теории Жильерона для описываемых им одноязычных ситуаций, мы, однако, считаем, что по отношению к речевому поведению двуязычных к объяснению омонимией следует прибегать лишь с большой осторожностью, так как существование омонимов во многих случаях явно не мешало процессам заимствования. Выше мы приводили случай с американо-португальским *pinchar* «прыгать» + «жать, ущемлять». Было также отмечено, что один носитель американо-польского языка говорил *ci na kornerze miwia* «те, что на углу, двигаются» (< англ. corner «угол», to move «двигаться»), хотя в этом языке существует омофонное *mówia* «говорят». Заимствованию в американо-португальский язык слова *corner* «угол» > *cona* не помешало даже то, что в этом языке существует омофонное непристойное слово со значением «женские гениталии» (Par 392, 92) ¹⁰⁴. В пенсильванско-немецком существовало слово *uf-le-se* «поднимать, подбирать», что не стало препятствием для калькирования английского *to read up on* формой *uf-le-se* (в этом случае *le-se* = «читать») и даже для образования гибридного деривата *uf-le-se* «зашнуровывать» (< англ. to lace up), который благодаря омонимии элемента *uf-* может иметь также антонимичное значение «расшнуровывать» (Schach 474, 266). В этом случае лексическая интерференция привела к возникновению по меньшей мере тройного омонима ¹⁰⁵.

Третья причина лексических инноваций связана с известной тенденцией аффективных слов терять свою выразительность (Vendryes 580, 252—254). Как ярко показал Якубинский, к определенным понятиям как будто притягивается множество разных обозначений, подобно тому как некоторые люди получают прозвища от окружающих, а другие нет. В семантических полях, сосредоточенных вокруг доминант «говорить», «бить», «спать», «высокий», «безобразный», во многих языках ощущается постоянная потребность в синонимах, создается нечто вроде области с низким ономастическим давлением. Когда такие синонимы обнаруживаются в другом языке, их охотно перенимают. Таким образом, можно сказать, что причины, ведущие к расширению лексики, внутренне присущи языку-реципиенту ¹⁰⁶. Таковы, например, причины многочисленных заимствований из финского языка в русских диалек-

тах — процессов, не находящих себе объяснения в необходимости обозначения новых явлений культуры. Посредством заимствования может также удовлетворяться постоянная потребность языка в эвфемизмах и жаргонных «какофемизмах». Так, в олонецком диалекте русского языка охотно используется финское *repäki* как эвфемизм слова *ментруация* (Якубинский 21, 11 и сл). Вогезский говор также удовлетворил свои потребности в эвфемизме, заимствовав французское слово *vomir* «блевать» (см. с.94). В самом французском языке та же потребность привела к замещению глагола *vomir* более изысканными синонимами: *rejeter*, *rendre* (Vendryes 580, 257).

В то время как одноязычный в пополнении своего словаря полагается на исконный лексический материал и на те заимствования, которые были переданы ему предшественниками, двуязычный индивид имеет в своем распоряжении как постоянно присутствующий источник лексических инноваций еще один язык. Словарь двуязычных лиц нуждается в пополнении, конечно, по тем же причинам — внутренним (низкая частотность слов, вредная омонимия, потребность в синонимах) и внешним, социокультурным. В соответствии с последними двуязычный может быть даже более, чем одноязычный, склонен принимать иноязычные обозначения новых предметов, ибо знакомство с другой культурой способствует большему осознанию их новизны. Одноязычные носители португальского языка, возможно, сохранили бы слово родного языка *sobretudo* для обозначения предмета одежды, который представлялся бы им всего лишь новым фасоном пальто. Но двуязычные португальские иммигранты в США заимствовали для него английский термин *alvacote* (< англ. overcoat), явно относясь к этой форме одежды как к объекту иного типа (Рар 392, 109). На родине норвежцы обозначили бы отдельные новинки в сельском хозяйстве собственными терминами, но, иммигрировав в США, они заимствовали из английского языка обширный сельскохозяйственный словарь, так как особенно ощущали новизну этих орудий и техники (Haugen 205, 32 и сл.).

Еще три дополнительных фактора могут вызывать у двуязычных потребность в лексических заимствованиях. Во-первых, сравнение со вторым их языком может вызывать ощущение, что некоторые из семантических полей родного языка недостаточно дифференцированы. Так, носители итальянского диалекта в Швейцарии, по-ви

димому, вполне обходились единым словом *corona* для выражения понятий «венки» и «корона». Однако вследствие контакта с немецким языком они, по некоторым данным, ощутили потребность в дифференциации данного содержания, и для выражения значения «венки» было заимствовано слово *Kranz*, а слово *corona* сохранилось как обозначение понятия «корона» (Jaberg 246). Славянские поселенцы на севере России стали ощущать недостаточность своего единственного слова для выражения значения «жеребец». В финском языке таких слов по меньшей мере два, и поселенцы заимствовали финское *varža* со значением «плохой или очень молодой жеребец» (Якубинский 21, 7. Ср. также Møller 373, 18). В вогезском говоре слово *sože* стало восприниматься как слишком грубое в сравнении с французским языком, где различаются *songer* и *rêver*; ввиду этого произошло заимствование французского *rêver* и оба термина были специализированы (Bloch 64, 95). В идиш *xólemen* «мечтать, видеть сон» было недостаточно дифференцировано в сравнении с таким славянским разграничением, как польское *śnić* «видеть сны» — *marzyć* «мечтать, грезить». Поэтому было введено заимствование из немецкого языка *trójmen* (< нем. *träumen*) и значение распределено между *xólemen* и *trójmen* по славянскому образцу.

Вторым фактором, в особенности касающимся двуязычных, являются символические ассоциации, устанавливающиеся в ситуации контакта между языком-источником и определенными социальными значениями (положительными или отрицательными). Если один из языков обладает престижем, то двуязычный будет использовать, по всей вероятности, заимствования из него, надеясь таким образом продемонстрировать определенный социальный статус, символом которого является владение этим языком (см. § 3.3.5). Это выражается и в ученых заимствованиях, например употреблении латинских фраз в английской речи, и в индивидуальных заимствованиях обозначений предметов повседневного обихода, хотя в родном языке существуют для этих же предметов превосходные наименования. «Зачем употреблять слово *belt*, когда существует [ирландское] слово *crios*? В этом, без сомнения, играет важную роль ощущение говорящего, будто английский язык — это высший язык и что употребление английского слова вносит в ирландское предложение признаки превосходства» (Sjöstedt 511, 97. См. также Møller 373, 20 и сл.). Те амери-

канские иммигранты, которые заимствуют как можно больше слов из английского языка, чтобы этим показать более высокую степень своей аккультурации, действуют по этим же мотивам. Индейские языки больше, чем иммигрантские языки США, вынуждены заимствовать из английского слова в области культуры. Было бы весьма полезно изучить, заимствуют ли они с такой же жадностью и по мотивам социального престижа.

В некоторых контактных ситуациях, наоборот, лексическое заимствование используется для какофемических целей или употребляется в жаргонной речи, когда другой язык связан с неблагоприятными ассоциациями. Выше упоминалось о пейоративных коннотациях немецких и чешских заимствований в соответствующих языках (с. 94). Французские говоры Швейцарии не содержат терминов положительной моральной окраски, которые были бы германского происхождения, зато «они кишат немецкими словами — названиями женщин дурной репутации или женщин, плохо одетых ... словами, выражающими грубость, лень, жадность, праздность» и в целом соответствующими тому стереотипному «высмеиванию, с которым французский швейцарец относится к немецкому швейцарцу, к его культуре и прежде всего к языку, в неполноценности которого он глубоко убежден» (Jaberg 247, 60). Лексическое смешение может быть обусловлено также стремлением к комическому эффекту (ср.: Skwarczyńska 514; Weinreich 606). Это было одной из причин, почему носители немецкого языка заимствовали некоторые единицы из идиш, носители парижского аргю — из немецкого языка и т. д. (Ohman 385). Внимательное изучение показало бы, что те носители идиш в США, которые из культурных соображений больше всего избегают неконтролируемого притока английских заимствований, намеренно используют «англицизмы» как комический прием.

Речь двуязычного может, наконец, подвергаться интерференции другого иноязычного словаря из-за простого недосмотра, когда нарушается дистрибуция определенных слов в пределах высказываний данного языка. В аффективной речи, когда внимание говорящего почти полностью отвлекается от формы и содержания данного сообщения, особенно широко практикуется перенесение иноязычных слов (ср. также § 3.4.3) ¹⁰⁷.

Закончим этот параграф словами предостережения. Заимствование любого слова можно объяснить одной или не-

сколькими из перечисленных разнообразных причин лексической интерференции. И все же удивительно, что некоторые слова как будто никогда не переносятся. Например, в американском идиш слово *vinde* заменило *féntster* «окно», *flor* обычно употребляется вместо *pódlóge* «пол», но английское слово *door* никогда не заимствуется. В практике общения *toen* вытеснило *rirn*, *on-rirn*, *tsu-rirn zix tsu* «(при)касаться», но *buy* «покупать» или *sell* «продавать» не используются никогда даже в самой небрежной речи на идиш. Слово *walk* «ходить (пешком)» заимствуется, а *talk* «разговаривать, беседовать» — нет. На основании изучения общих причин интерференции можно было бы предсказать перенесение многих из этих слов, но на практике такого перенесения не происходит. Подобное сопротивление перенесению некоторых отдельных слов пока не получило никакого объяснения и является одной из нерешенных проблем языкового контакта.

2.4.4. Выбор механизма интерференции

В процессах лексической интерференции двуязычный сталкивается с необходимостью выбора ее соответствующего механизма. Как было показано в § 2.4.1, простое слово, подлежащее заимствованию, может быть перенесено или воспроизведено с определенным семантическим расширением. Сложное слово может быть перенесено в анализируемой форме или воспроизведено в виде кальки или гибридного образования. Так, чтобы образовать одно слово, которое выражало бы и значение «бумага как материал», и «газета», американский идиш использовал перенесение английского *paper*, тогда как американо-португальский язык расширил значение своего собственного слова *rapel*. Определяется ли когда-либо выбор механизма структурными причинами?

Существующее в языке-реципиенте слово должно было бы отталкивать перенесения-омофоны, и в таких случаях, чтобы избежать омонимии, следовало бы отдавать предпочтение калькированию (или расширению значения). И все же в § 2.4.1 было приведено достаточно данных, свидетельствующих о возможности перенесения слов с последующим образованием омонимии. Поэтому к рассмотрению потенциальной омонимии как источника сопротивления перенесению единиц следует относиться скептически.

Теоретически язык, в котором формы слов связаны с целым рядом ограничений, должен был бы оказывать относительно большее сопротивление прямому перенесению и отдавать предпочтение семантическому расширению и калькированию¹⁰⁸. Это сопротивление зависело бы, конечно, не от структуры самого языка-реципиента, а от различий между ней и структурой языка-источника. Когда тибетский язык сильно сопротивлялся перенесению лексики из санскрита (Sapir 468, 209 и сл.), то это объяснялось лишь тем, что структура слов санскрита очень отличалась от его собственной структуры. Напротив, сопротивление перенесениям из языка с более родственной структурой слова, например из китайского, не было столь сильным (Laufer 301). При этом следует всегда иметь в виду, что перенесенные слова могут в фонологическом отношении адаптироваться к языку-реципиенту (§ 2.2.5).

В языке с гомогенной структурой слов неадаптированные формы, перенесенные из языка с весьма отличной словесной структурой, конечно, легко распознаются¹⁰⁹. Но то, что структурное сопротивление заимствованиям связано не только с распознаваемостью перенесенных форм, остается недоказанным. Многие европейские языки даже утратили гомогенность словесной структуры вследствие того, что восприняли большое количество перенесенных слов в неанализируемом виде. Немецкий, польский и другие языки имеют репутацию языков, оказывающих большую структурную сопротивляемость перенесению иноязычных единиц, но в Соединенных Штатах они вобрали в себя огромный корпус английских слов, адаптируя их по мере необходимости в фонологическом и грамматическом плане, и все же (лучше или хуже) продолжают функционировать (Ср. Kaufmann 269 об американо-немецком языке)¹¹⁰. Различия между теми носителями американо-испанского языка, которые произносят /eu'gora/, и теми, кто говорит /ju'gora/ по образцу английского *Europe*; между носителями идиш, говорящими *džénosajd* «геноцид», и теми, кто настаивает на произношении *genotsíd* (идишированная версия неолатинского слова) или *félkermord* (калька), не могут возникать из структуры того языка, на котором они говорят, так как все они пользуются одним и тем же языком. Так же и тот факт, что «библиотека» в литературном белорусском языке в 1920-х гг. называлась *книгарня* (калька-толкование), а в 40-х гг. *библиотека* (перенесение из русского языка),

не был следствием каких бы то ни было происшедших за это время изменений структуры языка. Неодинаковая степень сопротивления перенесениям и предпочтение, отдаваемое калькированию перед перенесением, являются результатом действия сложных социокультурных факторов, которые невозможно описать одними лингвистическими терминами (ср. Kiparsky 278; Kaufmann 269; Bloomfield 69, 468) ¹¹¹. Некоторые пути определения этих факторов обсуждаются в главах 3 и 4.

2.5. ОБЩАЯ ВЕЛИЧИНА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Здесь будет, пожалуй, полезно вспомнить, насколько зависит от структурных факторов интерференция, возникающая в различных частях языковой системы. Необходимо также выяснить ряд общих вопросов, не относящихся к какой-либо одной конкретной области.

2.5.1. Определение количественных параметров интерференции

До сих пор не нашли способа, каким образом можно было бы легко измерить или определить характеристики общего воздействия одного языка на другой * Очень возможно, что это вообще недостижимо. В небольших образцах речи двуязычных до настоящего времени лишь устанавливали различные явления интерференции и составляли таблицы их частотности. Например, М. Смит подсчитала частотность некоторых типов отклонения от норм английского языка в речи гавайских детей с разными родными языками и сопоставила эти данные с показателями о возрасте, половой принадлежности и занятии родителей (Smith 520). Это описание «ошибок» и их классификация несовершенны в лингвистическом отношении, но в целом работа М. Смит показывает, что получить количественные данные об интерференции вполне возможно.

В речевой ситуации особого типа, когда говорящий сознательно стремится как можно больше подавить интерференцию, для измерения ее итогового значения чаще всего используют обычный тест, определяющий уровень владения языком (language proficiency test). Но эффективность его в этих случаях снижается, так как ситуация тестирования для говорящих непривычна, классификация «ошибок» при-

близительна, кроме того, ограниченность средств выражения на втором языке (преувеличенное внимание к высокочастотным формам, склонность к частому употреблению трудных форм), как правило, при этом не трактуется как показатель низкого уровня владения языком, даже если эта ограниченность вызвана интерференцией. Более того, не всякий недостаток во владении языком можно объяснить интерференцией: известно, что даже одноязычные лица не в одинаковой степени владеют своим родным языком¹¹². Тем не менее тест уровня владения можно использовать как относительно грубый прием измерения, особенно если его еще дополнить данными о длительности времени, потребовавшегося для ответа, а также данными о некоторых других аналогичных факторах. Проведя параллельно письменные испытания с установленным сроком на их выполнение, Бикчентай (3), Гали (Gali 165, 4 и сл.; 166) и Саэр (Saer 458) измерили с достаточной точностью время, которое потребовалось для ответа на устном тесте. Тот же даже установил соотношение между колебаниями в речи (speech hesitancy) и общей нерешительностью, с одной стороны, и пробелами во владении языком — с другой, поскольку замедленный темп речи тоже может рассматриваться как результат интерференции (Taute 551).

2.5.2. Структура как фактор, определяющий интерференцию

Приведенная ниже таблица подытоживает действие тех разнообразных факторов, определяющих интерференцию, о которых говорилось в §§ 2.2—4. Явления интерференции рассматриваются в ней как равнодействующая двух противоположно направленных сил — с т и м у л о в интерференции и с о п р о т и в л е н и я ей. Оба эти фактора с лингвистической точки зрения могут быть либо структурными, либо неструктурными. Лингвистическая экономия и понятность (intelligibility) считаются структурными критериями, поскольку они составляют функциональную основу, на которой строятся языковые системы. Термин «языковая лояльность» используется здесь в том смысле, как это определено в § 4.4.

Формы интерференции, представленные в первой колонке таблицы, и причины интерференции, внутренне присущие структуре контактирующих языков, понимаются в со-

ответствии с их трактовкой в §§ 2.2—4. Как там было показано, определенные формы интерференции возникают как результат конкретных структурных различий языков, по этой же причине их появление может облегчаться или затрудняться. Было также показано, что весь объем воздействия языков друг на друга, т. е. степень проявления интерференции в каждом структурно обусловленном типе, вряд ли можно объяснить строго лингвистическими данными. Можно привести два примера — из области лексики и фонетики. При исследовании лексического заимствования в американском идиш было установлено, что в издаваемых на этом языке газетах на полосе, где помещаются статьи от редакции и информационные материалы, англицизмов было 2,1%, а в рекламных материалах их доля достигала 20% (Neumann 381). Совершенно очевидно, что структура контактирующих языков на всех газетных полосах одинакова, да и различие в материале тоже не может объяснить столь больших расхождений. В информационные сообщения и в редакционные статьи английские слова не допускались из-за сопротивления, носящего культурный характер. Другим примером может служить следующее свидетельство одного носителя идиш: «В русском языке у меня два акцента...

В обществе русских мое произношение становится чистым, но когда я бываю среди евреев, появляется мой прежний акцент идиш. То же бывает, когда я устал или взволнован» (Epstein 147, 82). Потенциальная сущность иноязычного акцента здесь, как обычно, определялась структурным соотношением первичной и вторичной звуковых систем, но проявление акцента регулировалось мощными социальными и психологическими (т. е. неструктурными) факторами.

Фактически при каждом явлении интерференции происходит переплетение факторов, внешних по отношению к структуре данных языков, которые способствуют или мешают развитию интерференции данного типа¹¹³. Как показывает правая половина таблицы (с. 106 — 109), к внешним факторам относятся индивидуальные особенности носителей двуязычия, обстоятельства речевой ситуации (двуязычие собеседников, эмоциональное состояние говорящего и др.) и социокультурный контекст языкового контакта, где имеют значение социальная значимость, пуризм и другие аналогичные факторы. Известную роль может также играть фактор времени, т. е. длительность контакта. Эти факторы

Форма интерференции	Пример	Структурные стимулы
Вся интерференция	—	Любые факты различия между двумя системами

Фонетическая Недодифференциация фонем (с. 45)	/d/ и /t/ не различаются	Отсутствие соответствующих различий в первичном языке
Сверхдифференциация фонем (с. 45)	[k] и [k ^h] трактуются как особые фонемы	Наличие различий (только) в первичном языке
Реинтерпретация релевантных признаков (с. 46)	Глухое /p/ трактуется как фонологически напряженное, глухость которого является сопутствующим признаком	Разные системы фонем
Фонетическая субституция (с. 46)	/ɣ/ вместо /R/ там, где есть только одна вибрирующая фонема	Разное произношение эквивалентных фонем
Интеграция заимствований (с. 56-59)	Английское /rajs/ > гавайское /laiki/	Различия в системах фонем; гомогенный, но отличный тип словесной структуры в языке-реципиенте

Грамматическая Перенесение морфем (с. 63-70)	Словацко-немецкое <i>in Pressburg-u</i> ; идиш-английское <i>job-shmob</i>	Конгруэнтные системы, во многом общий словарь, относительно несвязанные морфемы, большой объем фонемного состава
Перенесение грамматических отношений (с. 71-73)	Немецко-английское <i>I come soon home</i>	Разные реляционные модели
Изменение функций «исконной» морфемы или категории (с. 73-77)	Немецко-английское <i>how long are you here?</i>	Большая эксплицитность модели (обычно)

Структурные сопротивления	Неструктурные стимулы	Неструктурные сопротивления
Устойчивость систем; требование понятности	Социальная значимость языка-источника (первичного языка, языка-модели); двуязычные собеседники; аффективная речь; индивидуальная склонность к смешению речи и т. п.	Социальная значимость языка-реципиента; нетерпимость к интерференции; пуристическое отношение к языку-реципиенту (вторичному языку); лояльность к родному языку; одноязычные собеседники и т. п.

Функциональная нагрузка различий	—	Лояльность ко вторичному языку
—	—	—
Наличие соответствующих отверстий в модели	—	—
Опасность смешения с другой фонемой	Социальная значимость первичного языка	Лояльность ко вторичному языку
Потенциальная омонимия (?)	Нетерпимость к распознаваемым заимствованиям; одноязычие говорящего	Социальная значимость языка-источника

Неконгруэнтные системы; сложные функции морфем	Аффективность категорий	Лояльность к языку-реципиенту
Конфликт с существующими отношениями	Аффективность категорий	Лояльность к языку-реципиенту
—	—	Лояльность к языку-реципиенту

Форма интерференции	Пример	Структурные стимулы
Устранение обязательных категорий (с. 77-78) Интеграция заимствований (с. 80-83)	Утрата старой системы французских времен в креольском Английское <i>change</i> > амер.-порт. <i>chinar</i>	Очень разные грамматические системы Гомогенная структура слова в языке-реципиенте
Лексическая Лексическая интерференция как таковая (§ 2.4)	—	Структурно слабые пункты в словаре языка-реципиента, потребность в аналогичных различениях в языке-источнике
Прямое перенесение слов (скорее, чем семантическое расширение) (с. 83 и сл.)	Немецкое <i>Telephon</i> предпочтительнее, чем <i>Fernsprecher</i>	Близкая форма слова; возможность полисемии (?)
Фонетическое приспособление когнатов (с. 85)	Испанское /eɪ'gora/ > /ju'gora/ по английской модели	Экономия единой формы
Специализированное сохранение «исконного» слова после заимствования его эквивалента (с. 93 и сл.)	Французское <i>chose</i> , сохраненное и отличающееся от <i>cause</i>	Отсутствие смешения семантем

рассматриваются в последующих главах — сначала с точки зрения индивида, представляющего собой основное местоположение контакта (см. гл. 3), а затем с точки зрения сообщества, которое определяет вид двуязычия этого индивида и предопределяет доминирующую речевую ситуацию (см. гл. 4).

Можно заметить, что с точки зрения языковой структуры интерференцию следует ожидать в обоих языках, участвующих в контакте. Если в действительности она действует только в одном направлении, то это определяется снова-таки факторами неструктурного характера, например лингвистической биографией участников и культурным окружением контакта.

Структурные сопротивления	Неструктурные стимулы	Неструктурные сопротивления
—	Язык-посредник	Лояльность к языку-реципиенту
—	Нетерпимость к распознаваемым заимствованиям; одноязычие говорящего	Социальная значимость языка-источника
Наличие адекватного словаря	Неадекватность лексики в случае инноваций; забывание нечастотных слов; потребность в синонимах; престиж языка-источника; стилистический эффект смешения	Лояльность к языку-реципиенту
Потенциальная омонимия (?); неблизкая форма слова	Двуязычие собеседников	Лояльность к языку-реципиенту
—	—	Лояльность к языку-реципиенту
Устранение излишних терминов	—	—

2.5.3. Сравнение интерференции в различных областях языка

По поводу относительных размеров заимствования в различных областях языка — звуковой системе, грамматике, словаре — высказывались многие исследователи языкового смешения. Уитни считал, что на первом месте по легкости заимствования находятся слова (прежде всего существительные), затем идут суффиксы, флексии и звуки (Whitney 624). Притцвальд перечисляет области, подвергающиеся интерференции чужого языка, в следующем порядке: словарь, звуковая система, словопроизводство и словосложение, синтаксис, имена собственные (Pritzwald 419). Доза утверждает, что наиболее подвержен внешнему влиянию словарь,

за ним идут звуки, затем синтаксис, тогда как «морфология...— это цитадель языка, которая сдается последней» (Dauzat 123, 49—55).

Возражая против этого, в частности, указывают, что «величина воздействия» в различных областях языка несоизмерима, поэтому какое бы то ни было сравнение в этом отношении вообще невозможно. Действительно, следовало бы, по-видимому, сначала найти способ, как определить степень внутренней целостности (*integrateness*) системы и как измерить долю той области, которая охватывается данным воздействием, а уж после этого проводить сравнение. Таким образом, все упомянутые высказывания по поводу относительной величины заимствования весьма поверхностны и преждевременны, если в них вообще есть какой-нибудь смысл.

Что можно определить, не обращаясь к количественным характеристикам, так это направление интерференции. Исходя из дескриптивного метода, можно сказать, что в ситуации контакта, которую обозначим, к примеру, *АБ*, *А* не оказывает влияния на фонетику *Б*, но влияет на словарь *Б*, и наоборот, *Б* тоже влияет на словарь *А* и отчасти на грамматику *А*. Использование такой «алгебры» в подобных утверждениях не означает, однако, что можно вывести панхронические законы направления интерференции. Теньер, вслед за Мейе, полагал, что «смешение соответствующих систем двух языков невозможно; две морфологии не смешиваются; они могут только взаимно исключать друг друга... Где бы ни наблюдалось смешение, оно всегда происходит между несходными системами: грамматическая система одного языка смешивается с лексической системой другого; фонетическая система одного языка — с морфологической системой другого и т. д.» (Tesnière 557, 85). Такие заявления не только преждевременны, но и просто неверны. И фонетическая, и морфологическая интерференции, даже в одном и том же языке, были засвидетельствованы задолго до того, как Теньер выступил с этим своим заявлением.

2.5.4. Интерференция и смена языка

Смену языка можно определить как замену привычного пользования одним языком использованием другим. Может возникнуть вопрос, заходит ли интерференция так далеко, что ее результатом будет смена языка. Другими словами,

может ли речь двуязычного, выражаемая средствами языка А, постепенно подвергнуться столь сильному влиянию языка В, что она перестанет отличаться от речи на В?

Смену языка (ср. также § 4.7) можно исследовать, основываясь либо на критериях дескриптивной лингвистики, либо на конкретных данных личного опыта самого говорящего.

Анализируя высказывания двуязычных, обнаруживающие высокую степень смешения, дескриптивисты имеют обыкновение отдавать предпочтение грамматике и относить речь к тому языку, грамматика которого в ней используется¹¹⁴. Например, нижеследующие строки юмористической песни на макароническом идиш по используемой в них грамматике считались бы относящимися к языку идиш:

Mir veln guljajenen mit a médlener paxódkele
*Un firn a nézpen razgavór*¹¹⁵.

Можно было бы составить такую же по содержанию фразу, используя лексику идиш в русском грамматическом оформлении. «Какой бы величины ни было лексическое проникновение, оно не может сместить барьеры грамматики» (Roberts 447, 37). Однако когда смешивается сама грамматика, возникает методологическая проблема. Например, один носитель идиш, проживший около тридцати лет в Соединенных Штатах, сказал: /aj hejt ðə dʌst vos æ'kjumjuleít zix/¹¹⁶ «не выношу, когда собирается пыль». Главное предложение здесь полностью английское (I hate the dust...). В придаточном относительном предложении слово *accumulate* хоть по происхождению и английское, но спрягается как возвратный глагол языка идиш (см. нулевое окончание после корня глагола на -t), поэтому можно считать, что это предложение выражено на языке идиш. Таким образом, в пределах одного предложения произошло переключение с одного языка на другой. В словацко-немецком сочетании *in Pressburg-u*, приведенном Шухардтом (ср. с. 118, примечание 49), грамматическое оформление и немецкое (предлог *in*) и словацкое (окончание -u). Есть основание полагать, что для некоторых двуязычных весьма характерна легкость переключения с языка на язык даже в пределах одного предложения (ср. § 3.2.2). Остается определить эмпирически, является ли привычное переключение такого типа переходным этапом в процессе смены одного языка другим. Конечно, не может быть сомнений в том, что переход от регулярного

пользования одним языком к регулярному пользованию другим не обязательно должен включать такой промежуточный этап.

Другой подход к данной проблеме основывается на личном опыте говорящего. Как уже говорилось в § 2.1.2, высказывание двуязычного обычно характеризуется своим общим «английским, французским, русским и т. д. характером» (overall Englishness, Frenchness, Russianness). Но так бывает не всегда. Когда Мейе заявляет: «Говорящий всегда знает, что он пользуется той или иной системой» (Meillet 349, I, 82), — то он явно не учитывает тех двуязычных, которые при определенных условиях не могут сказать, какой из языков они имели в виду использовать в только что произнесенном предложении. Они могут даже признать, что разграничение между языками у них как будто временно утрачивается¹¹⁷. Являются ли такие субъективные частые ощущения утраты разграничения (которые в дескриптивном понимании могут соответствовать грамматическому смешению) переходным этапом на пути к регулярной смене языка, пока еще не установлено.

2.5.5. Формирование новых языков в процессе языкового контакта

Вследствие изменения языков, находившихся в контакте, возникли новые гибридные языки, например пиджины и креольские. Их статус как новых языков, как видно, обусловлен тем, что они приобрели следующие — или некоторые из них — характеристики: (1) форму, которая осязаемо отличается от формы каждого из исходных языков; (2) определенную стабильность формы, наступающую после колебаний начального периода; (3) функции, отличающиеся от функций повседневного местного диалекта (например, использование в семейном кругу, в официальном общении и др.); (4) оценку со стороны самих своих носителей как особого языка¹¹⁸. В некоторых контактных ситуациях, однако, никакие новые языки в указанном выше смысле не сформировались.

Может ли дескриптивный лингвист заметить в определенной ситуации контакта какие-либо признаки речи двуязычных, которые могли бы быть свидетельством начавшегося формирования нового языка? Поскольку критерии (3) и (4) не относятся к собственно лингвистике, то он может иметь

дело только со спецификой нового типа речи и его формальной устойчивостью. Что касается последней, то некоторые отклоняющиеся формы или инновации могут встречаться со значительно бóльшим постоянством, чем другие. Так, определенный носитель американского идиш может спорадически смешивать *gejn* «идти (пешком)» и *forn* «ехать» в результате интерференции английского языка (см. с. 92), но в то же время постоянно использовать вместо собственного *švébele* английское *metš* (< match). В целом, когда постоянные отклонения от ранее действовавшей нормы начинают преобладать в речи, подверженной контакту, это означает, что, возможно, происходит формирование нового языка¹¹⁹. Что касается отличия от исходных языков, то, учитывая первостепенную важность грамматики (ср. с. 119, примечание 52), именно важные отклонения грамматического характера истолковываются в первую очередь как признак отделения данного подвергшегося воздействию сектора от остального языкового массива. Адаптация перенесенных элементов, которые не соответствуют закономерностям общей структуры данного языка, тоже указывает на то, что в трактовке интерференции двуязычная окраина проявляет определенную самостоятельность в сравнении со всем языковым сообществом. Например, последовательное принятие в американском идиш английского глагола *vote* «голосовать» в форме *vutn* отклоняется не только от прежнего (литературного) выражения данной семантемы в идиш (*šlimen*), но и от предсказуемой модели интеграции английского /ow/ > идиш /o, o·/, например, *wholesale* «оптовая торговля» > /holsejl/¹²⁰.

Помимо этих общих замечаний, лингвист может мало что сказать по данному поводу, так как остальные два критерия, определяющие становление нового языка, лежат в области не собственно лингвистики, а социолингвистики. Чтобы ответить на вопрос, формируется ли новый язык, с полным основанием, нужно учитывать отношение к нему самих его носителей. В конце концов, тот факт, что язык Соединенных Штатов по-прежнему считается (американским) английским, а чешский и словацкий рассматриваются как два разных языка, а не один,— невозможно объяснить лингвистически.

Социолингвистические факторы, действующие в процессе формирования нового языка, рассматриваются далее в § 4.6.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О возможной утрате такого осознания см. с. 104

² Предыдущий анализ можно удобно выразить терминами глоссематики: в то время как формы выражения и содержания в каждом языке несравнимы и несоизмеримы, субстанция выражения и содержания может взаимно накладываться, что позволяет двуязычным практиковать перекрестную идентификацию.

³ Например, $R/ti/$ «ты», $R/t'ip/$ «тип», $E/t'ip/$ «конец».

⁴ О противоположных случаях см. § 2.5.4.

⁵ Это относится к интерференции в речи двуязычных, что необходимо отличать от процессов в языке как системе даже в том случае, когда он подвергся влиянию (см. ниже § 2.1.4). Когда описываются более или менее упрочившиеся «заимствования» в языке, то чаще предпочитают говорить о единой системе фонем; ср. заключение Уандерли об испанских заимствованиях в языке зок (Wonderly 637), а также теоретическую дискуссию Фриза и Пайка (Fries and Pike 163, 31 и сл.)

⁶ Например, соответствующие формы глаголов *eat* и *manger*: *ate*, *mangea*, *a mangé*, *mangeait*, *eats*, *mange*, *will eat* = *mangera*.

⁷ Мы не должны исключать возможности того, что разные носители двуязычия будут по-разному ощущать слияние систем (относительно индивидуальных различий ср. § 3.2.2). Вопрос о слиянии или раздельности относится, главным образом, к области отношений языка и речи. Исследуя его, нельзя поэтому исключать психологических обоснований.

⁸ Здесь можно пренебречь тем, что *kn'ig-a* и возможно даже *book* + 0 сами могут рассматриваться как сочетание по меньшей мере двух знаков в каждом случае.

⁹ «Я имел возможность близко наблюдать двуязычное население... Могу утверждать, что каждое слово этих двуязычных лиц содержит три образа: семантический образ, звуки соответствующего немецкого слова и звуки соответствующего лужицкого слова, — все вместе составляющие единицу, подобную слову любого другого языка» (Шерба 472, 12 и сл.). Ср. также Capidan 102, 76.

¹⁰ Различие между «органическим» и «неорганическим» двуязычием, которое основывается на специализации функций [см. с. 139], явно представляет собой лишь иной аспект той же дихотомии.

¹¹ Эта методика подробно описана Бовэ (Bovet 82, 5 и сл.). Хотя проблема Саэр сформулирована несколько иначе, ее техника исполнения может применяться и в других случаях.

¹² В соответствии с семиотической терминологией Морриса это был бы теперь «метазнак» (Morris 374, 179—180).

¹³ В этом случае может быть полезной описанная выше методика Саэр. Используя тесты этого типа в опытах с швейцарскими двуязычными детьми, мы установили, что немецкое слово-стимул вызывало в качестве первой реакции тоже немецкое слово-ответ, тогда как на ретороманский стимул следовал, как правило, его немецкий перевод. Это, по крайней мере, частично свидетельствовало о том, что подопытные дети в своем общении на ретороманском языке используют немецкий как посредник.

¹⁴ Такое теоретическое разграничение проводил, по-видимому, только Робертс (Roberts 447, 31 и сл.), называвший генеративный про-

цесс «слиянием» (fusion), а полученный результат «смесью» (mixture). В антропологии Линтон различает в процессе введения нового элемента культуры «(1) его начальное восприятие новаторами, (2) его распространение среди других членов общества и (3) видоизменения, сопровождающие его окончательное включение в матрицу данной культуры» (Linton 316, 474).

¹⁵ Антропологи сталкиваются с подобной проблемой по отношению к аккультурации. По словам Халлоэлла, «до сих пор уделялось больше внимания тому, что происходит [в результате контакта], чем самому процессу аккультурации» (Hallowell 197, 105). Именно с целью провести разграничение, которое было бы аналогично различию языка и речи, Малиновский предложил понятие «нулевой точки» в контакте культур (Malinowski 336; ср. Beals 52, 362).

¹⁶ Лучшим исследованием интерференции в процессе речи является проведенное Папом изучение отождествления наивными носителями языка португальских и английских слов (Pap 392, 90 и сл.). Обычно авторы описаний заимствованных элементов в разных языках вынуждены трактовать такие отождествления гипотетически и a posteriori.

¹⁷ Общую возможность использовать для лингвистических целей материал сновидений показал Паунд (Pound 414).

¹⁸ Данные, сообщенные Хаасом (Haas 192) и Бунсенем (Bunsen 95), менее поучительны.

¹⁹ Эти два ни к чему не обязывающих термина выбраны нами потому, что первичный язык не всегда является родным (ср. § 3.3.3).

²⁰ Йост Винтелер, предвосхитивший теорию фонемы, рассматривал интерференцию в функциональном аспекте еще в 1876 г. (Winteler 633, 36). Анализ подобных явлений у Боаса в 1899 г. тоже очень близок к современным фонологическим интерпретациям (Boas 70). Русские лингвисты, особенно Поливанов (Polivanov 410), Селищев (14; 15), Богородицкий (Bogoroditskij 75; 4; 5) и Георгиевский (8), систематически использовали технику фонемного анализа в освещении проблем языкового контакта. Трубецкой посвятил краткий, но весьма важный раздел своего труда звуковой интерференции (Troubetzkoy 569, 54—56). Американские лингвисты тоже исследовали речь двуязычных с применением фонемного анализа. Одним из лучших в этом отношении является исследование американско-английского языка сквозь призму норвежской звуковой системы, проведенное Офтедалем (Ofteidal 384).

²¹ Подробности см. в докторской диссертации (610, 405 и сл.).

²² В дальнейшем ретороманские и швейцарско-немецкие формы будут соответственно обозначаться индексами R и S, например: $R/pawp/$, $S/vgo \cdot t/$.

²³ Т. е. небольшое количество пар, в которых она имеет различные функции. О понятии функциональной нагрузки см. Martinet 343, 8 и сл.; 31 и сл.

²⁴ Интерпретация посредством геминации, как в случае с $S/fili/$, невозможна, так как R/b , $z/$ не удваиваются.

²⁵ Кроме конечной позиции в слове: $R/piv/ = [pi \cdot f]$.

²⁶ Субституция звуков, как она здесь описана, представляет собой тип интерференции, при котором тождество других фонем не нарушается, поэтому в области фонем, участвующих в небольшом количестве корреляций (например, $/r/$ или $/h/$ во многих языках), она совершается с большей легкостью, чем в области фонем, которые принимают участие

во многосторонних корреляциях. Ср. грамматические параллели, описанные на с. 71 и сл.

²⁷ Первые три типа соответствуют трем вариантам фонологического изменения, которые Якобсон называл «дефонемизацией», «фонемизацией» и «трансфонемизацией» (Jakobson 251).

²⁸ Исследуя гиперкорректность экспериментальными средствами, Марквардт установил, что наиболее частой ошибкой носителей испанского языка в восприятии английских носовых согласных была трактовка конечного /-п/ как /-п̃/ (Marckwardt 338). Это можно объяснить той чрезмерной осторожностью, с которой двуязычные относятся к недодифференциации фонем /п/ и /п̃/, которые в испанском языке фонологически не различаются.

²⁹ На структурную обусловленность явлений интерференции часто мало обращается внимания. Например, Ларри в своем статистическом исследовании неправильного произношения английских гласных наивными носителями других языков на Гавайях даже не упомянула, в каком отношении находятся неправильно произносимые звуки к фонологическим системам соответствующих родных языков говорящих (Larry 300).

³⁰ Ценное сообщение о трудностях полевых лингвистических исследований приводит Веггум 60.

³¹ Даже такие нелингвистические работы, как пособие Германа по иностранным акцентам в английском языке, составленное для актеров, полезны как отправная точка для сравнительных исследований (Herman 221).

³² Это объяснение предложено Якобсоном.

³³ Антропологи имеют дело с культурными факторами при изучении структурализации восприятия, которое в определенной степени соответствует тому способу, по которому континуум звучания организуется в фонемные синтагмы. «Мы далеко ушли,— пишет Хэллоуэлл,— от конкретного восприятия, непосредственно воспринимаемого нашими органами чувств» (Hallowell 196, 165). По мнению Герсковитца, «сила первоначального опыта восприятия элемента культуры такова, что любая инновация, возникающая перед индивидом, проецируется на уже существующую у него апперцептивную массу... Именно из этого процесса возникает явление реинтерпретации, при котором нововоспринятый культурный стимул... создает новые модели культуры, которые никогда не будут такими, как уже существующие при прежнем культурном Gestalt'e» (Herskovits 226, 56). Не во всех областях культуры можно найти точно такие же четыре типа интерференции, как в фонетических системах, но, во всяком случае, в музыке и в живописи аналогичные проблемы возникают. Ср. обсуждение интерференции «европейской» и «африканской» систем музыки в работе Waterman 594.

³⁴ Проблему двойной интерференции впервые осветил Шухардт (Schuchardt 491).

³⁵ Это убедительно показал Мартинет на примере контакта местного говора одной деревни в Савойе с французским языком (Martinet 341, 7). Ср. также Haudricourt and Martinet 204.

³⁶ Вольф также установил, что при обучении испанцев английскому языку «знакомые» фонемы, имевшие незнакомые аллофоны, представляли для них по тем же причинам гораздо больше трудностей, чем совершенно новые фонемы (Wolff 635).

³⁷ Якобсон писал: «Воздействие, оказываемое одним языком на фонологическую систему другого, вопреки существующему мнению, не

обязательно предполагает, что народ, говорящий на первом из них, обладает политическим, социальным или культурным превосходством» (Jakobson 252, 54).

³⁸ Лексические заимствования будут обсуждаться более полно в § 2.4.

³⁹ Пап отмечает, что различие между заимствованиями, ассимилированными и не ассимилированными в звуковом отношении, является «скорее относительным, чем абсолютным, и зависит только от степени воздействия» (Pap 392, 101—102). С точки зрения слушающего, это действительно так: поскольку попытка интегрировать заимствованное слово или произнести его на иностранный манер не всегда бывает успешной, то он слышит нечто промежуточное между этими двумя качествами. Но с точки зрения говорящего, различие состоит в выборе процедуры, а именно, либо в приспособлении звукового выражения заимствованной единицы к новой среде, либо в стремлении как можно лучше сохранить ее первоначальную звуковую форму. Очень важно отличать этот выбор процедур от его результата.

Приведенные формулы выражают обычное понимание заимствований. Необходимо также учитывать возможность и следующей ситуации:

p/...SSSPSSS.../

В этом случае двуязычный вставляет в речь на вторичном языке слово из своего первичного словаря, например, француз, говоря по-английски, вставляет слова *tiens!* или *garage*. В окказиональном заимствовании типа *tiens!* произношение вставленного слова *P* предполагает скорее ослабление усилий, чем их интенсификацию, но при использовании «унаследованных», не индивидуальных заимствований типа *garage* француз приходится приложить даже больше усилий, чтобы произнести американское [gə'ga·ʒ] или британское [ˈgaɪrədʒ], чем любое традиционное английское слово.

⁴⁰ Это изменение, по-видимому, возникло у носителей тех диалектов идиш, в которых нет /o·/ или /ow/, но которые ощущают (в результате контакта с центральным, или «польским», идиш), что /ow, o·/ соответствуют их собственному /oj/. Поэтому /kojt/ относится к /kowt/ так же, как формы северо-восточного, или «литовского», идиш /hojz, bojx/ относятся к формам центрального идиш /ho·z, bo·x/ «дом», «живот». Аналогичную проблему в диалекте норвежского языка в США см. Naugen 209, 222 и сл.

⁴¹ Этот вопрос стоял на повестке дня международных лингвистических конгрессов в 1939 (Брюссель), 1948 (Париж) и 1952 (Лондон) годах (см. 240—242).

⁴² Росетти считает, что взаимное проникновение двух морфологических систем характерно для *langue mixte*, которой он противопоставляет *langue mêlée* — язык, содержащий лишь отдельные заимствованные единицы (Rosetti 451, 73).

⁴³ Ср. также редкие примеры проникновения латышского префикса в ливский язык или немецкого — в древнепрусский, о которых сообщает Кипарски вместе с общеизвестными примерами славянских префиксов в румынском (Kiparski 279, 501—503). Интересно, что такие аффиксы часто используются с юмористической целью, например, в немецком *-ität, -ibus* (*Grobität, Gründibus*) или в румынском *-ition* (*furculition*) вместо *furculița* «вилка» (Graur 181). Ср. также юмористическую фразу в слэнге языка идиш: /far'stande-vu/ «вы понимаете?», составленную по образцу французского *comprenez-vous?*

⁴⁴ Многие предполагаемые случаи заимствования сильно связанных морфем описаны недостаточно точно, чтобы можно было судить, имеет ли здесь место расширение употребления по аналогии, как в описанных выше примерах. Так, указание Шухардта на кавказское происхождение армянского форманта множественного числа *-k^h* (Schuchardt 492, 193) дано слишком лаконично; его мнение о латинском происхождении баскского форманта множественного числа *-eta* (там же) оспаривается (Lafon 296, 507). В заявлении Звегинцева о том, что современный персидский язык заимствовал новые суффиксы множественного числа *-at* и *-džat*, даже не указан источник этого заимствования (Звегинцев 9, 331). Греческий агентивный суффикс *-ci*, который, по мнению Шпитцера, был заимствован из турецкого языка, представляет собой почти несомненный пример расширения по аналогии (Spitzer 525). Сообщенный Ябергом любопытный случай заимствования окончания *-en* из (стандартного?) немецкого языка в ретороманский диалект швейцарской долины Грисон с целью отграничения формы множественного числа (*la vacchen*) от ранее одинаковой с ней формы единственного (*la vacca*) тоже, по-видимому, объясняется аналогией; во всяком случае приведенные данные неубедительны (Jaberg 246, 65). Утверждение Харди о том, что французское *-amant* было перенесено в бретонский язык в качестве суффикса, образующего наречия (Hardie 200, 122), тоже является неполным. Пример Шухардта с перенесением английского притяжательного *-s* в островной португальский язык: *gubernadors casa* (Schuchardt 491, 8, 10) — стал уже шаблоном; им пользовались Мейе (Meillet 349, I, 87), Вандриес (Vendryes 580, 343—344) и многие другие, не обратившие внимания, что сам Шухардт от него отказался (493, 594, сноска 1), истолковав это выражение как *governador su casa* («губернатор его дом»). С другой стороны, в Тампа (штат Флорида) в речи двуязычных детей, владеющих испанским и английским, было зафиксировано выражение: *Juan's padre vive aquí* «отец Хуана живет здесь» (<англ. Juan's father lives here) (Otroz 387).

⁴⁵ Фактором, облегчавшим описанное перенесение морфем, могло служить сходство родственной и заимствованной из одного источника лексики болгарского и мегленитского румынского языков.

⁴⁶ Это же, лишь в более общей форме, утверждали в 1927 г. Бартоли (Bartoli 41, 90) и в 1948 г. представители пражского лингвистического кружка (417, 305). Замечание Фогта, что индоевропейские языки представляют собой область, неподходящую для изучения грамматической интерференции (Vogt 585, 38), справедливо лишь в отношении явлений копирования функций, что же касается перенесения связанных морфем, то картина здесь, по-видимому, прямо противоположная. Это может объясняться большой структурной конгруэнтностью языков индоевропейской семьи.

⁴⁷ Можно упомянуть и о некоторых других случаях заимствования связанных морфем, например, в румынском языке окончание вокатива *-o* женского рода, имеющее славянское происхождение (Rosetti 451, 73), упомянутая Шухардтом форма грузинского инструментального падежа на *-iw* армянского происхождения (Schuchardt 492, 193) и др.

⁴⁸ О разграничении языка и речи см. § 2.1.4.

⁴⁹ Напоимер, Шухардт встречал в немецкой речи чехов формы типа *sie geht-e* «она идет» (настоящее время) с перенесением чешского *-e* (Schuchardt 491, 101). Он также наблюдал, как словаки, говоря по-немецки, использовали чешский локативный суффикс: *in Pressburg-u* (там же, 85).

Ср. также примеры Кобера, якобы воспроизводящие английскую речь носителей идиш: *now is gebusted the cup* = *now the cup is «busted»* «теперь чашка разбита» или *like a... can from sardines was gepacked the train* = *the train was packed like a can of sardines* «поезд был набит, как банка сардинами» (Kober 285, 36; 286, 25), где в английское высказывание переносится морфема *ge-*; или *Miss Fortune-Tellerke* (там же), где формант *-ke* присоединяется к английскому *Miss Fortune-Teller* «гадалка» с целью подчеркнуть женский род. Мак тоже приводит польско-немецкие формы *to mi przyszło komisch vor* (< нем. *das kam mir komisch vor*) «мне это показалось смешным» (Мак 334, 49).

⁵⁰ Шухардт уже отмечал, что «предлоги по степени своей независимости мало отличаются от суффиксов» (Schuchardt 491, 9, 85). Он приводит пример, когда итальянец сказал по-немецки: *er wohnt nella Heinrichstrasse* «он живет на Гайнрихштрассе». Название улицы, которое в данном сообществе было одинаково итальянским и немецким, здесь перенесено в немецкую речь вместе с закрепленным предлогом, подобно тому как французское *statuette* перенесено в английский язык вместе со словообразующим суффиксом. Тот же индивид, по словам Шухардта, не употребил бы *nella* в свободном сочетании типа **er ist nella Küche* «он в кухне».

⁵¹ Некоторые двуязычные переносят эти неинтегрированные единицы в обоих направлениях, пока они не образуют единую лексическую подсистему, используемую в речи на любом языке. Говоря словами Робертса, происходит лексическое «взаимопроникновение» (*interfusion*), т. е. обоюдное заимствование (Roberts 447, 34). Например, в речи иммигрантов США на их родных языках употребляются многие английские междометия. Но в то время как, например, в иммигрантском идиш свободно используются слова типа *sure* «конечно», *never mind* «ничего», *well* «хорошо; ну» и *O. K.* «ладно, хорошо», в свободной английской речи тех же иммигрантов и даже в речи их детей много таких слов, как *nébex* «бедняга», *táke* «действительно», *kejnehóre* «неплохо!» и других грамматически неинтегрированных наречий, которыми так богат идиш. Как указывает Сьестедт, «эти маленькие словечки... являются предвестниками вторжения иноязычной лексики в данный словарь» (Sjoestedt 511, 100.) Но когда происходит смена языка, то такие слова из состава того языка, который исчезает, «часто бывают последними сохранившимися свидетельствами его существования» (там же).

⁵² Подтверждение этой гипотезы полностью соответствовало бы мнению о решающей роли в установлении генетических отношений между языками грамматических критериев как наиболее консервативных (ср. Meillet 349, I, 84).

⁵³ Исследователи аккультурации сталкиваются со сходной и почти столь же неизученной проблемой переносимости элементов культуры. «Некоторые виды элементов,— заявляет Линтон,— при прочих одинаковых обстоятельствах [например, коннотациях престижа] являются, как будто, легче переносимыми, чем другие. Материальные предметы, например орудия труда, утварь или украшения, перенимаются с большой легкостью; это обычно первое, что переносится в ситуации контакта... Вообще, чем более абстрактным является данный элемент, тем с большими трудностями связано его перенесение» (Linton 316, 485).

В будущем, возможно, удастся создать теорию переносимости как функции структуры, причем достаточно всеобъемлющую, чтобы она была приложима и к лингвистическим и к экстралингвистическим явлениям.

⁵⁴ В Швейцарии было предложено изучать этот аспект языковых

контактов в пространственной проекции. Комментируя список заимствований из швейцарско-немецкого языка в швейцарско-французском говоре, собранный Тапполетом (Tappolet 550), Яберг показал, что если отметить использование заимствований на карте точками, то зоны контакта на языковых границах окажутся наиболее затемненными (Jaberg 247, 55 и сл.). Ср. с этим мнение Штайнера о «плотности заимствований» из французского языка в швейцарско-немецком (Steiner 533, 31). К сожалению, в этом направлении исследования так и не проводились, поэтому никаких данных в данной области не существует.

⁵⁵ Т. е. использующие в своих парадигмах высоко связанные морфемы с большим количеством альтернантов и не исключающие флективных изменений в корне.

⁵⁶ При этом *t-l-gr-f* «телеграфировать» все же функционирует как пятиконсонантный глагол; ср. Weiman 601, 66.

⁵⁷ При отсутствии специальных оговорок все примеры интерференции в американских итальянском, немецком, норвежском, идиш и других иммигрантских языках взяты из разговорной речи и в культивированных формах этих языков даже в Соединенных Штатах считаются недопустимыми.

⁵⁸ В литовском языке США, по данным Сенна, наибольшие трудности представляет освоение английских прилагательных, наиболее легко воспринимаются глаголы. Тем не менее прилагательные тоже переносятся: *dòrtinas* < *dirty* «грязный», *fòniškas* < *funny* «смешной» (Senn 505, 47).

⁵⁹ В этом случае вполне уместна рекомендация Фогта исследовать также не-индоевропейские языки (Vogt 585, 38) (ср. с. 118, примечание 47).

⁶⁰ Хотя сравнение фонологических и грамматических процессов связано с определенными опасностями, все же можно отметить параллелизм первого типа интерференции в грамматических отношениях с недифференциацией фонем, второго типа — со звуковой субституцией, а третьего — со сверхдифференциацией фонем.

⁶¹ Связанной с этим проблеме посвящено исследование Дреера (Dreher 138), но оно выходит за рамки нашего обсуждения.

⁶² В этом случае, собственно, происходит субституция модели словопорядка вместо модели с прямым дополнением в винительном падеже.

⁶³ О многих аналогичных случаях интерференции эстонского и чувашского языков в русском см. Раип 424, 9 и сл.

⁶⁴ Учителя, обучающие малых детей, считают необходимым, прежде чем знакомить с системой нового языка, обратить их внимание на тонкие различия в грамматике родного; ср. наблюдения Никольского (13) над процессом обучения татарских детей русскому языку.

⁶⁵ Об отождествлении единиц по их форме в случаях лексической интерференции см. ниже на с. 84, 87 и сл.

⁶⁶ Ср. идиш *šrajbn* и польское *pisać* «писать» и соответственно *opšrajbn* — *napisac* «написать».

⁶⁷ Несмотря на внешнее сходство, функции артикля в этих языках все же различны (ср. Michov 359). Против упрощений в этом вопросе предостерегал также Йорга (Iorga 243).

⁶⁸ В то время как эстонский язык использовал в качестве вспомогательного глагол, эквивалентный немецкому, лужицкий заимствовал немецкое *werden*.

⁶⁹ Случай, когда перенесение модели способствовало увеличению эксплицитности выражения категории, был описан нами на с. 66. Кстати, психологические причины того, что более легкой для имитации является именно более эксплицитная, более сознательно воспринимая модель, нетрудно определить. Заметим, что перенесение морфем совершается, по всей вероятности, с большей легкостью также в таких случаях, когда они крупнее по своему фонемному составу (т. е. более эксплицитны); ср. с. 65.

⁷⁰ Можно было бы, вероятно, доказать частичную «индоевропеизацию» современного иврита — вторичного языка многих двуязычных, проживавших в Европе (ср. Weiman 601; Larish 299; Rudin 454).

⁷¹ Ср. описание русско-норвежского языка Broch 90. С одной стороны, более устойчивые креольские языки выработали четкие грамматические системы с обязательными категориями, основанными на свободных формах; ср. проведенный Тейлором анализ склонения в карибском креольском языке, где *mwe tan* «я слышу», *mwe te tan* «я слышал», *mwe ke tan* «я буду слышать» и т. д. составляют парадигму перфекта (Taylor 552, 84). По данным Гоффмана, двуязычные силезские поляки, говорившие по-немецки: *ich bekommen täglich 3 Mark Lohn* «я получать плата три марки в день», прежде всего, по-видимому, заботились о выражении категории первого лица с помощью свободного и эксплицитного местоимения *ich*, пренебрегая правильностью флексии самого глагола (который, конечно, должен иметь здесь форму *bekomme*) (Hoffman 233, 276). Хьельмслев показал, что в области грамматики креольские языки обладают скорее теоретическим оптимумом, чем минимумом (Hjelmslev 230).

⁷² Почему некоторые глаголы присоединяются к спряжению на *-ear*, остается невыясненным.

⁷³ В американском идиш название бухгалтера-женщины будет *bukkiperke*. Источник португальских примеров см. Пар 392, 100—104.

⁷⁴ Как указывают Пап (Par 392, 104) и Нейманн (Neumann 381, 417), заимствуемая лексика находится еще в «переходной» стадии и в отнесении к определенному роду здесь отмечаются значительные колебания. Эту проблему рассматривает также Меллер (Møller 373, 45 и сл.).

⁷⁵ Например, в пенсильванском немецком используется множественное число, образуемое не только с помощью окончания *-e*, но и чередованием гласных: *di· gaund* «дамское платье» (< англ. gown) — множественное число *di· gaind* (ср. Reed 432). Аналогично в американском идиш: *der sap* (< англ. shop) «мастерская, цех» — множественное число *di seper*.

⁷⁶ Даже в несклоняемости заимствований (например, в литературном польском языке существительных на *-o*; ср. *radio* : *bez radio*, но *okno* : *bez okna*) отражается нежелание говорящего искажать иноязычную морфему.

⁷⁷ Параллелизм с определением грамматической интерференции (ср. § 2.3.1) здесь очевиден. Эквивалентность функции обозначения соответствует грамматической функции, которую мы рассматривали в предыдущем параграфе. Разграничение грамматического и лексического аспектов интерференции, конечно, предполагает, что многим морфемам действительно свойственна функция обозначения, отличная от их чисто грамматической функции. Автор сожалеет, что для тех формалистически настроенных читателей, которые не могут понимать языковое значение иначе, чем дистрибуцию, а лингвистическую семантику

не представляют себе вне контекстуального анализа, материал этого раздела покажется либо повторяющим общезвестное, либо лингвистически нерелевантным.

⁷⁸ Об интеграции заимствований см. § 2.2.5 (фонетическая) и § 2.3.7 (грамматическая).

⁷⁹ Результат этого процесса Хауген называет семантическим заимствованием или расширением (extension) и относит его к калькам (Haugen 209, 219). В схеме Бетца этот тип называется «заимствованным значением» (Lehnbedeutung) (Betz 58).

⁸⁰ В контактной ситуации, где участвуют языки с сильно представленной омофонией, например итальянский и испанский Латинской Америки, воздействие этого типа особенно распространено (ср. Riegler 444).

⁸¹ Эквивалентное явление в контакте культур представлено так называемыми синкретизмами, т. е. объединенными сущностями, происхождение которых кроется в двух культурах. Гринберг показал, что негры Северной Африки легко воспринимают веру в магометанского духа *jinn*, так как отождествляют его с духами *ʔiskoki* собственного культа. Негры Латинской Америки тоже отождествляли католических святых со своими африканскими божествами (Greenberg 185). «Тот факт, — пишет Герсковитц, — что воспринимающая группа может найти в традициях доноров что-либо понятное с точки зрения своих собственных моделей, способствует утрате сопротивления и ускоряет восприятие» (Herskovits 225, 5 и сл.).

⁸² Термины омонимия и полисемия, обычные в семасиологии (ср. Ullman 572, 48), являются, по-видимому, более удобными, чем термины «омонимичные заимствования», «синонимичные заимствования» или предложенные Хаугеном термины «омофонные расширения», «омологические расширения» (Haugen 209, 219; 210, 94).

⁸³ Не совсем ясно, произносится это слово /ul'gora/ или /ju'l'gora/.

⁸⁴ Ни одного из компонентов в литературном испанском языке не существует.

⁸⁵ Здесь можно выделить два отдельных заимствования: *change* и *mind*, но *mind* не используется больше нигде в американском идише, кроме фразы *making up one's mind* «принятие решения».

⁸⁶ Хауген предлагает термин «новация» (novation), противопоставляемый «расширению» (extension) (Haugen 210, 80).

⁸⁷ С другой стороны, понятие «родной брат / сестра» можно рассматривать как инновацию в культуре идиш, так же как это было в англоязычном сообществе, где слово *sibling* появилось (или, возможно, возникло) в 1897 г. По отношению к таким формам, как *Kraftwagen*, передающим содержание второй единицы — *Automobil* при очень неясной связи ее с моделью другого языка, сам Бетц применяет термин «калька-образование» (Lehnschöpfung) (Betz 57, 58).

⁸⁸ Бетц называл эти подтипы «развивающейся» (entwickelnde) и «обогащающей» (bereichernde) калькой (Betz 57, 58).

⁸⁹ По терминологии Хаугена, это гибридная калька (loanblend) (Haugen 209, 218 и сл. Ср. также Møller 373, 55).

⁹⁰ См. анализ интересных английских и немецких сложных гибридных слов в Rothenberg 452.

⁹¹ В канадско-французском *grand plancher* «первый этаж» (< англ. ground floor), приведенном Барбо, наоборот, оба элемента, по-видимому, являются воспроизведенными, причем омофонное французское *grand* расширило свое содержание, став полисемантическим (Barbeau 35).

⁹² См. специальное исследование Шаха о гибридных дериватах в

пенсильванском немецком (Schach 475, 120). Садло приводит примеры интересных польских гибридных производных, образуемых детьми польских горняков во Франции, например: *glisadka* «каток» по образцу *glisade* + *slizgaw-ka* (Sadlo 455, 112).

⁹³ Иногда даже простые слова подвергаются сходному процессу повторения в переводе. Уиллемс приводит бразильско-немецкие примеры *presus-holen* «приносить», *cavalho-Pferd* «лошадь» (Willems 627, 299; 306). Ср. также сложные формы в швейцарско-немецком языке в г. Биль: *fini-fertig*, *grad-žüst*, анализируемые Баумгартнером (Baumgartner 47).

⁹⁴ Лучший обзор исследований двуязычных топонимов сделал, по-видимому, Дрей (Draeye 136). Равноценного изучения имен собственных, кажется, еще нет.

⁹⁵ Кранцмеер называет такие имена «свободными парами» (Kranzmauer 291).

⁹⁶ Ср. также португальское *Caranguejo* < англ. *Crabtree* и другие, приводимые Папом (Pap 392, 135).

⁹⁷ Вочадло предложил, чтобы этой проблемой занялась «сравнительная лексикология». И в области культуры, по словам Линтона, «то, что происходит с прежними элементами культуры, когда вводятся новые... обычно, к сожалению, обращало на себя мало внимания» (Linton 316, 478 и сл.).

⁹⁸ Линтон проводит здесь параллель с антропологией: «Создается впечатление, что культуры проявляют бесконечную терпимость к дублированию функций. На практике, по крайней мере, временное дублирование неизбежно сопровождается всякие изменения в культуре» (Linton 316, 481).

⁹⁹ Как уже говорилось, часто в исследованиях заимствований не приводится достаточной информации относительно того, становится ли прежнее слово специализированным или оно выходит из употребления.

¹⁰⁰ То же происходит и при контакте культур. «Субституция нового элемента культуры,— пишет Линтон,— вовсе не обязательно приводит к полному устранению старого. Существует много примеров частичного... замещения... Каменными ножами могут продолжать пользоваться еще в течение длительного времени для ритуальных целей, после того как во всех других функциях они вытеснены металлическими» (Linton 316, 481).

¹⁰¹ Между прочим, Блумфилд определяет «культурное заимствование» только как заимствование из другого языка, противопоставляя его «диалектному заимствованию», происходящему в той же «речевой области» (Bloomfield 69, 444). Дальше он делит культурные заимствования на «обычные» (ordinary) и «личные» (intimate), из которых последние связаны с двуязычием (с. 461). Поскольку культурные и личные заимствования здесь не противопоставляются друг другу, критика этого деления в работах Диллона (Dillon 131) и Папа (Pap 392, 189) является не совсем обоснованной.

¹⁰² Многие единицы из этого общего словаря, имеющие в основе культурные инновации, были, конечно, образованы путем калькирования. Ср. интересные предложения Бетца о составлении словаря европейских калек (Betz 57, 31).

¹⁰³ Особым случаем неблагоприятной омонимии является недостаточность объема фонологического состава слова. Как показал Блох, по этой причине в вогезском наречии слово *v(e)hi* «сосед» было замещено французским *voisin* > /wez1/ (Bloch 64, 93 и сл.).

¹⁰⁴ Ср. совершенно иную реакцию двуязычных тайландцев, описанную в работе Haas 193.

¹⁰⁵ Капидан пытался объяснить заимствование румынским языком славянского *scump* «дорогой (о цене)» тем, что собственное румынское слово *carut* в VII в. фонологически совпало со словом *carrum* «воз», к чему следует отнестись скептически. Несовместимость омонимов «воз» и «дорогой» является даже меньшей, чем в приведенных выше случаях из иммигрантских языков США.

¹⁰⁶ Тот факт, что в языке уинту «слова, связанные с формальным аспектом деятельности, уступают тем, которые связаны с обязательным и кинестетическим аспектами» (Lee 302), может объясняться этим голодом на синонимы.

¹⁰⁷ Как указали Петровици и Мелиер, одно из отличий двуязычных лиц от одноязычных состоит в том, что первые благодаря своему знанию языка-источника признают многие из старейших и наиболее ассимилированных заимствований «иностранными» словами (Petrovici 399, Mfiller 373, 9). Если сопоставление заимствованию достаточно велико (ср. § 4.4), то, по мнению Петровици, двуязычный, «пытающийся говорить чисто, может заменить заимствованное слово единицей, которая, как ему кажется, более органически принадлежит его родному языку». Раковица сообщает о типичном случае, когда двуязычный молдаванин сначала сказал по-русски *институция*, но затем, подумав, что это слово может быть неправильно употребленным румынским заимствованием, заменил его «более чистым» словом *учреждение* (Racoviță 421). Аналогичные соображения, вероятно, лежат в основе того факта, что в литературном идише в США наблюдается более дружелюбное отношение к славянским заимствованиям, чем на прежней родине (см. предисловие М. Вайнрайха к Stutchkoff 541).

¹⁰⁸ Вочадло делит языки на гомогенные, смешанные и гетерогенные. Последняя группа, по его мнению, наиболее восприимчива к перенесению слов (Vočadlo 582, 170).

¹⁰⁹ Даже Фриз и Пайк, отрицающие это, говорят о (диахронически) неассимилированных фонемных сегментах в заимствованных словах (Fries and Pike 163).

¹¹⁰ В Бразилии случаи немецких калек из португальского оказались чрезвычайно редкими (см. Willems 627, 279).

¹¹¹ В современном иврите благодаря особенностям его структуры перенесенные слова легко распознаются. Как пишет Уэйман, «культурный и религиозный престиж языковой модели иврита... способствовал тому, что обе модели — собственная и иноязычная — сохраняются различными» (Weiman 601, 5).

¹¹² С целью внесения соответствующих поправок в исследования двуязычия принято пользоваться для второго языка относительным показателем владения. Так, в «Южноафриканском обзоре двуязычия» 1938 г., по данным Малербе, используется о т н о ш е н и е д в у я з ы ч и я, высчитанное как отношение показателей владения вторым и первым языками (Malherbe 335, 18 и сл.). Тот определял свой индекс двуязычия как квадратный корень из произведения двух показателей (Taute 551). Относительно формул, используемых Х. Саэр, см. Bovet 82, 4 и сл.

¹¹³ Различия, аналогичные тем, которые существуют между стимулами и сопротивлением и между структурными и неструктурными факторами, проводятся имплицитно и при изучении аккультурации. Например, Редфилд, Линтон и Герсковитц различают особенности культуры, «представленные» (= стимулы) и «избираемые» в ситуациях аккультурации, подчеркивая «важность понимания и сопротивления этим особенностям и принятия их». Они также считают причиной выбора этих осо-

бенностей «конгруэнтность существующих моделей культуры», что соответствует структурным стимулам в языковом контакте (Redfield, Linton, Herskovits 429). Линтон замечает, что «новые вещи заимствуются в связи с их полезностью, совместимостью с прежними образцами культуры и ассоциациями престижа» (Linton 316, 488); эти три фактора, грубо говоря, эквивалентны структурным стимулам интерференции, структурному сопротивлению и неструктурным стимулам соответственно. Кребер специально останавливается на проблеме сопротивления проникновению (diffusion) (Kroeber 293, 415—418). Тему одной из статей Девере и Леба тоже составляет сопротивление культурным заимствованиям, причем в ней проводится различие между «сопротивлением предмету культуры» (соответствующим приблизительно структурному сопротивлению при языковом контакте) и «сопротивлением его донору» (lender). Эти авторы рассматривают также сопротивление с о с т р о н ы «донора», например, попытку голландцев путем издания специального закона воспрепятствовать малайцам изучать голландский язык. При языковом контакте такого сопротивления с «дающей» стороны, по-видимому, не существует, если не считать проявлением такого сопротивления наличие в языке-источнике малозаметных, вариативных фонологически слабых морфем, не поддающихся перенесению (ср. с. 68); см. также § 4.3.1 (с. 154) об эзотерических языках.

¹¹⁴ Относительно правомерности предоставления приоритета грамматике ср. с. 68, особенно примечание 52 (с. 119).

¹¹⁵ «Мы будем ходить (русское *гулять*) медленной походкой и вести нежный разговор». Ни одно из выделенных русских слов не принадлежит к регулярно используемой лексике идиш. Если бы не это, никакого комического эффекта не получилось бы.

¹¹⁶ Фонетическая интерференция (например, /dʌst/ $\cong$ /dost/) здесь не принимается во внимание.

¹¹⁷ О подобном французско-баскском тексте с «утратой» разграничения см. Bouda 81. Словацко-немецкие примеры приводились у Шухардта (Schuchardt 491, 81—95). Съестедт также рассматривает «необдуманные» заимствования этого типа (Sjæstedt 511).

¹¹⁸ На важность последнего критерия неоднократно указывал, например, Террачер (Terracher 554). Клосс пользуется только двумя критериями — одним лингвистическим и другим социалингвистическим: *Abstandsprachen* определяются критерием (1), а *Ausbausprachen* — критерием (3) (Kloss 281).

¹¹⁹ Наоборот, импровизированная, подходящая для данного случая природа некоторых гибридных жаргонов может быть следствием относительного непостоянства их формы. Ср. импровизированный французско-турецкий жаргон школьников, описанный Роттенбергом (Rottenberg 453), и средневековый англо-французский жаргон, который, по данным Альберта (Albert 23), имел устойчивые формы и самостоятельное внутреннее развитие.

¹²⁰ Существует лишь несколько других случаев с /ow/ > /u/, например, *Coney Island* > амер. идиш /kuni ajlend/, *to smoke* «курить» > /smukn/, *slow* «медленный» > /slu/; ср. Jaffe 248, 133. Если бы эти случаи адаптации были свойственны носителям так называемых и-диалектов языка идиш, по аналогии с *vutn* : **vojn* как *vugn* : *vogn* «воз», то в таком случае мы бы имели здесь междиалектное отношение, обратное тому, которое представлено в *coat* > /kojt/ (ср. с. 59 и примечание 40, с. 117). Однако нами обсуждается, конечно, внутреннее развитие этого типа.

3. ДВУЯЗЫЧНЫЙ ИНДИВИД

При рассмотрении роли языковой структуры в процессах взаимодействия контактирующих языков (§ 2.5.2) выяснилось, что точное определение лингвистической интерференции зависит еще от ряда факторов неструктурного характера, стимулирующих интерференцию или оказывающих ей сопротивление. Среди них можно также выделить факторы, имеющие отношение к индивиду, и факторы, связанные с социокультурным контекстом контакта. Если, однако, вспомнить, что двуязычный индивид представляет собой в конечном счете средоточие (locus) языкового контакта, то становится очевидным, что даже социокультурные факторы могут влиять на интерференцию лишь через посредство отдельных носителей языка. Поэтому проблема двуязычного индивида как фактора, определяющего процессы интерференции, и должна рассматриваться как первостепенная. В приложении на с. 191 и сл. приводятся обобщенные данные о психологическом воздействии двуязычия на невербальное поведение, имеющие для целей нашего исследования лишь вспомогательное значение.

3.1. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ДВУЯЗЫЧИЯ

Психологические концепции двуязычия и интерференции связаны с общими теориями речевой деятельности, поэтому они отличаются друг от друга в зависимости от того, какую психологическую школу каждая из них представляет. И здесь мы тоже сталкиваемся с трудностями в приведении этих концепций к какому-то общему знаменателю.

С точки зрения индивида два языка — это два вида деятельности, в которой действуют одни и те же органы. Поэтому адекватная психологическая теория двуязычия должна объяснить и такое состояние, когда индивид пользуется каждым из двух языков **раздельно** с полной эффективностью

и, напротив, когда в одном из этих языков проявляется интерференция со стороны другого. Больше всего внимания уделяется обычно второму аспекту.

Одним из первых предложил последовательную теорию интерференции представитель школы ассоциативной психологии И. Эпштейн (Epstein 147). Он сам знал много языков и занялся интроспективным наблюдением и самоанализом, пытаясь найти ответы на ряд возникших в процессе работы вопросов. Мышление, в понимании Эпштейна, — это ассоциации между идеями и словами. Возможна прямая ассоциация между идеей и иноязычным словом. Но знание одного языка мешает изучению последующих, ибо исследования памяти показали, что когда устанавливается ассоциация *ab*, то образование второй ассоциации *ac* наталкивается на трудности. Когда все же эта последняя образуется, то создаются помехи воспроизведению *b* или *c* в ассоциации с *a*. Следовательно, множественные пересекающиеся словесные ассоциации, существующие у двуязычного, интерферируют друг с другом, особенно в области «выражения», т. е. в говорении и письме. Таким образом, двуязычие представляет собой препятствие для формирования идей и их передачи. Особенно большие затруднения возникают тогда, когда данным языком пользуются в непривычной области общения или когда обращаются к лицу, с которым раньше общение происходило на другом языке.

Работа Эпштейна у многих вызвала одобрение, но ее теоретические положения тотчас же подверглись и критике. Известный исследователь детской речи У. Стерн отметил, что выводы Эпштейна применимы только к взрослым, к тому же ассоциативная психология в то время уже показала свою несостоятельность и вытеснялась более современной «психологией мысли». По мнению Стерна, «различия между языками... не только ведут к ассоциативному явлению интерференции, но также представляют собой могучий стимул для отдельных актов мышления, для сравнений и разграничений, для реализации понятий в их установленных пределах, для уяснения тончайших нюансов значения» (Stern 537).

Даже те, кто не отрицал теоретических посылок концепции Эпштейна, высказывали сомнение в том, что ассоциативная интерференция играет важную роль¹. Этот вопрос возникал также не раз в споре приверженцев «прямых» и «непрямых» методов обучения иностранным языкам. Ученые,

занимавшиеся дальнейшей разработкой теории интерференции, считали, что чем больше различия в тематике и в особенностях окружающей среды, тем меньшей будет интерференция ассоциаций. Только пользование двумя языками, в котором нет функциональной дифференциации, образует «неорганическое двуязычие», связанное с наличием интерференции в области ассоциаций (ср. Ittenbach 244, Volkmer 587).

В США психологи покамест не выдвинули каких-либо оригинальных теорий двуязычия, так как эксперименты в этой области не проводились². Однако последние направления психолингвистических исследований, наконец, стали учитывать достижения лингвистики и теории связи в области различения кода и сообщения (языка и речи) (ср. Miller 362,7; Osgood 388, 45). Можно надеяться, что на этой основе психолингвистам удастся пролить свет на психологические механизмы кода переключения³.

Изучение афазии у двуязычных лиц проводится, главным образом, в плане изучения функций мозга и локализации его речевых центров, без всякого обращения к психологическим и неврологическим теориям двуязычия (например, Goldstein 178, 138—146, Kainz 263, II, 300—303). Однако недавно появилась, пусть частичная, неврологическая теория двуязычия, согласно которой у заднего края Sylvian fossa и в прилегающих парietальных зонах мозга существует специальный механизм переключения языков. «Полная ригидность [Erstarrung] в одном языке или способность произвольного переключения с одного языка на другой — таковы единственные два способа функционирования или нарушения действия этого центра переключения» (Leischner 305, 773)⁴. Если эта гипотеза анатомической локализации центра управления двуязычием подтвердится, она сможет помочь объяснить индивидуальные различия в степени языкового смешения, наблюдаемые среди двуязычных лиц (ср. § 3.2.2).

3.2. ХАРАКТЕРИСТИКИ ДВУЯЗЫЧНОГО ИНДИВИДА

Двуязычному индивиду свойственны, по меньшей мере, две характерные черты, обуславливающие его особое поведение как агента языкового контакта еще до того, как возникает конкретная речевая ситуация. Хотя определить их нетрудно, необходимо еще соотнести их с общей величиной

интерференции или со специфическими ее типами, возникшими в речи двуязычных при прочих равных условиях. В этой области очень перспективно проведение экспериментов и группового тестирования, от которых можно ожидать новых важных открытий. В настоящее же время можно предложить проблемы для исследования лишь в самом общем их виде.

3.2.1. Способности

Способности к изучению иностранного языка уже почти по самому определению представляют собой фактор, действующий успехам индивида в его втором языке. Для проверки способностей к обучению обычно используются специальные тесты (Vigos 97, 265 и сл.), однако полученные с их помощью данные необходимо сравнить с данными об объеме и типах интерференции. Приблизительное соотношение способностей ко второму языку и уровня владения им лежит в основе самих этих тестов, но получаемые на практике показатели уровня владения вторым языком оказываются недостаточно дифференцированными, чтобы их можно было использовать для описания интерференции. Поэтому необходимо разработать более специализированные приемы изучения этой проблемы.

Существует мнение, что слишком раннее двуязычие сказывается отрицательно на способностях индивида к изучению языков. Таерман, однако, установил, что трудности, испытываемые двуязычными детьми в усвоении лексики второго языка, не так велики, как это иногда предполагалось (Tigeman 560). Сперл, сравнивший данные об умственной деятельности 69 двуязычных первокурсников колледжа с соответственными данными контрольной группы, обнаружил, что двуязычные несколько превосходили одноязычных в способностях к усвоению английского языка (Spoerl 528)⁵. Туссэн, напротив, нашел, что успехи в диктанте носителей фламандско-французского двуязычия были значительно хуже, чем успехи одноязычных (Toussaint 563). Объяснить эти несоответствия можно только с помощью дополнительных исследований.

Известны также высказывания и в пользу двуязычия, исходящие из предположения, что двуязычному легче изучить третий язык⁶ не потому, что он похож на какой-либо

из двух уже известных, а просто ввиду наличия большего опыта в изучении языков. Этот момент тоже требует исследования.

3.2.2. Легкость переключения

Идеальный двуязычный переключается с одного языка на другой тогда, когда изменяется речевая ситуация (собеседники, тема и др.), но не прибегает к этому при постоянной ситуации в частности в пределах одного предложения. При включении в речь выражений из другого языка он может выделять их как «цитаты»: на письме — кавычками, а в устной речи — особыми модификациями голоса (небольшими паузами, изменением темпа и др.). Можно предполагать, что между индивидами, которые умеют управлять своим переключением, приближая его к идеальной модели, и теми, кто испытывает трудности в сохранении кода или в переключении, существуют значительные индивидуальные различия. Теоретически можно представить себе два типа отклонений от нормы: связанный со слишком жесткой приверженностью к данному языку и отличающийся недостаточной верностью ему в постоянной речевой ситуации⁷. Отклонения первого типа нашли гипотетическое объяснение в ряде неврологических исследований (см. с. 128). Противоположная тенденция (анормальная склонность к переключениям) отмечалась у тех лиц, которые с раннего детства были в контакте с одними и теми же лицами, общавшимися с ними на двух языках попеременно. К такому выводу пришла, например, М. Е. Смит на основе своих экспериментов с восемью детьми в 1935 г. (Smith 519). Французский фонетист Моррис Граммон на этом же основании рекомендовал Ронжа в процессе воспитания его двуязычного ребенка общаться с ним только по-французски, тогда как мать должна была говорить с ним исключительно на своем родном языке — немецком (Ropjat 448, 3). Даже Стерн высказал мнение, что «внедрение [Einbettung] языка в определенной и постоянной ситуации облегчает его изучение» в несмешанной форме (Stern 538). Ввиду того что изученных случаев такого типа было слишком мало, вывод Стерна представляется нам преждевременным. Проблема в целом едва ли может считаться исследованной. В будущем, используя специальные тесты, можно будет определить, существует ли только один тип отклонений в

поведении двуязычного или их два (или больше), а также возможна ли основывающаяся на этом критерии классификация двуязычных лиц.

3.3. ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ СТАТУС ЯЗЫКОВ

Анализируя формы лингвистической интерференции (гл. 2), мы избегали таких привычных терминов, как «родной язык», «первый» или «второй язык», так как с точки зрения структуры генетический вопрос, какая из двух контактирующих систем изучена данным индивидом раньше другой, не является релевантным. В каждом случае интерференции важно знать, какой язык является источником или моделью, а какой реципиентом или копией, а также может ли в конкретной ситуации данный язык быть одновременно и источником и реципиентом (как отмечалось в § 2.5.3. это возможно). В соответствии с этим мы пользовались терминами «язык-источник» и «язык-реципиент» во всех разделах, кроме раздела о фонетике, где предпочитались эквивалентные термины «первичный» и «вторичный» языки (§ 2.2).

В конкретной ситуации контакта преобладающий тип интерференции, ее направление и величина могут со временем изменяться. Поскольку сами языки при этом остаются теми же, то меняется лишь их статус по отношению к агентам контакта и интерференции, т. е. к двуязычным лицам. С этой точки зрения вполне правомерно поставить вопрос о том, как относится данный двуязычный к каждому из своих двух языков; ведь два двуязычных, обладающие одинаковыми способностями и легкостью переключения и знающие те же языки, могут различаться между собой тем, какой статус они приписывают каждому языку.

Предположим, что на основании психологических критериев мы определим, какой из двух языков двуязычного является «доминирующим» (*dominant*) (если вообще такое положение имеет место)⁸. Тогда выяснение, в какой мере (при прочих равных условиях) «доминирующий» язык индивида служит источником интерференции в его речи, становится задачей междисциплинарного психолингвистического характера. Прежде всего, однако, нужно решить один очень сложный вопрос. Дело в том, что критерии, по которым язык определяется как доминирующий, многочисленны: степень владения языком, порядок изучения, отношение говорящего

к данному языку — и учитывать необходимо их все. Поскольку эти критерии взаимно не исключают друг друга, то следует, по-видимому, каждый из них соотнести в отдельности с типическими формами интерференции, что само по себе уже составляет обширную исследовательскую программу. Только тогда формы (configurations) критериев доминирования можно было бы сравнить с речевым поведением двуязычных (см. § 3.3.8).

Некоторые из возможных критериев перечислены ниже.

3.3.1. Относительная степень владения языком

Относительную степень владения обоими языками двуязычного лица можно легко измерить (ср. с. 104, примечание 112, с. 124). Один из языков можно обозначить как доминирующий, поскольку двуязычный им владеет лучше. Однако для целей изучения интерференции тесты проверки владения (proficiency tests) должны удовлетворять некоторым специальным требованиям. Во-первых, этот тест должен проводиться при условии тщательного сопоставления результатов с реальной шкалой, которая объективно выведена из описания «нормальной» формы языка, а не навязывается ему. Во-вторых, степень владения следует измерять отдельно для каждого уровня — понимания, выражения и внутренней речи⁹ (проводимые обычно тесты этого рода охватывают их все сразу). В-третьих, относительную степень владения следует измерять на данный момент жизни двуязычного, так как с течением времени ее относительная значимость может изменяться¹⁰.

3.3.2. Способ использования

Наличие визуального подкрепления в пользовании языком (когда двуязычный владеет чтением и письмом на этом языке) может поставить этот язык в доминирующее положение в сравнении с языком, используемым только в устной форме. Общепринятое мнение о том, что наглядные пособия способствуют изучению языка, находит поддержку в двух случаях, описанных Минковским: выздоравливающие после афазии двуязычные швейцарцы восстанавливали умение говорить сначала на литературном немецком, затем на французском и лишь потом на родном швейцарско-немецком языке (Minkowski 364). Это объяснялось, главным образом,

гем, что литературными языками (немецким и французским) они пользовались в их письменной форме (ср. также Goldstein 178, 144—146).

3.3.3. Порядок изучения и возраст обучающегося

Быть изученным первым — настолько большое преимущество, что язык, который усваивается первым, т. е. «родной язык», уже по самому определению обычно считается доминирующим. На начальной стадии двуязычия родной язык действительно обладает высшей степенью владения, но позже, при определенных обстоятельствах, многие двуязычные приобретают во втором языке степень владения более высокую, чем в родном. Например, многие иммигранты США пользуются английским языком более свободно, чем родным. С другой стороны, те эмоциональные коннотации, которые у говорящего связаны с родным языком (§ 3.3.5), редко переносятся на другой язык в полной мере. Случаи афазии, при которых владение родным языком восстанавливалось первым, объяснялись именно более эмоциональным отношением к нему данного носителя ¹¹.

Эффективность обучения детей второму языку в том или ином возрасте никогда не подвергалась достаточной проверке. То, что, с одной стороны, обучение иностранным языкам сосредоточено в старших классах средней школы и в колледже, и тот факт, что в двуязычных областях второй язык обычно не преподается в начальных классах (Cebolero 109, 72) ¹², отражают общепринятое мнение, что оптимальным для обучения языкам является возраст в 10—11 лет ¹³. Было бы, без сомнения, полезно провести эксперимент с участием квалифицированных лингвистов, чтобы проверить результаты более раннего и более позднего обучения ¹⁴.

Некоторые дети усваивают два языка одновременно, и можно сказать, что у них два родных языка. Здесь приходится сталкиваться со многими проблемами особого характера (см. Leopold 309). Возникает, например, вопрос, в каком возрасте дети начинают осознавать, что они изучают два языка. Один автор утверждает, что до трех лет дети не замечают своего двуязычия. Другой зафиксировал, что ребенок начал впервые осознавать двуязычие в полтора года, а полностью осознал его в возрасте трех лет (Ronjat 448, 81). В третьем случае сообщают, что ребенок знал на-

звания своих двух языков после двух лет (Leopold 308, IV, 14). Вопрос о том, имеет ли какое-либо значение раннее или позднее осознание собственного двуязычия для последующего отношения данного индивида к интерференции, нуждается еще в исследовании.

3.3.4. Коммуникативная значимость

Большая полезность данного языка, т. е. степень его практического использования, представляет собой фактор, легко поддающийся количественной оценке и играющий важную роль в установлении доминантного статуса одного из языков. Во многих случаях афазии первым восстанавливался тот язык, которым данный индивид пользовался наиболее активно в период непосредственно перед травмой (Pîtres 407; в Kainz 263, II, 300 и сл. см. описание более недавних случаев и дополнительную литературу). Гоффман разработал общие схемы, показывающие степень использования каждого языка у двуязычного (Hoffman 234) ¹⁵. Можно также провести опрос самих двуязычных, чтобы определить их собственное мнение о полезности для них каждого из языков. Например, тесты, проведенные в английской школе, размещенной в двуязычной области Уэльса, показали, что 91 % учащихся признают полезность изучения и знания валлийского языка (Jones 260). Анкетный опрос, проведенный нами в Швейцарии, группы учащихся, родным языком которых был ретороманский, убедительно доказывал, что для них полезен также немецкий. Полезность языка не только представляет собой главнейший стимул для его изучения (т. е. причину языкового контакта). Именно вследствие этого большая степень использования одного языка делает его источником интерференции.

3.3.5. Эмоциональный фактор

У многих (если не у большинства) говорящих развивается подсознательная эмоциональная привязанность к тому языку, посредством которого они усваивали основы своего семиотического поведения. Поскольку нерасчлененные «тотальные ситуации» ¹⁶, в которых усваивается это поведение, более часты в детстве, наиболее сильной привязанностью пользуется язык детства, т. е. родной язык ¹⁷. Упомянутые тотальные ситуации составляют базу овладения

языком, который впоследствии расценивается данным говорящим как более богатый, изысканный и выразительный, чем другие. Однако впоследствии дальнейшие эмоциональные наслоения (например, любовь¹⁸, дружба (Minkowski 364; Goldstein 178, 145), патриотические чувства к новой стране обитания¹⁹ и др.) способны создавать более сильные противоположные привязанности. Двухязычные больные афазией иногда восстанавливают раньше неродной язык именно вследствие более сильной эмоциональной привязанности, сложившейся на более поздних этапах (Minkowski 364; 366; Rötzel 412, 413; Kainz 263, II, 302 и сл.). Таким образом, на основании одних эмоциональных привязанностей не каждый двухязычный может легко определить, какой из его языков является доминирующим.

3.3.6. Функция продвижения в обществе

При определенных общественных условиях овладение определенным языком приобретает для индивида большое значение не только из-за необходимости иметь новое средство общения, но и потому, что этот язык является средством, способствующим продвижению в обществе.

Например, в Швейцарии французский язык охотно изучался на территории местного диалекта как ценное средство в приобретении более высокого социального положения. Иногда условия для продвижения в обществе могут даже требовать явного игнорирования другого языка, который для данного лица может быть родным²⁰. Со значимостью какого-либо языка в смысле успехов в обществе связано весьма важное условие — хорошее владение этим языком. В подобной ситуации для говорящего даже может быть выгодно скрывать, что этот язык для него не родной, а усвоенный позже. Поэтому стремление всячески преодолеть явления интерференции при таких обстоятельствах выражено особенно сильно. Боссард, например, установил, что в качестве одного из «средств самозащиты» двухязычные нередко используют «педантичный английский язык» (Bossard 80). Можно рассчитывать, что доминирование определенного языка, обусловленное этими причинами, будет подавлять все виды интерференции, но эту обусловленность нужно показать на конкретных фактах в процессе будущих исследований.

Ценность языка с точки зрения продвижения в обществе можно назвать его престижем²¹. Он в значительно большей мере определяется социальными факторами, чем все другие языковые свойства.

3.3.7. Литературное и культурное значение

Следующий признак, по которому данный язык определяется как доминирующий,— это такое положение, при котором двуязычный высоко оценивает в интеллектуальном и эстетическом смысле культуру, созданную на этом языке. Во многих странах в системе высшего образования видное место занимает изучение великих языков цивилизации и понятие «культура» практически является синонимом понятия «двуязычие» (ср. Meillet, Sauvageot 351, 8 и сл.). Так, двуязычные немецкие швейцарцы слабее владеют литературным немецким языком, чем швейцарско-немецким, он пользуется у них меньшей эмоциональной привязанностью и представляет меньшую полезность, но так как они высоко оценивают его литературное и культурное значение, этот язык, безусловно, является для них доминирующим.

3.3.8. Конфигурация доминирования

Предыдущее обсуждение выявило большое количество факторов (к ним можно было бы еще добавить ряд других), на основании которых один из двух языков может определяться как «доминирующий». Эти факторы, по-видимому, являются несоизмеримыми²². Доминирование языка в общении двуязычного можно представлять себе как специфическую конфигурацию или совокупность характеристик, по которым оценивается данный язык. Обозначая положительную оценку знаком +, мы можем показать типические конфигурации доминирования при двуязычии на следующей таблице, приведенной на с. 137.

Нечего и говорить, что возможны и многие другие варианты конфигураций.

Казалось бы, что логически сначала следовало бы соотнести каждый из факторов конфигурации доминирования и типичные формы интерференции, наблюдаемые в речи двуязычных в каждом из их языков, при условии, что все другие обстоятельства сохраняются неизменными. Следовало бы, например, определить, правильно ли положение, что

Типические конфигурации доминирования	Взрослый иммигрант США, полуграмотный	Взрослый иммигрант США, культурный	Дети иммигрантов США	Немецкие швейцарцы	Франкоязычные швейцарцы					
	Язык									
	родной	английский	родной	английский	родной	английский	швейцарско-немецкий	литературный немецкий	местное наречие	литературный французский
Относительная степень владения	+		+			+	+		+	
Способ пользования (визуальный)		+	+	+		+		+		+
Изучение первым	+		+		+		+		+	
Эмоциональная привязанность	+		+		+	+	+		+	+
Полезность в общении		+		+		+	+			+
Функции в продвижении в обществе		+		+		+				+
Литературно-культурная ценность		+	+	+		+		+		+

если один из языков пользуется большей эмоциональной привязанностью, то из него будут переноситься грамматические категории аффективного характера в другой язык. Нужно также выяснить, верно ли, что если изучен сначала один язык, то некоторые из частей его системы будут непроницаемыми для всех последующих процессов интерференции; что раннее одноязычие является необходимым условием того, чтобы одна из двух фонемных систем стала первичной (как было определено в § 2.2.1) ²³ и т. д. Но для соотнесения каждого из факторов в отдельности потребовалось бы изучить языковую биографию и жизненный путь такого количества индивидов, что это оказалось бы практически неосуществимым. Невозможно было бы даже найти достаточное количество различных индивидов, участвующих в единой ситуации контакта, чтобы вычленил все эти факторы. Поэтому на практике против соотнесения типов интерференции с определенными группами факторов доминирования или даже конфигурациями доминирования в целом может не быть возражений, если при этом постоянно учитывается сложность этих конфигураций и совместно рассмат-

риваются только те индивиды, конфигурации которых сходны ²⁴.

Когда связь между типами интерференции и определенными конфигурациями будет успешно установлена, появится возможность объяснить многие языковые изменения, казавшиеся случайными или даже парадоксальными. Достаточно широкое изучение двуязычия не только прольет свет на психологические факторы интерференции, но и поможет понять, как воздействуют на двуязычного социокультурные детерминанты. Кроме того, оно может прояснить целый ряд вопросов, относящихся к основам психологии пользования языком вообще.

3.4. РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ И ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

В речи одного и того же двуязычного лица интерференция может проявляться в различном объеме в зависимости от обстоятельств ситуации общения. Здесь мы обсудим три таких обстоятельства.

3.4.1. Двуязычие собеседников

В разговоре с одноязычным двуязычный индивид часто стремится ограничить масштабы интерференции, избегая использования даже тех заимствований, которые давно стали привычными (см. с. 100, примечание 107, с. 124). При этом он испытывает так называемую «скованность партнером» (*Partnerzwang*; ср. Браун 86); вызываемую необходимостью быть понятым своим собеседником. В тех специфических ситуациях, когда малейший признак владения другим языком уже рассматривается как социальное клеймо, говорящий, разумеется, связан еще больше, чем тогда, когда он стремится только к понятности (ср. § 3.3.5). Но если его собеседник тоже двуязычен, требования к понятности и притязания на определенный статус резко ослабляются. В подобных условиях для интерференции вряд ли существуют какие-либо пределы (ср. § 2.5.3), единицы одного языка могут свободно переноситься в другой и использоваться там в неадаптируемом виде. Не удивительно, например, что иммигрантские языки США, используемые чаще всего двуязычными лицами в общении с такими же двуязычными, столь сильно подвержены интерференции.

3.4.2. Отход от специализации в использовании языка

Многие двуязычные имеют обыкновение обсуждать определенные темы только на определенном языке, а также пользоваться только одним из своих языков в определенных конкретных случаях. Если индивиду приходится при этом внезапно перейти на другой язык, открываются пути для интерференции (ср. Epstein 147, 58—61, Lagarde-Quost 297, 2nd Part, 17). Ребенок, усваивающий оба языка в семье и в играх, может рассуждать на повседневные темы на обоих своих языках, но на «ученые» темы, которые он изучает в одноязычной школе, ему будет трудно говорить на другом языке. Если он все же попытается это сделать, то будет проявлять склонность к смешению языков. Эта проблема постоянно возникает, например, в Швейцарии, где немецкие швейцарцы пользуются и швейцарско-немецким и литературным немецким языком. В бытовом диалогическом общении, в отличие от официальной монологической речи (публичные выступления, лекции, проповеди и т. д.), применяется швейцарско-немецкий язык ²⁵. На этом же языке обсуждаются повседневные дела, но не технические вопросы. Временами, однако, тема вступает в конфликт с ситуацией. Когда техники разговаривают между собой неофициально о механизмах, для которых в швейцарско-немецком нет соответствующей терминологии, или когда официальная речь (требующая использования литературного немецкого языка) касается бытовых вопросов, о которых легче говорить на швейцарско-немецком, взаимодействие языков очень заметно (ср. Rakovič 421).

Иногда некоторые двуязычные привыкают пользоваться в общении с данным лицом только одним определенным языком и перейти в разговоре с ним на другой язык им очень трудно. Это тоже влечет за собой нарушение специализации в использовании контактирующих языков, в связи с чем интерференция может усиливаться.

Многие авторы предполагают, что двуязычие определенных индивидов можно характеризовать с точки зрения наличия специализации в пользовании языками. Выше уже упоминалось о различиях между «органическим» и «неорганическим» двуязычием (с. 114) ²⁶. Разграничивают упорядоченное (*geordnet*) двуязычие, при котором каждому языку отводится свой круг лиц, и неупорядоченное (*ungeordnet*),

при котором специализация стирается. Последнее, в свою очередь, может перейти в противопоставленное (*contrary*, нем. *entgegengesetzt*) двуязычие, когда области пользования не разделяются (ср. с.67, примечание 50). Мишель различает два вида двуязычия: *in sensu distincto* и *in sensu composito* (Michel 358). Баркер говорит о «систематическом моделировании» в пользовании языком некоторыми двуязычными (Barker 39, 201); противоположным состоянием было бы «немоделированное» использование.

Эти обобщения могут принести пользу при соотнесении «неорганического», «неупорядоченного» и «немоделированного» двуязычия с большим или меньшим наличием интерференции или с ее разными типами. В целом, однако, эта проблема остается нерешенной.

3.4.3. Эмоциональное напряжение

Зависимость величины интерференции или ее типа от различий в степени эмоционального напряжения, с которым действует говорящий, является довольно сложной психологической проблемой. Здесь мы ограничимся только ее упоминанием. О том, что такая зависимость существует, свидетельствует относительно частое перенесение так называемых «аффективных» грамматических категорий и слов (ср. с.66). Хотя более или менее удовлетворительных таблиц частотности еще не существует, знаменательно, что во многих опубликованных списках заимствований, после того как перенесение всевозможных единиц объяснено структурными факторами, культурными инновациями и т. п., остается обычно еще группа слов, называемая «аффективными заимствованиями»²⁷. Этот вопрос тоже очень важен, и его можно было бы исследовать на междисциплинарной основе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краткий обзор критики этой теории см. Braunshausen 87, 35 и сл.

² Эспер (Esper 149) и Вульфл (Wolflé 636) не определяют, насколько их эксперименты с ассоциативной интерференцией в пределах единой искусственной структуры могут быть применимы для изучения языковых контактов.

³ Об этой проблеме, рассматриваемой с точки зрения теории связи, см. Faпо 153, 696.

⁴ Несмотря на эти последние данные, Голдстейн высказал сомнение в возможности локализации функции переключения (Goldstein 178, 140 и сл.).

⁵ Носители романских языков, конечно, имеют особые преимущества в изучении английского, ввиду того что в нем играет большую роль романская лексика.

⁶ Гали предложил соответствующую программу экспериментальных исследований (Gali 165).

⁷ Россетти описывает, например, случай с женщиной, «которая изучила в детстве в своей трансильванской деревне и румынский и венгерский языки, но не умела перевести даже одного предложения с одного языка на другой. В ее представлении эти два языка представляли собой системы, разделенные непроницаемой стеной» (Rossetti 451, 76 и сл.). Христоферсен тоже говорит о «двуязычных, которые не всегда умеют хорошо переводить» (Christophersen 112, 6). Эти случаи представляют собой контраст с двуязычными лужицкими сербами, которые, по описанию Щербы, как будто имели единый язык с двумя «способами выражения» — немецким и лужицким. (О слиянии систем как проблеме теории языка см. § 2.1.2). Граур предполагает, что существует связь между легкостью переключения и изменениями в уровне владения языком. По мере того как из-за отсутствия практики уменьшалась его беглость во французском языке, уменьшалась и легкость переключения с одного языка на другой. Всякий раз, как ему приходилось вставить хоть одно французское слово в высказывание на румынском, он испытывал тяготение продолжать и дальше говорить по-французски (Graur 182). Об индивидуальных различиях в изучении языка и переключении см. также Weightman 598, 41—45.

⁸ Термин «доминирующий» обозначает то, что часто сваливалось без разбора в одну кучу и обозначалось термином «родной язык» — понятие, которое справедливо критиковал Христоферсен (Christophersen 112, 41—45). Все критерии доминирования можно, конечно, определить из социокультурных условий. Например, те из них, которые упомянуты ниже в § 3.3.6, почти всегда таковы. Определение доминирования из социокультурной обстановки рассматривается в гл. 4.

⁹ Например, многие двуязычные, которые одинаково хорошо говорят на обоих языках, могут, тем не менее, производить арифметические действия (во «внутренней речи») на одном языке лучше, чем на другом. Особенно это касается таблицы умножения, которая заучивается как словесный текст на одном языке; см. Epstein 147, 52 и сл.; Lagarde-Quost 297, 2nd part, 14. Ср. также три «степени» двуязычия у Мишеля (Michel 358).

¹⁰ Четкое описание двуязычных с изменяющейся относительной степенью владения обоими языками см. Christophersen 112, 8. Для изучения степени владения можно иногда с успехом применять тесты того типа, который был использован Саэр (см. с. 35).

¹¹ В настоящее время такое объяснение кажется более предпочтительным, чем так называемое правило Рибо, согласно которому тот материал, который был усвоен раньше, утрачивается не так сильно. Во многих случаях родной язык восстанавливается вторым, что объясняется, среди прочего, большей автоматизацией речи на родном языке; ср. Goldstein 178, 138 и сл., особенно 144; Kainz 263, 11, 301.

¹² Интересно, что при особенно сильном желании или давлении в отношении обучения второму языку возраст начала обучения снижается. Например, в Швейцарии во многих ретороманских школах добровольно отступают от кантонального учебного плана и начинают обучать немецкому языку с первого класса... Харди сообщает о плачевных результатах слишком раннего или исключительного пользования вторым языком

в школах колониальных стран (Hardy 201). Ср. также Приложение с. 197 и сл.

¹³ Как говорит Суодеш, мы рассматриваем как «эмпирический факт то наблюдение, что чем более взрослым является индивид к началу языкового контакта, тем менее вероятно, что он полностью овладеет новым языком» (Swadesh 543, 60). Симондс показал, что посещение гавайскими детьми китайской начальной школы не повлияло на их владение вторым языком (английским) (Symonds 547).

¹⁴ Арсенян настаивал на проведении таких исследований в 1937 г. (Arsenian 27, 143). Большое число ретороманских детей Швейцарии (кантон Грисон), по нашим наблюдениям, усваивало немецкий язык в очень раннем возрасте (4—5 лет). Если окажется возможным доказать, что раннее усвоение второго языка приводит к интерференции в первом, то этот факт явится важным предвестием будущих изменений в ретороманских диалектах тех областей, где немецкий язык усваивается в самом раннем возрасте.

¹⁵ Арсенян использовал схему Гоффмана в дополненном или видоизмененном варианте (Arsenian 27; см. также Fishman 157, 158). Ее нужно, конечно, приспособлять к каждой конкретной ситуации контакта. Как показал Лерер, схема Гоффмана неприменима в других странах, где роль общего языка не столь однородна, как роль английского в Соединенных Штатах (Lehrer 304, 320).

¹⁶ Термин заимствован у Сегерстедта для обозначения ситуации, в которой значение форм устанавливается прямой ассоциацией между означающим и референтом, без посредства других знаков (Segerstedt 498).

¹⁷ Рекатас показал на материале полевых исследований, проведенных в Македонии, как престиж родного языка превозмогает все соображения против его использования (Récatas 428). С другой стороны, Вейтман удачно характеризует тип «неустановившегося» двуязычного, который не испытывает стойких привязанностей к одному языку (Weightman 598, 41—45).

¹⁸ Ср. случай, описанный в Minkowski 366.

¹⁹ См. описание изменений в отношении к языку среди детей иммигрантов в Палестине (Schneerson 489).

²⁰ Баркер рассказывает о двуязычных в Таксоне (штат Аризона), которые, чтобы улучшить свои отношения с «Anglos» (одноязычными лицами на английском), могут даже отрицать, что знают испанский язык (Barker 39, 196). Пример из области афазии см. в Pîtres 407, 877 и сл. Напротив, интересный пример того, как иностранный акцент приобретает в американской среде социальные преимущества, описан Боссардом (Bossard 80, 704 и сл.).

²¹ Термин «престиж» часто используется также для обозначения полезности языка как средства общения, его литературно-культурной значимости (см. § 3.3.7), возможно, даже его эмоционального значения или общей конфигурации доминирования (см. 3.3.8). Однако лучше было бы ограничить употребление этого термина, используя его в качестве технического термина для обозначения значимости языка в процессе социального продвижения, или вовсе обходиться без него как крайне неточного.

²² Проблема многосторонней оценки престижа, конечно, не ограничивается языковыми контактами. Она часто возникает в социальной психологии, где ценность предмета, позволяющая занять ему определенное место в иерархической системе, столь часто зависит от нескольких взаимно не сводимых факторов.

²³ Как указывают Фриз и Пайк, «теоретически под влиянием второго языка двуязычных в родном языке может происходить фонологическое расщепление вариантов фонем» (Fries, Pike 163, 40), т. е. язык, изученный первым, может стать в фонологическом смысле вторым. При каких точно условиях это может происходить, авторы умалчивают.

²⁴ Параллель находим в социальной психологии, где Осгуд и Стэгнер изучали престиж различных занятий. Они вывели оценку престижа пятнадцати занятий по десяти различным признакам и установили, что каждое суждение об определенном занятии представляло собой несводимую конфигурацию (Osgood and Stagner 390). Тем не менее во втором тесте испытуемые смогли разместить те же занятия по их «общему» престижу в виде единой непрерывной шкалы. Эти абстрактные суждения тоже имеют некоторое значение, так как представляемые ими отношения к занятию стремятся к поляризации, особенно тогда, указывает Осгуд, когда определенный эмоциональный подход переводит их в плоскость «все или ничего» (Osgood 389). Вероятно, можно было бы таким же образом пренебречь и некоторыми чертами, составляющими конфигурацию доминирования языка, и получить абстрактное суждение о «полной» доминантности. Однако полезность полученных таким путем общих характеристик языка для изучения интерференции еще нуждается в доказательствах.

²⁵ Об основных отличиях диалогической и монологической речи см. Якубинский 20. О деталях швейцарской проблемы см. Weinreich 610, 122—131.

²⁶ Вайс критикует эту двойную типологию, считая ее крайним упрощением действительной картины (Weiss 615).

²⁷ Среди многих возможных примеров можно упомянуть анализ польско-румынских заимствований, выполненный Лукасиком (Łukasik 328), и исследование Шелудько заимствований из румынского языка в украинском (Scheludko 478). В обеих этих работах, кроме «культурных» заимствований из области горного животноводства, содержатся фактически одни «аффективные» слова.

4. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

4.1. РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОКРУЖЕНИЯ

В некоторых случаях двуязычие индивидов представляет собой социально изолированное явление. Одиноким миссионер среди африканского племени или случайный иммигрант-баск в каком-нибудь американском городе — это практически единичные точки языкового контакта. Все их навыки в пользовании языками, представляющими интерес для исследователя интерференции, следует в каждом случае описывать отдельно. Но когда два языка вступают в контакт в определенной группе лиц, то индивидуальные особенности речевого поведения проявляют тенденцию к взаимной нейтрализации, причем в этих процессах приобретают большое значение речевые навыки, характерные для всей данной группы. В этой главе описываются образцы пользования языком больших групп говорящих, без всяких намерений при этом отстаивать бесполезную дихотомию индивида и группы.

Вполне очевидно, что факторы, обеспечивающие определенному языку доминирующий статус, а именно его полезность для индивида, пригодность в качестве средства продвижения в обществе и его литературно-культурная значимость, — обусловлены окружением индивида. Поэтому в недифференцированном окружении относительный статус языков будет для большинства двуязычных, по-видимому, одним и тем же. Общество зачастую определяет даже порядок, в котором изучаются данные языки, возраст, в котором их начинают изучать, степень пользования письменной речью, относительный уровень общего владения каждым конкретным языком и эмоциональность отношения к нему говорящих. Окружение, кроме того, может создавать такие условия, при которых речевые ситуации одного типа будут превалировать над другими. Например, иммигранты в Америке в связи со специфическими жизненными обстоятель-

ствам имеют возможность частого общения с двуязычными лицами, что не может не вызывать явлений интерференции в их собственном языке (ср. § 3.4.1). Можно пойти дальше, утверждая, что предрасположение индивида к принятию или сопротивлению интерференции тоже определяется средой, даже если чрезмерная склонность к «переключению» и составляет его индивидуальную черту. «Культура как предпочтение определенных способов поведения другим способам включает в себя также предпочтение определенных видов личности: человека, к которому в одной группе могут относиться вполне благоприятно, в другой могут осуждать» (Morris 374, 209) ¹. Переключения с языка на язык и языковое смешение общество может так же порицать, как и любую иную нежелательную черту ².

При детальном рассмотрении ситуации языкового контакта взаимная зависимость социально-культурных условий и явлений языка вполне очевидна. Можно привести как пример ретороманско-немецкое двуязычие в Швейцарии ³. Ретороманское языковое сообщество здесь быстро приближается к состоянию двуязычия. Современная территория ретороманского языка является остатком некогда значительно более обширного романского массива, который на протяжении более тысячи лет подвергался беспрестанной германизации с двух сторон. Сейчас почти все проживающие здесь нуждаются в практическом знании немецкого языка. Расширяется также знакомство с местным швейцарско-немецким в дополнение к изучаемому по традиции литературному немецкому языку. В одной местности ретороманской территории, называемой Сутсельва (центральный Грисон), расположенной в долинах Домлешг и Шам (по-реторомански Тумлеастга и Шонс), контакт ретороманцев с немецким языком отличается особой интенсивностью. Даже в семейном общении, ввиду распространения смешанных браков и прогрессирующей смены языков, функции немецкого и ретороманского языков часто переплетаются. Дети, у которых родным является ретороманский язык, становятся по этой причине двуязычными в очень раннем возрасте. Если верно, что дети изучают языки с большей легкостью, чем взрослые, и пользуются ими более правильно (ср. § 3.3.3), то следует ожидать, что речь ретороманцев будет намного чище, чем, например, речь какой-либо группы иммигрантов, члены которой прибывают в новую страну уже взрослыми и усваивают здесь новый язык быстро, но плохо.

В обсуждаемой контактной ситуации не существует четких границ языковых территорий, и сами эти территории не исключают взаимно одна другую. Ретороманцы, в частности, осознают, что у них не существует надежного одноязычного тыла и нет городов, которые были бы центрами ретороманской культуры.

В результате повседневного переплетения функций обоих языков многие дети усваивают оба языка от одних и тех же лиц — своих родителей. Существует мнение, что уже сам этот факт не дает им возможности изучить второй язык удовлетворительно (ср. § 3.2.2). Достоверно известно, что если детей учат обоим языкам родители, то их собственные ошибки передаются следующему поколению. Этим данная ситуация заметно отличается, например, от французско-немецкого контакта в западной части Швейцарии, где двуязычие не менее распространено, но дети обычно учатся каждому из языков у иных лиц, которые сами если и не одноязычны, то, во всяком случае, для них данный язык является родным.

Переплетение функций языков ретороманской Сутсельвы приводит к тому, что одни и те же собеседники пользуются обоими языками. Благодаря этому, а также вследствие усвоения обоих языков в столь раннем возрасте, различие между родным и вторым языками, по существу, стирается.

Разумно предположить, что общий уровень языковой культуры (Sprachkultur) двуязычного сообщества, будучи независимым от степени распространения двуязычия, определяет, какого типа говорящие будут преобладать среди населения. Поскольку Сутсельву населяют в основном сельские жители, характерными чертами этого сообщества являются нечеткость социальной иерархии и низкий уровень образования. Поэтому здесь относительно частый тип говорящих — это двуязычный индивид, смешивающий без разбора оба языка.

Население Сутсельвы находится в процессе смены языка — его ретороманский язык заменяется немецким. Этот факт первостепенной важности подтверждается не только материалами переписей, проводимых каждые десять лет, но и синхронным анализом данных о владении каждым из языков представителями различных возрастных групп. Процесс смены языка связан с тем, что у большинства двуязычных родной язык ретороманский, в то время как лица с родным языком немецким, по крайней мере в Сутсельве, не изменяют «духу времени» и очень редко изучают ретороманский.

Таким образом, в составе населения существует одноязычное ядро немецкого языка и почти нет одноязычных с ретороманским языком. Само по себе такое положение имеет по-видимому, двойственное значение. С одной стороны, одноязычные носители немецкого языка составляют ядро сопротивления интерференции в этом языке. С другой стороны, для многих говорящих вторым языком скорее является немецкий, а не ретороманский, поскольку же самым естественным считается языковое воздействие, направленное от родного языка на второй, то в потенции можно было бы ожидать, что самое сильное влияние окажет ретороманский язык на немецкий.

Этому, однако, препятствует то, что социальный контроль над языковым смешением осуществляется не в одинаковой степени в каждом из этих языков. В то время как в ретороманской речи терпимость к немецким элементам практически не имеет пределов, противоположное влияние — ретороманского языка на немецкую речь — обычно ограничивается. Знание немецкого языка расценивается как признак культурности и может способствовать продвижению человека в обществе (процесс урбанизации); таким образом, хорошее владение этим языком неплохо вознаграждается. Двужычный, говоря по-немецки, вынужден избегать ретороманских заимствований не только из-за опасения, что одноязычный собеседник с немецким языком его не поймет, но и потому, что языковые погрешности могут в самый неподходящий момент выдать его ретороманское происхождение или будут восприняты как свидетельство его недостаточной культурности. В ретороманской речи, напротив, подобных социокультурных факторов регулирования не существует. Чистоте ретороманской речи вообще не придается значения. К тому же слушатель-ретороманец, как правило, двужычен и легко поймет заимствованную в ретороманскую речь немецкую форму. Использование немецких форм или копирование немецких моделей ничем не вредит статусу ретороманского языка. Итак, несмотря на то что в потенции самое сильное влияние должно было бы проявляться в немецкой речи, на самом деле благодаря воздействию социального контроля самый большой объем интерференции наблюдается в ретороманской речи.:

Лишь в последние десятилетия, когда оживилось движение за сохранение ретороманского языка, появилось сознательное противодействие закреплению результатов интер-

ференции немецкого языка, раньше такого сопротивления фактически не было. Сообщество ретороманцев Сутсельвы как лингвистически, так и географически является в определенной степени изолированным от носителей других ретороманских диалектов, силы же сцепления внутри самого общества слишком слабы. Кроме того, не существует одноязычного тылового массива, который поддерживал бы это сообщество или требовал от него употребления «правильного» языка, избавленного от внешних влияний. Если иногда и раздаются отдельные голоса за чистоту языка, то они не находят официальной поддержки в виде каких-либо ощутимых санкций социального или культурного характера. На протяжении более ста лет в большинстве школ этой местности либо уделялось мало внимания изучению ретороманского языка, либо он совсем не преподавался. Сокращается применение этого языка в столь престижной для данной местности функции, как произнесение церковных проповедей, особенно (по различным сложным причинам) в протестантской церкви. Ввиду всего этого явления интерференции в речи имеют прочную перспективу превратиться в постоянные элементы ретороманского языка Сутсельвы, при условии, что этим диалектом будут и дальше пользоваться, а Ретороманской Лиге удастся добиться создания школ с ретороманским языком преподавания.

Совсем иначе, конечно, обстоит дело с немецким языком. И здесь существует тенденция к закреплению заимствованных элементов, так как немецкому языку обучают своих детей двуязычные родители-ретороманцы. Но она коррелируется расширением контактов с одноязычными носителями немецкого языка — не-ретороманцами. Естественно, что в разговорном немецком языке, т. е. в диалекте швейцарско-немецкого г. Кура, не существует каких-либо нормирующих тенденций и возможности для новых заимствований из ретороманского здесь открыты. Но одноязычный массив носителей этого диалекта, поддерживаемый городским центром Кур, представляет собой важный фактор противодействия этим влияниям.

Описанная социально-культурная обстановка языкового контакта и ее языковые последствия в корне отличаются от тех, которые наблюдаются в ситуации француско-немецкого контакта в западной части Швейцарии. Французский язык здесь пользуется широким признанием как язык стандартизованный, нормы которого ревностно охраняются шко-

лой. Поэтому если закрепление интерференции и имеет место, то лишь в швейцарско-немецком со стороны французского.

Вероятность появления ошибок и терпимость к интерференции в речи носителей ретороманского языка как родного, которые наблюдаются в данной местности, можно показать в следующей таблице:

	<i>В ретороманской речи</i>	<i>В швейцарско-немецкой речи</i>
Вероятность ошибок	небольшая	значительная
Терпимость к случайным явлениям интерференции в речи . . .	↓ ↓	↓ ↓ ↓
Возможности закрепления результатов языкового влияния . . .	беспредельная	↑ ↑
	↓ ↓	небольшая
	беспредельные	↓
		небольшие

В ретороманском языке можно ожидать самой полной свободы для интеграции совершающихся заимствований. В швейцарско-немецком существует противодействие между склонностью к заимствованиям и регулирующим их контролем.

Даже из столь поверхностного анализа должно быть ясно, что социокультурные факторы, которые могут определять особенности личности, предпочитаемые языковые навыки и типические речевые ситуации, являются существенными и в процессах регулирования интерференции. Как наилучшим образом сгруппировать и изучить эти факторы — важная исследовательская проблема социолингвистики. Много полезных соображений по этому поводу можно найти в программных работах таких немецких ученых, как Кун (Kuhn 295) или Притцвальд (Pritzwald 419). Предложенный нами подход носит гипотетический характер и имел целью прежде всего подчеркнуть разнообразие подлежащих рассмотрению факторов. Сначала обсуждаются функции языков в двуязычных группах (§ 4.2); затем другие групповые деления, существующие параллельно с делением общества по языковому признаку; возникновение и действие языковой лояльности (§ 4.4); и, наконец, рассматриваются некоторые проблемы формирования новых языков в контактных ситуациях со сменой языка (§§ 4.6, 4.7).

Однако необходимо сделать одну важную оговорку. Конечною целью изучения интерференции является предска-

ние ее типичных форм на основе социолингвистического описания двуязычного сообщества и структурного описания используемых им языков. К сожалению, невозможно достичь этой цели, пока не будет установлено недостающее звено — корреляции характеристик отдельных двуязычных лиц и интерференции в их речи. В идеальном случае будущего рассуждение может происходить следующим образом. Нам сообщают, что в определенной контактной ситуации между представителями контактирующих групп заключается много смешанных браков. Из этого мы делаем вывод, что большое количество детей растет в двуязычных семьях, изучая оба языка одновременно. Следовательно (и это как раз и есть то звено, которое покамест является лишь предположением), эти дети должны испытывать трудности, скажем, в грамматике обоих языков. Отсюда можно было бы постулировать наличие прямой связи между смешанными браками и склонностью к грамматической интерференции (при прочих одинаковых обстоятельствах). Чтобы восполнить недостающее в этом рассуждении звено, нужно исследовать психологические факторы интерференции, описанные в гл. 3. Но можно также предвидеть, что некоторые аспекты социокультурного окружения языкового контакта будут в конечном итоге определены как экстралингвистические факторы стимулирования сопротивления интерференции.

4.2. ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВ В ДВУЯЗЫЧНЫХ ГРУППАХ

4.2.1. Классификация и оценка функций

Функции языков в двуязычном сообществе можно анализировать и классифицировать несколькими способами. Так, Шмидт-Рор различает девять «областей использования языка», а именно: семья, место для детских игр, школа (с ее подразделениями), церковь, литература, печать, армия, суд, управление (Schmidt-Rohr 484, 183). Эта схема может быть полезной для некоторых ситуаций, но такая область, как «семья», в ней недостаточно дифференцирована. Как замечает один из критиков, «родители часто бывают разного происхождения и настаивают, чтобы дети с самого начала говорили на родном языке и отца и матери. Иногда родители поручают детей в очень раннем возрасте гувернантке или воспитателю, владеющими разными языками, с тем чтобы таким образом научить детей нескольким языкам одновре-

менно или по очереди. Наконец, семьи, переселившиеся в чужую страну, часто говорят дома на родном языке, в то же время дети в своих отношениях с прислугой и местным населением пользуются языком новой страны» (Braunshausen 88). Мак составил более подробную схему функций языков (Мак 334), а Баркер, наоборот, просто поделил социальные функции языка на семейные (или личные), неофициальные, официальные, внутригрупповые (Barker 39, 195). И эта схема представляется нам недостаточно разработанной для анализа целого ряда двуязычных сообществ. Таким образом, общего обзора языковых функций в двуязычных сообществах мира все еще не существует.

С точки зрения изучения интерференции как специальной проблемы, можно было бы с достаточным основанием сгруппировать различные функции языков по степени их охранительного воздействия на речевое поведение говорящих. В некоторых функциях использование языка явно более, чем в других, подвержено корректирующим силам, которые противодействуют закреплению в языке явлений интерференции. В повседневной речи, где говорящие руководятся исключительно стремлением к взаимопониманию, тщательности дикции не уделяется внимания; вот здесь и может назревать интерференция. На других уровнях, однако, могут одновременно действовать и консервативные, «стандартизирующие» силы. Школа, например, в большинстве цивилизованных обществ ограничивает свободу речевого поведения учащихся и действует на «свободное» развитие языка как тормоз. В одноязычной ситуации она помогает сохранять консервативный стандартизованный язык, а в двуязычной, кроме того, охраняет языковую норму от бесконтрольных иноязычных заимствований. Поэтому для понимания и прогнозирования языковых влияний то обстоятельство, что один из языков используется в системе просвещения (если таковая существует), имеет большое значение. Действия школы как консервативного агента в процессе языкового развития не носят случайного характера; они являются частью широкой культурной программы, для которой характерна специфическая установка на чистоту языка. Например, если в обществе существует сильная, живая литературная традиция, которая передается через школу, то у младших поколений можно с успехом выработать осторожность к заимствованиям. Использование языка в литературе означает, таким образом, что в ситуации данного языкового контакта могут

действовать консервативные языковые силы, представленные литературой.

Если говорящий сознает, что его родной язык не является стандартным языком, применяемым во всех видах официального общения (в деятельности правительства, в литературе, радио, школе и т. д.), то он будет проявлять безразличие к интерференции в нем. Функциональная «неполноценность» швейцарско-немецкого (главным образом, разговорного) языка в сравнении с французским, функции которого неограниченны, так сильно ощущается многими двуязычными (как с тем, так и с другим родными языками), что приток заимствований с французского в швейцарско-немецкий в местностях, где они соприкасаются, вполне естествен, так же как и невосприимчивость французского языка к заимствованиям из швейцарско-немецкого. Дробление на диалекты тоже часто свидетельствует о «неустановившемся» состоянии языка и его функциональной неполноценности, следствием чего может являться безразличие к интерференции. Швейцарские ретороманцы в Сутсельве, например, четко осознают наличие диалектных различий в местном ретороманском языке. «Разве это настоящий язык,— спрашивают многие жители этой местности,— если в одном селении хлеб называют [paŋ], в другом [rawŋ], а в третьем [rœwŋ]?» Такие различия способствуют появлению пренебрежения к языку, причем настолько сильного, что какое бы то ни было предложение пуристического характера большинство говорящих сочло бы нелепостью. В результате заимствования из швейцарско-немецкого массово вливаются в ретороманский. То, что швейцарско-немецкий язык, рассматриваемый здесь как «высший», сам в других местностях дробится на диалекты, несущественно, так как практически любое ретороманское сообщество контактирует только с одной разновидностью швейцарско-немецкого.

На основе социалингвистического анализа консервативного воздействия однородности стандартизованного языка и разнообразия его функций можно было бы выработать шкалу оценки тех нескольких функций, в которых тот или иной язык доминирует при языковом контакте.

4.2.2. Языковые функции в группе родного языка

Хотя в этой области психолингвистические исследования еще не проводились, из данных опыта человеческого общения следует, что язык, изученный первым, т. е. родной⁴, зани-

мает более привилегированное положение в смысле сопротивления интерференции. Важность приоритета в изучении по сравнению с другими психологическими факторами, воздействующими на интерференцию, настолько велика, что при описании языковых функций в ситуациях двуязычия фактор родного языка следует учитывать прежде всего.

С этой точки зрения, можно было бы сообщество всех лиц, изучивших первым один и тот же язык и находящихся в ситуации языкового контакта, назвать *г р у п п о й р о д н о г о я з ы к а* (mother-tongue group). В связи с этим в двуязычном коллективе можно предполагать наличие двух групп родного языка и, возможно, некоторой промежуточной прослойки, состоящей из лиц, которые изучили оба языка одновременно.

Характерное использование языков в их разных функциях следовало бы описывать не только для всего двуязычного сообщества в целом, но и отдельно для каждой группы родного языка. Такое дополнительное подразделение может, например, показать, что бремя двуязычия несет всецело одна из групп родного языка, тогда как другая во всех случаях межгруппового общения может рассчитывать, что к ней будут обращаться на ее родном языке. Так, в двуязычном селении Мейриц (близ Муртена в Швейцарии), где используются французский и швейцарско-немецкий языки, двуязычные принадлежат, главным образом, к швейцарско-немецкой группе, и лишь немногие носители французского усваивают швейцарско-немецкий. Из этого дополнительно анализа может далее следовать, что, хотя сообщество в целом и двуязычно, оно может состоять только из одной группы родного языка, так как на втором языке как родном в нем никто не говорит. Такое распределение функций между языками в данном случае однородно для всего двуязычного сообщества⁵. Так обстоит дело в немецкой Швейцарии, где население в общем двуязычно (владеет швейцарско-немецким и стандартным немецким языками), но его родным языком является исключительно швейцарско-немецкий. Стандартный немецкий язык функционально ограничен, используя только в письменной или официальной (монологической) речи, причем, главным образом, технического содержания (ср. с. 139). Отсутствие значительной группы родного языка лишает стандартный немецкий язык того сопротивления интерференции, которое свойственно носителям любого языка как родного. Древнееврейский язык, выполнявший в

Европе в тысячелетнем контакте с идиш, главным образом, ограниченные функции культового использования, языка религиозной литературы и переписки, тоже не был представлен группой родного языка и поэтому подвергся сильной интерференции, в фонологическом отношении разделившись на диалекты так же, как идиш. Подобно тому как слово со значением «год» в одних диалектах идиш звучит *jor*, а в других — *jur*, древнееврейское «да будет благословение на тебе» в зависимости от местности будет звучать либо как *borux ato*, либо как *burax atu*.

Таким образом, психологическое значение приоритета в изучении языка в социолингвистическом плане связано с еще одним важным для языка сопутствующим фактором — быть представленным в ситуации контакта значительной группой родного языка.

4.3. СООТВЕТСТВИЕ ДЕЛЕНИЙ ПО ЯЗЫКОВОМУ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ПРИЗНАКАМ

В любой конкретной ситуации контакта делению на группы родного языка обычно соответствует одно или более подразделений сообщества по лингвистическим признакам. Некоторые из них описываются в данном параграфе, причем подчеркиваются такие факторы, которые могут быть существенными в процессах стимулирования или подавления интерференции.

4.3.1. Типы соответствий

(1). Географические районы. Наиболее обычной параллелью делениям на группы родного языка является географическое размежевание. Если географические границы не проходят по высоким горным хребтам, морям или другим физическим преградам, то через границу может осуществляться контакт между группами родного языка, а следовательно, устанавливаться состояние двуязычия⁶. Языковые контакты на многих европейских границах описаны очень подробно и о масштабах двуязычия в этих районах приведены обстоятельные данные⁷. Вполне очевидно, что при четком географическом разделении, особенно в сельских местностях, существует тенденция к ограничению языкового контакта. Цели межгруппового общения в таких случаях сводятся, главным образом, к торговле⁸, независи-

мо от того, представляет ли географическая линия границу графства или океан. Например, часть долины Сарин швейцарского кантона Фрибур, где пользуются немецким языком, «ориентирована, главным образом, на запад, [так как] экономические и социальные связи с [франкоязычным] Пэи д'Ано ... в долине Ормон и с ее торговым центром Эгл более важны, чем с немецко-язычным районом Симменталь» (Steiner 533, 31, примечание 13). Таким образом, отношения между группами родного языка ограничены и непостоянны. Существует большая текучесть собеседников, средства, используемые в общении, часто импровизируются. Несмотря на то что масштабы интерференции в речи, по-видимому, очень значительны, она не проявляет тенденции к закреплению. С другой стороны, языковой контакт, совпадающий с территориальным, обычно связан с поездками в чужую среду, где встречаются новые предметы и заимствуются их названия. Поэтому здесь следует ожидать спорадических заимствований лексики.

Более развиты межгрупповые контакты в одном типе конгруэнтного деления по языковому и территориальному принципам, а именно в изолированных энклавах, например в так называемых «языковых островах» (Sprachinseln) довоенной Европы или иммигрантских сельских поселениях обеих Америк. Их население в такой же мере зависит от окружающей среды, в какой оно изолировано от своего собственного массива или родины, поэтому интерференция в его языке будет более сильной. В исследовании энклавов немецкого языка Восточной Европы уделялось большое внимание связям с новым окружением как фактору, определяющему интерференцию (см. Kuhn 295; тоже Pritzwald 419; Mackensen 331).

Соответствие языкового и территориального делений может нарушаться даже в сельских общинах, особенно если они размещены на самой языковой границе⁹; вокруг городов языковые границы обычно оказываются стертыми. В двуязычном (французско-немецком) швейцарском городе Биле (Biel) не существует, например, никакой топографической языковой границы¹⁰. Но бывают, конечно, и исключения. Например, г. Фрибур в Швейцарии в языковом отношении разделен: в самой нижней его части (немецком Au, французском Auge), где живут преимущественно носители немецкого языка, на этом языке написаны все вывески, на нем говорят все полицейские и торговцы. В то время как

вся верхняя часть города франкоязычна, нижняя его часть отличается определенной языковой (немецкоязычной) автаркией. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что столь сильная интерференция французского языка, как, например, засвидетельствованная в Биле (Kuenzi 294), для Фрибура не характерна.

Необходимо провести точные социолингвистические исследования городских двуязычных сообществ¹¹, так как очевидно, что города, лишенные одноязычного ядра, являются средоточием самых обширных и глубоких межъязыковых контактов как в Старом, так и в Новом Свете.

(2). Местный или иммигрантский характер группы (indigenouness). Географическое разделение двух групп родного языка может быть снято путем миграции, но перемещение одной из этих групп часто приводит к возникновению нового социокультурного деления, которое связано с типичными лингвистическими последствиями. Язык иммигрантов более подвержен интерференции, чем язык местного населения, по крайней мере, по следующим причинам: (а) новизна среды создает у иммигрантов потребность в новой адекватной лексике (ср. § 2.4.3); (б) социальная и культурная дезориентация иммигрантов подрывает у них способность к сопротивлению излишним заимствованиям в свой язык (см. Willems 629, 463; 627, 320); (в) ввиду того что в составе многих иммигрантских групп женщины значительно меньше, чем мужчин, необходимость смешанных браков влечет за собой нарушение языковых традиций *. Любопытным примером для проверки этих гипотез является двуязычная Аризона, где среди испаноязычного населения есть и новоприбывшие иммигранты и местные «старые семьи». В то время как последние сохраняют перед лицом наступающего английского свой собственный испанский язык (с явным предпочтением стандартному испанскому), иммигранты и их дети, горя желанием разговаривать по-английски, обычно проявляют небрежность в пользовании своим родным испанским (Barker 37, 169 и сл.). Испанский язык иммигрантов подвергается со стороны английского значительно большей интерференции, чем испанский, которым пользуются искони на данной территории.

(3). Культурные или этнические группы. В большинстве случаев контактирующие между собой группы, говорящие на разных родных языках, представляют собой отчетливые этнические или культурные сообще-

ства (о некоторых исключениях см. § 4.3.2). Такой контакт обуславливает не только двуязычие, но и бикультурализм (участие в двух культурах), проникновение особенностей одной культуры в другую в такой же мере, как и перенесение языковых элементов (см. Barker 37 о бикультурализме детей в Таксоне штата Аризона).

Ситуации совместного контакта языков и культур, по-видимому, благоприятствуют интерференции лексического и культурного типов (ср. с. 95 и сл.). Взаимосвязь культур в определенной географической местности определяет то, чему одна группа научается у другой, а также то, что в лексике каждой группы нуждается в восполнении путем заимствования. Даже тогда, когда перенесение слов приобретает большие масштабы, в нем не обязательно должны участвовать большие количества двуязычных, не всегда при этом имеет значение и относительный размер контактирующих групп. В конце концов, «нет оснований [полагать], что когда в контакт вступают большая и малая группы, то малая группа будет заимствовать активнее, чем большая... Сто человек могут так же легко научиться новому, как и один» (Linton 316, 499).

Контакт культур естественно приводит к диффузии элементов как материальной, так и духовной культуры. Нематериальная сторона культуры особенно важна для объяснения не только абстрактной лексики, но и принципов отбора слов или отказа от их употребления. Сопротивление культурного характера надолго задержало принятие исламом азартных игр, страхования и книгопечатания (Kroeber 293, 417 и сл.). Подобного же типа сопротивление, по-видимому, было причиной того, что евреи-ашкенази избегали принятия средненемецкого слова со значением «суббота»¹² (при том, что были заимствованы названия всех остальных шести дней недели), а также не включили в огромный лексический фонд, воспринятый из немецкого языка, такие слова, как *tugend* «добродетель», *laster* «порок», *buoze* «покаяние» и некоторые другие термины со специфическими религиозными коннотациями (ср. M. Weinreich 605).

(4). Р е л и г и я. Этот тип различий довольно часто совпадает (один или в сочетании с другими типами) с делением на группы родного языка. Во многих украинских городах до первой мировой войны деление на группы с родными языками украинским, польским и идиш совпадало с религиозным делением на униатов, католиков и евреев.

Аналогично с этим в немецких этнических энклавах Восточной Европы группы родного языка немецкого и принадлежность к лютеранству обычно «совпадали»¹³. В Швейцарии автору приходилось наблюдать двуязычные сообщества, в которых деление по родному языку не соответствовало никаким другим различиям, кроме вероисповедания. В нескольких селениях вокруг Муртена есть, например, немецкая и французская группы родного языка, состоящие исключительно из протестантов и католиков соответственно. Деление по религиозному принципу является еще большим препятствием на пути к интеграции сообществ, чем языковой барьер, так что в двуязычных общинах одного вероисповедания контакт двух групп родного языка может быть очень интенсивным. Сельский житель обычно больше интересуется вероисповеданием соседа, чем его родным языком. Между лицами различной религиозной принадлежности весьма редки смешанные браки; даже в повседневной деятельности они обособляются одни от других. Так, в селении Курташан есть две гостиницы — протестантская и католическая. В двуязычном селении с жителями, принадлежащими к двум разным вероисповеданиям, как, например, Валленрид (с населением 265 человек, из которых 51 % франкоязычных), можно наблюдать поразительные примеры лингвистической обособленности и одноязычия. Некоторые дети растут здесь, не ощущая необходимости в знании другого языка. Одноязычными в этом селении оказались 41 % носителей родного швейцарско-немецкого и 79 % родного французского языков. Хотя здесь существуют смешанные дошкольные группы (с общим языком французским), школы у протестантов и у католиков разные (см. Weinreich 610, 233—235). Таким образом, контакты даже внутри селения весьма ограничены. Употребление каждого языка довольно специализировано и зависит от собеседников, а в межгрупповом общении крайне ограничено по тематике. Однако в пределах данной группы родного языка каждый язык используется во всех своих функциях. Это очень ограничивает возможности интерференции. Разделение школ по языковому и религиозному принципу ставит большинство детей обоих родных языков в условия, когда со стороны школы и церкви на их язык оказывается стандартизирующее охранительное воздействие. Результаты любой интерференции, которая все же имеет место, дополнительно регулируются и устраняются.

Никогда не следует упускать из виду то ограничивающее действие на языковой контакт и интерференцию, которое оказывают, особенно в сельских местностях, различия в религии. Некоторые языковые границы в Европе, установившиеся позже религиозных, представляют собой линию, до которой дошла смена языка при разделе по религиозной принадлежности¹⁴. Такое же положение можно в настоящее время наблюдать и в Швейцарии. Германизация ретороманских селений вдоль Рейна выше Кура, начавшись в основном на протестантской территории, обошла устойчивые католические Дома/Эмс и Рэзэн, но включила такие протестантские пункты, как Тринс, Флимс и Роттенбруннен. Наоборот, протестантство долины Мюстер помогает ей противостоять угрозе германизации, которая исходит из близлежащей католической долины Нижний Энгадин (Weinreich 610, 277; Gadola 164, 147; Waltershausen 592). В обоих случаях религиозная граница служит барьером для распространения смены языка¹⁵.

(5). Р а с о в а я п р и н а д л е ж н о с т ь. Совпадение расовых различий с различиями в родном языке имеет значение лишь в некоторых ситуациях, где деление по расовому признаку служит препятствием для смешанных браков, а значит и для самого раннего и наиболее интенсивного вида семейного двуязычия. Например, в Бразилии различия в расовой принадлежности препятствуют заключению смешанных браков между лицами бразильской и японской национальности значительно больше, чем между бразильской и немецкой (Willems 628, 105; 627, 451—61).

(6). П о л. Хотя определенные стилистические различия в языке, соответствующие полу его носителя, не являются необычными (ср. Tagliavini 549; Jespersen 256, 237 и сл.), заметные языковые деления, совпадающие с половыми различиями, встречаются редко. Наиболее известным случаем является, по-видимому, остаток такого разделения на Антильских островах, восходящего ко временам, когда грабительское племя, родным языком которого было карибское наречие, захватывало женщин, говоривших на языке аравак (Müller 376, II, 322—349; Jespersen 256, 237 и сл.). Контакты между половыми группами, конечно, настолько активны, что никакие различия не смогли бы сохраниться долго. С другой стороны, в некоторых культурах известны случаи, когда отдельные речевые явления оцениваются как мужские или как женские, что вызывает сильный иммунитет

против перенесения их в речь лиц противоположного пола (см. Jespersen там же; Аванесов 2, 238) ¹⁶.

Иногда лица одного из полов могут больше контактировать с другим языком. Например, по некоторым данным, в Македонии аромунские женщины в основном одноязычны, тогда как их мужья двуязычны или многоязычны (см. Récasas 428).

(7). В о з р а с т. Совпадение групп родного языка и возрастных групп представляет собой в синхронии то, что в диахроническом аспекте является сменой языка (см. также § 4.7) ¹⁷.

Смена языка едва ли бывает когда-нибудь столь внезапной, чтобы оборвать общение между разными возрастными группами. То, что представляется дискретным различием в родном языке определенных поколений одной и той же семьи, является проекцией более постепенного языкового преобразования в масштабах всей общины ¹⁸. Можно предполагать, что те же причины, которые вынуждают одну возрастную группу сменить язык, обычно заставляют и старшую группу изучить в какой-то мере этот новый язык. Таким образом, смене языка почти неизменно предшествует распространение двуязычия. Сохранится ли и после этого двуязычие, т. е. угасающее знание отмирающего языка, в разных случаях будет, вероятно, происходить по-своему. К сожалению, данные переписей населения обычно носят лишь предположительный характер. Известно, например, что среди потомков немецких иммигрантов, родившихся в Америке у родителей-американцев, 18,7% во время переписи 1940 г. показали в качестве родного языка немецкий; среди шведской иммиграции соответствующий показатель был равен только 4,1%. Если размер той части этнической группы, которая передает свой язык детям в качестве родного, и количество всех тех, кто обучает детей языку, более или менее равны, то можно полагать, что знание устаревающего языка прежней страны в немецкой группе было в 4,5 раза более распространенным, чем в шведской.

Несет ли бремя двуязычия вся группа в целом или преимущественно ее какая-то часть, зависит, по-видимому, от внезапности смены языка и тех пределов, каких эта смена достигла. Например, в иммигрантских семьях США дети обычно усваивают английский язык быстрее, и в раннем периоде именно они переключаются обратно на язык прежней страны в общении со старшими. Поколением позже вну-

ки уже часто одноязычны, и переключаться на язык своих собеседников приходится теперь родителям и дедам.

Устареваящий язык, по-видимому, обречен на то, что ему сообщаются особые коннотации, и он применяется уже в специализированных функциях даже после того, как свою главную, коммуникативную роль он утратит. В условиях быстро развивающейся смены языка он приобретает определенное эзотерическое значение¹⁹. С другой стороны, первое поколение, при котором происходит смена языка, стремится изучить устареваящий язык в степени, достаточной для того, чтобы лишить его этой роли. Так, многие дети иммигрантов США «знают» язык родителей ровно настолько, чтобы понимать, что от них пытаются скрыть. Также легко связываются с устареваящим языком различные комические ассоциации. Колонки на местном наречии во французско-швейцарских газетах или отделы на пенсильванско-немецком в некоторых периодических изданиях Пенсильвании в основном заполняются юмористическими материалами. У детей американских иммигрантов произнесение слова на языке их родителей легко вызывает смех²⁰.

Стилистическая специализация устареваящего языка и то, что он связан с личным опытом в детском возрасте, способствуют заимствованию его лексических элементов в речь молодежи, особенно в неофициальной беседе, лишенной претензий на высокий социальный статус. Особенно легко переносятся яркие идиоматические выражения, трудно поддающиеся переводу, в значении которых присутствуют сильные аффективные, ласкательные, уничижительные или слегка непристойные обертоны (см. примеры из идиш США на с. 119, примечание 51).

В соответствии с этим некоторые представители старшей возрастной группы могут смотреть на «новый» язык как на воплощение моды, в связи с чем возможен большой приток заимствований в обратном направлении, когда высказыванию на «старом» языке стремятся придать более молодое, современное или изысканное звучание. Например, в Бразилии сильно смешанная речь представляла собой переходной этап в процессе смены немцами своего родного языка на португальский (Willems 627, 315)²¹. Социолингвистам было бы полезно изучить, какая существует зависимость между устареванием языка и объемом интерференции в нем.

(8). **С о ц и а л ь н о е п о л о ж е н и е.** В то время как различия в социальном положении часто сопутствуют дру-

гим групповым делениям (культурного, религиозного характера, делению на местное и иммигрантское сообщества), ситуацию устойчивого языкового контакта, при которой различия в родных языках соответствовали бы различиям только в социальном положении двух автохтонных групп и более никаким, легче себе вообразить, чем обнаружить в действительности. Об одном таком случае сообщают из Явы, где знать говорит на языке ноко как на родном, а родным языком простого народа является язык кромо (Pieris 403, 330). В Ирландии, по некоторым сведениям, гаэльский язык еще долго сохранялся среди низших слоев, в то время как в памятниках письменности, которые создавались представителями автохтонных высших классов, он уже не появлялся (Роккоглу 409).

Однако в условиях смены языка некоторые группы, занимающие более высокое социальное положение, часто ведут за собой остальное население, так что в этом случае можно установить соответствие родного языка и социального положения говорящих, пусть даже оно носит переходной характер. Так, во многих немецких городах и в сельских местностях Англии все население, кроме самого низкого социального слоя, сменило местные диалекты на стандартный язык (Henzen 220, 182—185; Bloomfield 69, 51). Аналогично смена родного языка на португальский среди средних и высших слоев немецкой иммиграции в Бразилии происходила более быстрыми темпами, чем среди самых низких ее слоев (Willems 629, 452 и сл.). Независимо от того, играет ли здесь решающую роль более сильный культурный консерватизм или более ограниченные социальные цели некоторых слоев общества, реакция на новый язык оказывается различной. Относительно социальной дифференциации в смене языка ср. § 4.4.2.

Какие можно предвидеть лингвистические последствия в случае устойчивого деления по социальному положению и родному языку, сказать трудно ввиду чрезвычайной скудности соответствующих данных. Однако здесь можно ожидать уже знакомую нам диффузию из верхних слоев в нижние, тогда как вверх будет просачиваться лишь слабая струйка слэнговых выражений, что характерно для всех случаев лингвистической инновации. В ситуациях смены языка сильная интерференция как предвестник этой смены настолько обычна (см. с. 160), что она вряд ли зависит от социальной дифференциации. Обязательная предпосылка осве-

щения всех связанных с этим явлений — тщательное социолингвистическое изучение процессов медленной смены языка, лучше всего в социально дифференцированных городских местностях.

(9). П р о ф е с с и я. Иногда особые профессиональные группы имеют собственные языки, например, портные в Саракацане (в Македонии) (Capidan 102; Georgacas 172) ²² или еврейские торговцы скотом в Эльзасе ²³. Это, конечно, случаи промежуточного характера. Не всегда даже ясно, состоят ли отличия таких специальных языков от общего языка в чем-либо большем, чем лишь в некоторых областях лексики. Вследствие эзотерической функции профессиональных языков их значение зависит от того, насколько замкнута пользующаяся ими группа. Таким образом, возникает редкая ситуация, когда сопротивление интерференции проявляется на стороне носителей языка-источника, обнаруживающих скорее нежелание «ссужать», чем заимствовать ²⁴. Только эпизодически отдельные слова проникают в общий слэнг.

(10). С е л ь с к о е и л и г о р о д с к о е н а с е л е н и е. Среди неязыковых группировок, которые в ситуациях языкового контакта иногда совпадают с различиями по родному языку, заслуживают упоминания различия между городом и селом как своеобразное сочетание социальных, профессиональных и топографических различий. Языковую диффузию, идущую из городских центров в окрестности, не раз показывали диалектологи, особенно марбургская школа Вреде (638) и Фрингса (30). Эта диффузия, по-видимому, происходит не только в случаях распространения спорадических инноваций среди сходных диалектов, но даже тогда, когда город переходит на новый язык.

Иногда среди сельских жителей развивается враждебное (или, по меньшей мере, двойственное) отношение к городским центрам. О влиянии этого отношения на смену языка говорится в § 4.7.1. Могут ли антигородские настроения помешать распространению явлений лингвистической интерференции в период, предшествующий смене языка, следует определить путем социолингвистического анализа эмпирических данных.

4.3.2. Несоответствие языковых и неязыковых делений

Наблюдаются такие случаи языкового контакта, при которых деление по языку не соответствует никакому другому делению на основе лингвистических признаков. Много таких ситуаций можно встретить в Швейцарии. После интенсивного изучения различных культур в их географическом распределении было установлено, что между языком и такими реалиями, как одежда, пища, игры и обычаи, существует весьма небольшая связь.

При самом пристальном рассмотрении различия, существующие, например, между способами ткачества и прядения у немцев и французов кантона Валэ, не совпадают с соответствующими языковыми границами (Bodmer 74, 96 и сл.). Признано, что в культурном отношении Швейцария делится не по франко-немецкой языковой границе, а по линии, идущей восточнее, по территории немецкого языка вдоль гор Брюниг и Напф и рек Реусс и Ааре. Хотя «нельзя отрицать, что индивидуальная литературная культура в основном связана с географическими зонами соответствующих письменных языков... народная культура часто имеет иное деление (возможно, более древнее), не совпадающее с областью использования современных «национальных» языков» (Weiss 617, 154). Наше предварительное ознакомление с неопубликованными материалами Атласа народной культуры Швейцарии (170) не дало возможности установить какие-либо последовательные различия в культуре, которые были бы связаны географически с областями использования немецкого, французского или ретороманского языков.

Изучая статус двуязычных швейцарских ретороманцев (т. е. носителей ретороманского языка), мы также пытались определить содержание осознания ими своей групповой принадлежности. Оказалось, что «этнические» толкования идентичности группы, если они вообще существуют, стоят на втором плане по сравнению с языковыми. Термин «ретороманец с родным языком немецким» невозможен по самому определению. Лица, говорящие как на ретороманском, так и на швейцарско-немецком языке, считают себя принадлежащими к швейцарской нации (Volk или Nation; pievel, paziun), а более непосредственно к народу Грисона (Bündnervolk, pievel grischun) и его культуре. Лишь некоторые информанты упоминали о ретороманском Volk. В своей борь-

бе против смены языка руководство ретороманского движения вряд ли учитывает те редкие различия, которые существуют в народном быту, фольклоре и народном искусстве и которые можно было бы использовать для укрепления групповой солидарности ретороманцев. Соревнование между языками не имеет наслоений этнического или социального конфликта.

Вернер описал аналогичную смешанную в языковом отношении территорию на юге Венгрии, где этническое деление между немцами, венграми и словенами совсем стерлось (Werner 620). Примером других групп, проявляющих безразличие к своей этнической принадлежности, являются обитатели Полесья, не считающие себя ни поляками, ни русскими, а просто «тутейши», и так называемые «Blakke-de», проживающие в немецко-датском пограничье (Selk 504. Ср. также Beck 53).

Отсутствие социально-культурного деления, которое бы усиливало различия в принадлежности к группе родного языка, представляет собой фактор, не только облегчающий смену языка, но, вероятно, и задерживающий развитие сопротивления лингвистической интерференции и, таким образом, способствующий языковым влияниям.

4.3.3. Заключение

Анализируя причины, по которым один из языков двуязычного становится доминирующим, мы отметили, что этому содействует множество факторов (§ 3.3.8). Рассмотрение согласующихся языковых и социокультурных делений в предыдущем параграфе данной главы выделило трудности, возникающие иногда при том, когда нужно определить, какой язык двуязычного сообщества является «высшим» или «доминирующим». Само деление сообществ на группы родного языка дает повод спросить: «Доминирующим для кого?» Совершенно ясно, что каждая из групп родного языка может оценивать эти два языка по-своему и с разными результатами. Да и вообще сомнительно, стоит ли на языки, находящиеся в контакте, во что бы то ни стало наклеивать ярлыки «высший» и «низший», поскольку, с точки зрения изучения интерференции, различные отношения между языковыми группами будут, по-видимому, по-разному сказываться на языках, состоящих в контакте.

Трудности в размещении групп родного языка в иерархическом порядке усугубляются тем, что необходимо классифицировать также функции языков. Поэтому целесообразно, пожалуй, ограничить употребление термина *доминирующий* его использованием лишь по отношению к языкам, выступающим в таких контактных ситуациях, где различия в родных языках сочетаются со значительными различиями в социальном статусе (§ 4.3.2 (8))²⁵. Но это, конечно, не должно означать, что интерференция здесь будет направлена исключительно от доминирующего языка к не доминирующему. Например, в диалектах южного Уэльса две фонемы *ш/* и */i/* постепенно слились в одну (случай недодифференциации по терминологии § 2.2.1) несмотря на то, что диалект, в котором различие этих фонем сохранялось, имел «более высокий престиж» (Sommerfelt 522, 96). Аналогично немецкий язык в Прибалтике, как упоминалось в § 2.2.1, подвергся влиянию стоявших в то время по своему социальному значению ниже латышского и эстонского языков. Во многих контактных ситуациях участвующие в них языки следовало бы считать в смысле доминирования или недоминирования нейтральными.

Социальные функции языков (§ 4.2) и совпадение групповых различий по родному языку и по неязыковым характеристикам (§ 4.3) заслуживают описания не только потому, что позволяют установить иерархию языков, но скорее потому, что различные *modi vivendi* создают типичные модели лингвистического поведения и интерференции, а также сопротивления интерференции.

4.4. СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СТАНДАРТИЗОВАННОГО ЯЗЫКА

4.4.1. Источники языковой лояльности

... Языковая лояльность ... представляет собой такое явление, при котором язык как целостная сущность, противопоставляемая другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, нуждающееся в «защите»... При возникшей угрозе смены языка языковая лояльность стремится сохранить тот язык, который подвергается опасности (§ 4.7)²⁶. Как реакция на интерференцию она превращает стандартизованный вариант языка в символ и общее дело. В этом случае языковая

лояльность становится принципом (специфическое содержание которого видоизменяется от случая к случаю), объединяющим и сплачивающим группы на сознательное и открытое сопротивление изменению либо функций данного языка (как следствие его смены), либо его структуры и словаря (как следствие интерференции). Такие явления, как пуризм, стандартизация языка, языковая лояльность и связанные с ней средства защиты, представляют собой в области социолингвистики важные проблемы, требующие специального изучения, несмотря на то, что дескриптивная лингвистика, по понятным причинам, считала их несущественными.

Каковы корни языковой лояльности? Можно было бы думать, что зачатки этого чувства естественны в каждом носителе языка. Неизбежные эмоциональные отношения к родному языку как языку, усвоенному в детстве (§ 3.3.5), становятся причиной того, что какие бы то ни было изменения в нем кажутся неприемлемыми²⁷. Эта естественная инерция проявляется у людей с различным темпераментом различно. Кроме этого, лояльность может принимать различные размеры в зависимости от других социокультурных факторов, действующих в той или иной контактной ситуации.

То, что языки могут функционировать как символы групп, не раз освещалось в литературе (см., например, Sapir 467, 29), но социология до сих пор мало занималась анализом ассоциирования языка как символа с целостностью данной группы. Эта группа, конечно, является прежде всего сообществом родного языка, но нередко она может быть и группировкой иного характера, особенно национальностью...

Как раз в ситуации языкового контакта люди легче всего осознают своеобразие своего языка по сравнению с другими, именно в этих условиях чистый или стандартизованный язык легче всего становится символом целостности групп. Языковая лояльность возникает в ситуациях языкового контакта так же, как на этнических границах возникает национализм.

Даже не будучи ограниченными непосредственными ситуациями контакта, чувства лояльности связаны, по видимому, с подлинной или воображаемой угрозой данному языку. В качестве реакции на эту угрозу проявление языковой лояльности можно было бы рассматривать примерно с такой же точки зрения, как это делают антропологи при изучении нативизма²⁸. Анализируя нативистские движе-

ния, Линтон определяет культурные группы, находящиеся в контакте, как объективно доминирующую и подчиненную и субъективно низшую и высшую. В связи с этим можно сказать, что если группа считает себя высшей, но на практике вынуждена уступать другой группе в области некоторых функций своего языка или восполнять пробелы своего словаря заимствованиями из другого языка, то эти ситуации могут благоприятствовать развитию чувства лояльности. Таким образом, лояльность, как и нативистское движение, «вряд ли возникает в ситуациях, где оба общества удовлетворены существующим соотношением» (Linton 317, 234). Языковая лояльность скорее всего развивается там, где ощущение превосходства не находит реализации ²⁹.

Более «реалистичные» представители объективно подчиненной группы могут попытаться улучшить свое положение, присоединившись к доминирующей группе. Такое «предательство» неизменно вызывает среди более стойких представителей подчиненной группы негодование, которое влечет за собой упрочение чувства языковой лояльности. Подобную реакцию на отклонения со стороны лояльных носителей можно наблюдать почти в любом типе группового контакта при совпадении с делением по родному языку: этническом и культурном контактах, контакте между иммигрантами и местным населением, низшими и высшими социальными слоями, сельскими и городскими жителями, старшими и младшими возрастными группами. Расщепление подчиненной группы может иногда объясняться ее внутренним строением. Как говорит Линтон, «... нативистские тенденции будут самыми сильными в тех классах, которые занимают привилегированное положение, но чувствуют, что их положению угрожают перемены. Это может вызвать раскол в обществе, при котором привилегированные индивиды и группы будут придерживаться рассудительного нативизма... тогда как лица, находящиеся в менее привилегированном положении, будут стремиться к ассимиляции». Такие условия можно наблюдать во многих иммигрантских группах Америки, где индивиды, которые в прежнем обществе в Европе занимали высокое положение, пытаются сохранить образец этого общества и здесь, тогда как те, кто занимал раньше низкое положение, из всех сил стараются американизироваться» (Linton 317, 239). Хотя есть основания сомневаться в универсальности этой схемы (к тому же нужно учитывать и различия между индивидами), все же

можно признать, что соответствующие расхождения в отношении к языку и его нормам как символу группы поддаются анализу на основе сходных критериев.

Уместно здесь также заметить, что на языковой лояльности иногда основываются некоторые социальные действия, относящиеся к языку. Когда какое-нибудь сообщество родного языка расщепляется в ситуации контакта по признаку большей или меньшей лояльности к своему языку, то более лояльная его часть обычно начинает выражать жалость к самой себе и увещевать менее лояльных лиц. Но иногда более дальновидные лидеры пытаются усилить лояльность членов своей языковой группы, используя методически организованные мероприятия. Обоснование подобных программ, их успехи и неудачи тоже нужно изучать, чтобы полнее понять взаимодействие структурных и социокультурных факторов в развитии языка. Одну из попыток создания языковой лояльности нам пришлось наблюдать в ретороманской части Швейцарии (Weinreich 610). Социолингвистическому анализу еще не подвергался огромный материал, имеющий отношение к более или менее успешному оживлению полу-«мертвых» языков (древнееврейского, ирландского), хотя этот материал вполне доступен для исследования. Образование новых стандартных языков, наблюдающееся в последние полтора века, тоже представляет собой в основном отражение организованного формирования языковой лояльности ³⁰.

4.4.2. Эффективность стандартизации

В ответ на интерференцию языковая лояльность обычно концентрирует усилия на стандартизации языка ³¹.

Преданность стандартизованному языку часто считается болезнью интеллектуалов. Например, отмечено, что интерференция португальского языка в речи немецких иммигрантов Бразилии наиболее ограничена там, где есть «влияние интеллектуалов из Германии» (Willems 627, 305). Напротив, антипуризм иногда сопутствует в общем антиинтеллектуальному, «слэнговому» типу поведения: «В наших больших городах есть районы, где молодежь намеренно воздерживается от употребления «чистого» английского языка, опасаясь, чтобы «толпа» не обвинила их в «высокомерии» (Bos-sard 80, 701) ³².

Сомнительно, однако, чтобы главной причиной стандартизации языка были интеллектуалистские мотивы. Несмотря на разнообразие культурных контактов, языки атабаска в Америке выработали заметное сопротивление заимствованиям, причем, по всей видимости, без участия каких-либо интеллектуалов западного типа. Мы также наблюдали, как ретороманские крестьяне простодушно старались говорить на более чистом ретороманском языке, избегая немецких заимствований. Конечно, интеллектуальная часть группы родного языка может иметь основания для лояльности своему языку из тех соображений, на которые указывает Линтон (ср. с. 168). Кроме того, пуризм требует определенной степени сосредоточенности и самоанализа, наилучшие возможности для чего — в интеллектуальной речи (устной и письменной). Отсюда со всей очевидностью следует, что сознательное сопротивление интерференции по мотивам лояльности требует не больше усилий, чем часто наблюдаемое сознательное подчинение интерференции, когда язык-источник пользуется высоким статусом. Так ли это в действительности — вопрос, нуждающийся в исследовании.

На протяжении многих десятилетий интересы диалектологических и описательных исследований отвлекали лингвистов от проблем стандартизации языка и тормозили социологическое изучение связанных с ней процессов. Но если привлечь социальные науки к более глубокому изучению языков, проблемы исследования сопротивления интерференции на основе языковой лояльности можно было бы сформулировать без особых затруднений. Они назывались во многих местах гл. 2 этой книги и были суммированы в таблице на с. 106. Нужно было бы исследовать, на какие области языка (словарь, синтаксис, фонетика) обращается в программах стандартизации главное внимание, а также критически оценить, насколько эффективной была стандартизация в различных областях и в разных исторических условиях. Необходима информация о том, какой интенсивности должно быть сопротивление, обусловленное социокультурными факторами, чтобы оно могло противодействовать различным явлениям структурно стимулированной интерференции. Хотя и мало шансов на то, что эти исследования укажут на пуризм как основной фактор в новейшей истории некоторых языков, все же общее значение тенденций стандартизации могло бы быть оценено более правильно, чем до сих

пор. Например, в таких языках, как чешский и румынский, они, безусловно, достигли знаменательных успехов. Подробный социолингвистический анализ даже неудач стандартизации пролил бы свет на взаимодействие структурных и неструктурных факторов, участвующих в регулировании интерференции.

4.5. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ КОНТАКТА

Синхронический уклон настолько преобладает в дескриптивной лингвистике, что исследователи интерференции обычно упускают возможность изучения развивающихся языковых изменений, вызываемых контактом, в соотношении с фактором времени³³. Между тем диахронические наблюдения над языками, недавно вступившими в контакт, например вследствие миграций, даже если они проводятся на протяжении короткого периода, обещают интересные результаты.

Анализируя фактор времени в процессах интерференции, можно выделить два важных показателя: 1) относительный отрезок времени, в течение которого происходит закрепление или устранение явлений интерференции; 2) абсолютное время, истекающее до того, как то или иное явление интерференции закрепляется или исчезает.

Некоторые положения, касающиеся относительной величины интерференции в различных областях языка (фонетике, словаре и др.; см. § 2.53), поддаются хронологической интерпретации. Например, утверждение Доза, что иноязычному воздействию меньше всего подвергается морфология, означает лишь то, что она подвергается воздействию в последнюю очередь. Интерференция в словаре, по его мнению, будет самой сильной, что тоже означает, что она происходит первой (Dauzat 123, 49—55). При всей теоретической несостоятельности таких утверждений на синхронном уровне (см. с. 110), их обоснованность как диахронических «законов» нужно еще доказать. Необходимо провести тщательное наблюдение какой-нибудь контактной ситуации с самого ее начала в течение определенного времени, с обычными научными проверками, прежде чем можно будет сказать что-либо достоверно об относительной или абсолютной хронологии.

Нам известно единственное исследование интерференции во времени, проведенное в естественной обстановке,— дис-

сертация Садло, в которой фонетические характеристики речи одних и тех же лиц подвергнуты повторному изучению после некоторого перерыва (Sadlo 455). Оказалось, что достаточно было трех лет, чтобы в родном языке группы детей польских эмигрантов-шахтеров во Франции произошло слияние палатальных шипящих и свистящих согласных и аффрикат ($\acute{s} > \acute{\xi}$, $\acute{z} > \acute{\zeta}$, $\acute{c} > \acute{\check{c}}$). Существуют данные измерений относительного продвижения в изучении второго языка. Хотя они основываются на опыте «искусственного» школьного контакта, в них все же может содержаться информация, ценная для теории интерференции. Но эту информацию еще нужно из них извлечь.

Эмпирические исследования диахронического характера, проводимые кратковременно, могут позволить выяснить основные проблемы, связанные и со значительно большей длительностью контактов. Например, по распространенному сейчас в Европе мнению, иммигранты приобретают «американский» акцент в своем первом языке уже через несколько лет по прибытии в Соединенные Штаты (эти данные еще необходимо представить в приемлемом для лингвистики виде)³⁴, что как будто показывает способность фонетики родного языка более легко поддаваться влиянию двуязычия. С другой стороны, доказано, что некоторые фонетические характеристики языков, вышедших из употребления, могут сохраняться в течение многих поколений³⁵, а это используется как доказательство чрезвычайной стойкости основ фонетической системы родного языка. Такие же противоречивые наблюдения имеются и относительно синтаксиса. Разрешить эти парадоксы должно дальнейшее детальное исследование. Возможно, указанные факты объясняются довольно ранним возникновением и дальнейшим сохранением объединенных фонетической и синтаксической систем (ср. с. 32 и сл.). Не следует также упускать из виду возможностей другого решения этих вопросов, учитывающего различия в социокультурном окружении и четкие отличия фонологических и аллофонических признаков или релевантных и избыточных синтаксических связей. Область эта обширна и увлекательна, и ее важность для выяснения явлений «субстрата» вполне очевидна.

4.6. ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ЯЗЫКОВ

В одних ситуациях языкового контакта возникает ~~новый~~ третий язык, в других ситуациях этого не бывает ³⁶. В § 2.2.5 были рассмотрены некоторые критерии, позволяющие решить, образуется ли при скрещивании двух языков третий или нет. Исходя из этих критериев, такие торговые языки, как чинук, пиджин и креольские, без сомнения, заслуживают наименования новых языков. С другой стороны, разновидности речи, часто возникающие при соприкосновении диалектов с соответствующими стандартными языками, например, греческое *mikti* ³⁷, аналогичные формы просторечия верхней Германии (см. Loewe 321), «Halbdeutsch» в прибалтийских странах (см. Mitzka 369, Stammeler 530), гавайский диалект английского (Reinecke and Tokimasa 439; ср. также Reinecke 438) или англоизированный итальянский язык в Соединенных Штатах, по-видимому, не достигли стабильности формы, широты функций или обособления от исходного языка, а также не развили среди своих носителей достаточного субъективного отношения сепаратистского характера, чтобы их можно было считать языками в собственном смысле этого слова.

Независимо от того, будет ли интерферирующая речь преобразовываться в новый язык или этого не случится, природа лингвистической интерференции будет одна и та же. Каковы же, в таком случае, факторы, которые способствуют образованию нового языка? Этот вопрос можно рассмотреть в соответствии с критериями, описанными на с. 112.

(1) С т е п е н ь р а з л и ч и я. Чтобы образовалась новая речевая форма (*idiom*), настолько отличающаяся от каждого из двух контактирующих языков, что ее можно было бы признать в качестве особого языка, необходимо контактирование двух языков достаточно различного строя. Таким образом, вопрос о том, возникает или нет третий язык в ситуации контакта, определяется и лингвистическими критериями. Например, тот факт, что в нижней Германии существует язык, фактически промежуточный между диалектами и литературным немецким языком, так называемый *Missingsch* ³⁸, а в верхней Германии такого нет, может быть (по крайней мере, отчасти) следствием его значительно больших отличий от стандартного языка, чем у диалектов верхней Германии.

(2) Устойчивость формы. Насколько прочно закрепляются модели интерференции — вопрос, выходящий за рамки строго лингвистической причинности. Относительная стабильность изменившихся речевых форм зависит скорее от того, как эти два языка изучались двуязычными, и отражает то положение, что усилия, направленные на устранение интерференции, оказались неэффективными (см. с. 150 и сл.). Знаменательно, что многие новые языки, достигшие некоторой стабильности формы, возникли далеко от центров социального контроля, «на четко обозначенных границах культуры... Те [новые языки], которые еще существуют, почти все были тесно связаны с великими перемещениями народов Европы на протяжении прошлых четырех столетий» (Reinecke 438; Schultze 494). Можно сказать, что они сформировались в условиях «антипрестижа»³⁹ или отсутствия у каждого из соприкасающихся языков «престижа», достаточного для того, чтобы возвести его в статус нормы.

(3) Широта функций. Решающей функцией, которую должен приобрести постоянно интерферируемый тип речи, чтобы стать полноправным языком, является, по-видимому, функция общения в семье. Райнеке изучал социокультурное окружение, в котором гибридизированный язык может стать родным для детей определенного поколения (Reinecke 438). «Очень редко, — пишет он, — торговый язык становится спонтанно родным языком определенной группы. Вероятно, единственным примером такого рода, указанным в литературе, является жаргон чинук, который в течение некоторого времени был единственным языком многих детей франко-канадских voyageurs и индианок Территории Орегон» (с. 112). В соответствии с этим Райнеке отличает торговые жаргоны, остающиеся вспомогательными языками (т. е. «другими языками» для всех говорящих на них лиц), от креольских жаргонов, которые преобразуются в полноправные родные языки.

Функции нового языка могут расширяться благодаря административным распоряжениям или другим сознательно предпринимаемым усилиям, включая систему просвещения, религиозных учреждений и т. п. В некоторых случаях новые языки, например, папьяменто на острове Кюрасао или креольский на Гаити, используются в печати и в литературе, однако лишь спустя долгое время после их обособления от исходных языков (Reinecke 438, 112, 117). Такое расширение функций, в свою очередь, естественно усиливает и

стабильность формы и субъективное отношение носителей к данному идиому как к особому языку.

(4) Собственная оценка носителей. Развитие у двуязычных отношения к своей речи, представляющей собой результат взаимной интерференции двух языков, как к новому, особому языку снова-таки зависит от разнообразных социокультурных факторов, таких, как изолированность группы, находящейся в контакте, от своего одноязычного тыла, сепаратистские тенденции этнического или политического характера и т. д. То, как зарождается и развивается дальше лояльность к гибридной форме речи, представляет собой интересную социолингвистическую проблему. В ее решении было бы полезно использовать сопоставление истории языка идиш с историей других еврейских языков. Каждый из них представляет собой своеобразный случай смешения различных диалектов исходного языка (немецкого, испанского, арабского, персидского и других в зависимости от обстоятельств) и какого-либо внешнего языка (еврейско-арамейского, славянского, турецкого и других, тоже в зависимости от обстоятельств), но языковая лояльность сообщества носителей идиш несравнимо сильнее, чем лояльность носителей джудезмо (еврейско-испанского языка) или других еврейских языков.

4.7. СМЕНА ЯЗЫКА

4.7.1. Социологические аспекты

Смена языка была определена нами (с. 110) как переход от привычного пользования одним языком к пользованию другим. В то время как интерференция, даже при учете ее социокультурного окружения, представляет собой проблему, в решении которой играет роль и фактор языковой структуры, смена языка совершенно не зависит от структурных факторов. Можно считать само собой разумеющимся, что соответствующие структуры двух находящихся в контакте языков никогда не предопределяют, какой язык должен уступить свои функции другому. Ввиду того что смена языка не обусловлена строго лингвистической причинностью, этот вопрос не будет подробно обсуждаться в нашей книге. Однако будет все же полезно показать, как в изучении смены языков можно с успехом использовать те положения §§ 4.2—4, в которых намечалась программа

социолингвистического изучения интерференции (если избежать обычного упрощения вопроса).

Во-первых, смену языка следует анализировать с точки зрения функций языков в ситуации контакта (ср. § 4.2), поскольку группа родного языка может переходить на новый язык не во всех, а лишь в некоторых функциях. Например, в условиях иностранной оккупации или при переселении в другую страну взрослые члены языковой группы могут начать пользоваться новым языком в отношениях с правительственными органами, а дети — в школе, в то время как в домашнем обиходе и на неофициальных собраниях члены группы могут продолжать пользоваться прежним языком. В этом случае скорее можно говорить о частичной, чем о полной, смене языка. В то время как среди иммигрантов, живущих в американских городах, смена языка обычно происходит быстрыми темпами и полностью, в сельских иммигрантских общинах такая смена часто бывает скорее частичной, по крайней мере на протяжении двух-трех поколений (24, No. 34; см. тоже Pihlblad 404 о шведском сообществе Канзаса).

Далее стоит исследовать, в каком порядке сменяют языки друг друга в своих нескольких функциях и в какой степени смена в одной функции, например в политике и образовании, обязательно влечет за собой смену языка в других. Было бы также интересно установить, обладают ли стандартные языки, используемые во всех типах официального общения (ср. с. 152) большим потенциалом для замены других идиомов при смене языка, чем нестандартизованные языки. И хотя нередко считали, что бывает именно так ⁴⁰, в действительности ситуации, по-видимому, бывают различными. В Восточной Пруссии до первой мировой войны многие литовцы свободно владели стандартным немецким языком, но заместил литовский язык не он, а диалект нижненемецкого языка, знание которого быстро распространилось среди послевоенного поколения (Gerullis 173). В Швейцарии уже несколько поколений ретороманцев знает стандартный немецкий язык, а угрозу существенной смены представляет в некоторых местностях знание нестандартного швейцарско-немецкого языка (Weinreich 610, 284—286). Похоже на то, что нестандартизованный разговорный язык (vernacular) иногда может быть воспринят скорее, чем стандартный язык, в функции которого не входит обслуживание повседневного общения.

Во-вторых, природу смены языков следовало бы изучать в тех ситуациях контакта, где деление по родному языку совпадает с различными другими лингвистическими делениями, что могло бы объяснить различия в реакциях представителей разных подгрупп на новый язык. Например, изучение смены родного языка португальским среди немецких иммигрантов Бразилии показывает различные важные корреляции (Willems 629). Смена языка идет параллельно с урбанизацией колонистов; она происходит быстрее в самых низких социальных слоях, но среди католиков совершается скорее, чем среди протестантов, а среди лиц с более высоким образованием быстрее, чем среди менее образованных. Быстрее всего идет она в триязычных местностях, где португальский язык находится на первом плане как всеобщее средство общения ⁴¹. Благоприятствуют смене языка также условия, при которых одновременно происходит отказ от неязыковых форм немецкой культуры. В литовском селении Восточной Пруссии отмечалось, что рабочие и ремесленники испытывали значительно меньше затруднений при переходе на немецкий язык, чем более консервативные крестьяне, неприязненно относящиеся к городским новшествам (Gerullis 173, 64). Аналогично этому на Гебридских островах гаэльский язык сохраняется в селах, что связано с враждебностью крестьян к англоязычным городам (Smith 515).

Очевидно, что столь разнообразные ситуации нельзя отразить в одном простом положении, объясняющем все более высоким «престижем» или «социальной значимостью» какого-либо из языков. Исследование одной многоязычной местности в центре Шлезвига показало, что стандартный немецкий язык, который многие говорящие охотно признали бы более «высоким» в социальном отношении идиомом, вытеснил датский язык полностью во всех функциях, а диалект нижненемецкого языка — лишь частично (см. Selk 503, Nahn 194). Конфигурация доминирования может усложняться, поэтому здесь нужно опасаться упрощений не меньше, чем при рассмотрении окружения интерференции (с. 165).

Вообще все возможные последствия языковой лояльности (ср. § 4.4) в процессах противодействия смене языка следует тщательно проанализировать. Многие языки низкого «престижа» смогли сохраниться в течение длительного времени, несмотря на постоянную угрозу смены другим языком. Например, швейцарско-немецкий смог устоять перед натиском стандартного немецкого языка благодаря

особенно благоприятному социокультурному окружению. Многие «устаревшие» языки получили новые права на жизнь вследствие восстановления языковой лояльности их носителей ⁴², что сделало предсказание смерти языков рискованным делом.

Наконец, смена языков, как и интерференция, может и должна исследоваться при самом тщательном учете фактора времени. Глубокое исследование «динамики» смены датского языка стандартным немецким в Шлезвиге выполнил П. Селк (Selk 504). Но вместо того, чтобы рассмотреть, как сменялись языки в одной функции за другой, он сосредоточил все свое внимание на уровне семейного общения и вследствие этого привел данные лишь о полной смене языка. В исследовании значения фактора времени при полной смене языка Арсенян соотнес длительность пребывания в США родителей и двуязычие их детей, а также провел количественные измерения смены языка в среде итальянской и еврейской иммиграции (Arsenian 27, 69).

4.7.2. Лингвистическое значение

Если процессы интерференции и смена языка взаимосвязаны, то имеющиеся в распоряжении данные об одном из этих явлений можно использовать для понимания другого. Было, например, высказано предположение, что смена языка характеризуется перенесением слов, тогда как калькирование является типичным признаком устойчивого двуязычия без смены языка ⁴³. Другим гипотетическим допущением было то, что при медленной смене языков выживающий язык содержит меньше закрепившихся явлений интерференции, чем в случае быстрой смены (Селищев 14, 38). Были предложены и другие зависимости.

Основные проблемы таковы: происходит ли смена языка и процессы языкового влияния в одном и том же направлении? Соразмерны ли их темпы? Означает ли пауза в смене языка паузу и в интерференции или, напротив, формирование нового языка?

То, что смена языка не исключает лингвистического влияния в противоположном направлении, т. е. интерференции в «побеждающем» языке, видно из того, что в этом живом языке сохраняются слова из того, который вышел из употребления; таким способом, например, заимствуются в английский язык США слова из уходящих иммигрантских языков. Но

все еще неясно, при каких условиях побеждающие языки воспринимают от побежденных больше, чем отдельные лексические элементы.

Нет сомнений, что именно социокультурные условия определяют, усвоят ли носители «побежденного» языка новый язык настолько хорошо, что в нем не останется никаких следов предыдущего, или они изучат его недостаточно, передавая будущим поколениям фонетические и грамматические особенности своей речи в виде субстрата. Таким образом, исследователь должен искать в смене языка не только те факторы давления, которые определяют выбор языка, но и те, следствием которых является большая или меньшая тщательность изучения нового языка, а также действие нивелирующих, выравнивающих сил, следы прежних языков. Система образования, географическая доступность, сельский или городской характер населения, сменяющего язык, являются существенными факторами для понимания того, как образуются субстраты. «Обычно считают, — говорит Шухардт, — что первоначальный язык всегда «просовывается» сквозь новоприобретенный; но какой своей стороной, какой частью? Мы должны знать историю народа, чтобы решать, следует ли интерпретировать *AI* как *A'* или как *I^a*» (Schuchardt 493, 528 и сл.).

Данные о культурных лексических заимствованиях уже давно принято использовать для реконструкции тех социальных, культурных и политических условий, при которых эти заимствования совершались⁴⁴. Если изучение конкретных случаев языкового контакта показывает, что определенные типы интерференции при одних специфических социокультурных условиях закрепляются, а при других нет, то реконструкцию социальных ситуаций прошлого следовало бы, может быть, подкрепить не только фактами культурных заимствований, но и другими лингвистическими данными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. предпочтение, отдаваемое определенным типам речевого поведения, описанное Девре в культуре могавков (Devereux 128, 268).

² Например, могавки, по данным Девре, «проявляют большое нежелание говорить по-английски, если не владеют английской речью хорошо» (Devereux 128, 270). Хотя чрезмерные переключения и могут объясняться слишком ранним и неспециализированным использованием обоими языками (§ 3.2.1), возможности социальной обусловленности в таких случаях значительно большие.

³ Был изучен нами в 1949—1950 гг. (610, 268—436).

⁴ Несмотря на сделанные нами оговорки относительно неясности термина «родной язык» (§ 3.3.2), им можно пользоваться в данном техническом значении «язык, изученный первым».

⁵ Гротэрс называет это «стилистическим двуязычием» в отличие от «социального двуязычия», в котором участвуют две группы родного языка (Grootaers 188).

⁶ Роль физических преград в культурном и языковом обособлении немецких этнических анклавов в Словакии графически показал Кун (Kuhn 295).

⁷ Ср. Draye 135, Dhondt 130, Valkhoff 575 — о французско-фламандских языковых границах в Бельгии; Levy 315 — об Эльзас-Лотарингии; Zimmerli 643 — о французско-немецких языковых границах в Швейцарии; Waltershausen 592 — о размежевании немецкого и ретороманского; Bock 72 — о зонах немецкого и датского языков в центральном Шлезвиге; Kloss 282 — об отрезке немецко-датской языковой границы.

⁸ В Швейцарии жители какого-нибудь селения, например, говорящие по-немецки католики селения Ла Шельте, иногда переходят языковую границу, отправляясь в соседнюю общину в церковь; ср. Wartburg 593, 158.

⁹ Например, Валленрид близ Муртена в Швейцарии, описанный в Weinreich 610, 233—235. Относительно проблем картографии, связанных с неясностью языковых границ, ср. Pfaundler 400; Sieger 508 и Sidaritsch 507, а также карту Штирии в Schmidt, Neumann 482, где использованы новые принципы; ср. также Weinreich 610, 52, и сл., 100, 103.

¹⁰ Тщательное исследование дома за домом могло бы, однако, обнаружить различия в концентрации членов группы родного языка.

¹¹ Ср. исследование соотношения городской социальной структуры и аккультурации у Caplow 106.

¹² Нем. *Samstag* или *Sonnabend*, идиш *šabes*.

¹³ В католической Бразилии, по данным Виллемса, семьи протестантов более привязаны к родному немецкому языку, чем семьи немецких иммигрантов-католиков. См. специальное исследование отношений религиозных и языковых групп: Grentrup 186.

¹⁴ См. специальное исследование Cornish 118.

¹⁵ Сепаратистские тенденции, вызываемые религиозными различиями, иногда настолько сильны, что они подкрепляют формирование новых языков в ситуациях контакта; ср. § 4.6.

¹⁶ См. также: Capidan 101, 127-132 о румынах в Албании, среди которых одноязычные женщины имеют несколько иную фонетику, чем многоязычные мужчины, и Lévy 312 о некоторых различиях между мужчинами и женщинами — носителями идиш.

¹⁷ В швейцарской местности, где происходила смена ретороманского языка немецким, нам удалось установить статистически уменьшение процента лиц с родным языком ретороманским в порядке снижения возрастных групп (Weinreich 610, 344—347).

¹⁸ Селк использовал различия в языковых навыках различных поколений для измерений процесса смены датского языка немецким в Шлезвиге (Selk 504).

¹⁹ Когда одну швейцарскую женщину из местности, сменившей язык на французский, попросили говорить на местном наречии, она ответила: «Почему? Что, нас слышит слишком много ушей?» Ср.: Gauchat 169, 25. См. также: Селищев 14 об эзотерических функциях чувашского и черемисского языков в тех местностях, где они уже вышли из общего употребления.

²⁰ С этим схож также факт, наблюдавшийся Суодешом: «Когда новый язык принят сообществом, всегда находятся определенные группы и отдельные личности, особенно упорствующие в сохранении старого языка» (Swadesh 545, 234).

²¹ Розенквист отмечает аналогичный факт: шведский язык в США перед тем, как подвергнуться смене, сильно изменился под влиянием английского (Rosenquist 450).

²² Подобные этому языковые образования были обнаружены Келлером в Тичино в Швейцарии (Keller 270).

²³ Свой тайный язык, развившийся из западного идиш, они называют *Lošlekoudeš*. Он будет описан нами в отдельной работе.

²⁴ В области аккультурации нежелание «ссужать», обусловленное природой данного элемента культуры, проявляется в таких явлениях, как монополии, патенты, секретная дипломатия; ср. Devereux, Loeb 129, 134 и сл.

²⁵ Этот термин будет в таком случае соответствовать термину «престиж», т. е. значимости языка как средства продвижения в обществе (ср. с. 136, примечание 21). Такая терминология соответствует предложенному Блумфилдом различению «высшего или доминирующего языка, на котором говорит побеждающая или в чем-либо более привилегированная группа, и низшего языка, на котором говорят покоренные, или находящиеся в зависимости лица, или, как в Соединенных Штатах, простые иммигранты» (Bloomfield 69, 461). Нечего и говорить, что выводы Блумфила из этого различения нуждаются в проверке с использованием более точных методов социолингвистического анализа.

²⁶ Иногда языковую лояльность могут даже использовать в целях политической агрессии. Новейшая история Европы изобилует попытками силой навязать языки населению различных стран...

²⁷ Подобные утверждения справедливы и в отношении неязыковых аспектов культуры. Как пишет Кребер, «люди, вырастая, действительно привязываются к видам своей культуры... К тому времени, когда они становятся взрослыми, их представления о своей культуре окрашиваются приятными ностальгическими эмоциями и приобретают значение символическое» (Kroeber 293, 437).

²⁸ Кребер определяет нативизм следующим образом: «После того как два сообщества вступили в контакт, достаточно тесный для того, чтобы одно из них ощутило, что противоположное сообщество является более многочисленным, более сильным или лучше оснащенным и что по этой причине его собственная культура замещается культурой этого сильного общества, часто возникают сознательные усилия, направленные на самосохранение или самозащиту. Такие реакции называются нативистскими ...» (Kroeber 293, 437). Лучшим обзором этой проблемы является, по-видимому, Linton 317.

²⁹ Робертс использует термин «контрпрестиж» для обозначения реакции на престиж (Roberts 447). Поскольку в нашей работе термин «престиж» употребляется в более узком смысле, использование термина «контрпрестиж» в понимании Робертса могло бы вызвать недоумение.

³⁰ См., например, схематический, но превосходный обзор развития новых германских стандартных языков в Kloss 281.

³¹ Одним из типов такой реакции является пуризм, т. е. сознательное сопротивление всякой интерференции, принятое как принцип. Но языковая лояльность не обязательно пуристична. В гитлеровской Германии, где так много спекулировали на символической ценности немец-

кого языка, пуристам так же приходилось бороться за свои права, как и в догитлеровские времена...

³² Ср. также сильное смещение в англо-испанском слэнговом аргочуко юго-запада Африки, описанном в: Barker 38, и вообще большой процент неэтимологизируемых слов во всяком слэнге.

³³ В исследованиях аккультурации тоже отмечается невнимание к фактору времени. Редфилд, Линтон и Герсковитц все же включали в свой «Меморандум» «фактор времени, истекшего с момента принятия данной особенности культуры» (Redfield, Linton, Herskovits 429), но Билс отмечает, что «полевые исследования аккультурации носят в основном описательный характер; скорее нам показывают результаты аккультурации, чем попытку раскрыть ее динамику... Динамические ситуации, давно признанные физиками, требуют использования еще одного измерения — времени. Для этого требуется новая техника и новые стандарты» (Beals 51, 628, 638).

³⁴ Относительно шведского это установлено в: Kock 287, португальского: Rap 392, 83, литовского: Senn 505, других языков: Wechsler 595, 446.

³⁵ Об остатках ретороманских звуков в одной из разновидностей швейцарско-немецкого см.: Kessler 273; о живучести шведского «акцента» в американском английском на протяжении нескольких поколений см.: Rosenquist 450 (упоминаем только два из бесчисленного количества примеров).

³⁶ Эта проблема довольно подробно обсуждается в: Loewe 321. Подобные наблюдения снова-таки делаются при исследовании аккультурации. В некоторых ситуациях смены культуры было отмечено развитие новых, промежуточных культур, чего в других ситуациях не происходило. Так, Виллемс сообщает, что среди некоторых немецких иммигрантов Бразилии чувство неполноценности по отношению и к немецкой исходной и к лузитано-бразильской культуре психологически компенсировалось существующей маргинальной, или промежуточной, «тевтобразильской» культурой (Willems 627, 156; тоже 245—272, особенно 265 и сл.). Виллемс опирается здесь на теорию маргинальной культуры, разработанную Гольдбергом в качестве антитезиса к теории маргинального человека (Goldberg 177). С другой стороны, селение индейцев кечуа в Эквадоре в процессе аккультурации почти полностью минуло промежуточную стадию метисской культуры, развивающуюся в других частях этой страны; см.: Beals 51, 73.

³⁷ Промежуточная форма между *dimotiki* и «чистой» *katharevusa*; ср. Steinmetz 534.

³⁸ Детально описан в: Borchling 78.

³⁹ Термин предложен Робертсом (Roberts 447).

⁴⁰ Ср.: Hirt 229, 252. Холл тоже пишет: «Трудно себе представить, чтобы в настоящее время все члены какого-либо языкового сообщества были вынуждены изучить субстандартную разновидность второго языка» (Hall 195, 19).

⁴¹ Действие триязычия обсуждал также Райнеке, который сообщал: «Чем более какая-либо местность многоязычна, тем, естественно, больше шансов на распространение имеет пиджин или любой другой новый язык ... В Полинезии, где диалекты полностью или почти взаимно понятны, никакой жаргон не имеет шансов на закрепление, разве что на временное. Но в Меланезии и в местностях с папуасскими языками, где каждое селение имеет свой язык, бич-ла-мар распространился, как пожар...» (Reinecke 438, 112).

⁴² См. обзоры Клосса в области германских языков, в которые он включил также идиш (Kloss 281, 283). О лаллане (шотландском языке). см. также: Ziekursch 642 и Wagner 591. Превосходный социолингвистический анализ подъема и упадка французско-датского диалекта дан в: Hellinga 216. Кельтские параллели см. в: Rees 436, о валлийском тоже: Weinreich 608. Детали о ретороманском языке представлены в: Weinreich 610, 171—177, 363—383.

⁴³ Например, Виллемс отмечает, что в немецком языке бразильских иммигрантов кальки встречаются чрезвычайно редко (Willems 629, 279).

⁴⁴ О теоретических принципах ср.: Windish 632; о координации лингвистики и истории в англо-французских отношениях см. Mackenzie 333. Восьмитомное исследование заимствований в немецком языке, выполненное Зайлером,— одно из высших достижений в этом направлении (Seiler 501).

5. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ВОЗМОЖНОСТИ

5.1. НЕОБХОДИМОСТЬ ШИРОКОГО ПОДХОДА

Из анализа механизмов лингвистической интерференции, ее структурной обусловленности и сопутствующих ей определяющих психологических и социокультурных факторов вытекают следующие главные проблемы:

Какой из языков, участвующих в данном языковом контакте, будет источником интерференции и каких ее форм? С какой полнотой будут включаться последствия интерференции в систему языка-реципиента? Как глубоко в языковую территорию будут они проникать?

Начиная с конца XIX ст. некоторые лингвисты пытались объяснить конкретные результаты языкового контакта его социокультурным окружением. После того как было показано, что перенесение лексики может быть объяснено культурной обстановкой¹, аналогичные методы попытались применить и к интерференции в областях языка с более высокой структурной организацией — в звуковой системе и грамматике. Например, Хемпл в своем классическом труде, написанном в 1898 г., делил языковые контакты в соответствии с демографическими и культурными характеристиками соответствующих сообществ, показав, что стабилизация или устранение результатов интерференции менялись в зависимости от многих внешних обстоятельств (Hemphill 217). Эта концепция вряд ли может вызвать какие-либо возражения и в наши дни. Но приводимые Хемплом аргументы, хотя и дают частичное объяснение направления интерференции и возможной глубины ее проникновения, мало чем могут помочь в выявлении принципов избирательности, в соответствии с которыми те или иные явления интерференции подлежат либо закреплению в языке-реципиенте, либо устранению. Удивительно, что представители общественных наук, занимающиеся проблемами языка, сделали так мало, чтобы применить свои достижения и методы к обсуждаемым здесь вопросам.

Совершенно иной подход к этим проблемам был предложен дескриптивной лингвистикой XX ст., когда пражские фонологи конца 20 — начала 30-х гг. решали проблему интерференции в ее структурном аспекте. Они придерживались мнения, что перенесение лингвистических признаков с одного языка на другой представляло собой лишь вид общих языковых изменений, так как, по словам Якобсона, «отличия языка не являются препятствием для проникновения фонологических или грамматических средств» (Jakobson 250, 193) ². Выбор новых особенностей для восприятия другим языком, в представлении пражских лингвистов, управляется структурой языка-реципиента таким же образом, как и распространение изменений в пределах одного языка определяется его структурой. Из видоизмененной речи двуязычных перенимается то, что соответствует структуре языка-реципиента, остальное игнорируется (Jakobson 252). В соответствии с этим любой язык рассматривается как находящийся в постоянной экспозиции к потенциальной интерференции, исходящей от соседних языков. На этом основании пражская школа начала устанавливать «фонологические области, в которых языки, в генетическом отношении различные или дивергентные, показывают общность фонологических признаков» (Martinet 344, 26) ³.

Новое направление дало целый ряд исследований о разделении структурных признаков и распространении структурных изменений, — главным образом, в области фонем ⁴ — среди соседних неродственных языков (Jakobson 19; van Wijk 626; Havránek 213; Tesnière 556). Его представители симпатизировали также параллельным усилиям других школ, например, работам американских лингвистов Боаса (Boas 70), Сэпира (Sapir 469) и их школы (ср. Jakobson 250). Были также интересные попытки определить, какие географические условия благоприятствуют распространению языковых инноваций и образованию лингвистических зон (Savickij 471). Конечно, сначала в этих новых открытиях внимание сосредоточивалось на структурных вопросах, тогда как социальная среда языкового контакта оставалась на заднем плане. Но в позднейших публикациях уже давалось более правильное соотношение между различными факторами. Например, Мартине объединил социологический и структурный подходы в своем рассмотрении проблем, оказавшихся неразрешимыми для каждого из этих методов в отдельности ⁵. Так, замещение в испанском языке *F*

посредством *h* как результат баскского влияния объясняли раньше «акустической эквивалентностью» этих звуков. Мартине показал нелогичность этого противоречивого аргумента и предложил намного более убедительное решение, основанное на рассмотрении всей фонемной структуры старобаскского языка (Martinet 346, 141—143). Затем он рассмотрел социокультурные условия, при которых происходил процесс интерференции баскского языка. Некоторые исследователи этой проблемы считали, что процесс замещения (*h* → F) трудно себе представить ввиду низкого социального статуса баскского языка по сравнению с латинским. Но, как смог показать Мартине, при более дифференцированном рассмотрении социокультурного окружения, принимающем во внимание преобразование Кастилии из отдаленной окраины Романии в край, пользующийся политическим и культурным превосходством, постулируемое фонетическое развитие оказывается вполне вероятным⁶.

Цель нашей работы — показать полезность такого двойного подхода, исследующего многие разнообразные факторы как структурного, так и социокультурного характера, от которых может зависеть результат языкового контакта. Касаясь принципов или решений конкретных проблем, мы предлагаем лишь немногие окончательные выводы, ибо главное в нашем изучении — сформулировать цели исследования и обсудить методы его проведения.

5.2. МНОЖЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для теории интерференции, как и для методики ее изучения, может иметь большое значение исследование множественных языковых контактов, т. е. случаев, когда один и тот же язык находится в контакте с двумя и более языками. При том, что структура этого одного языка постоянна, влияние его на другие языки и обратное воздействие на него можно описать во вполне сопоставимых терминах. Вероятность какой-либо случайной конвергенции или схождения, вызванного другими неконтролируемыми причинами (Martinet 346, 156), в этих случаях значительно уменьшается.

В некоторых частях земного шара образуются постоянные языковые водовороты и встречаются языки, которые чаще других сталкиваются со встречаемыми лингвистическими течениями.

Одним из таких известных районов множественных языковых контактов является Балканский полуостров. В течение ряда десятилетий он приводит в восхищение исследователей интерференции. Со времен Шухардта этот район служит хранилищем, откуда черпаются примеры практически любого типа интерференции. Специальные журналы, посвященные балканистике, исследуют проблемы общих языковых и культурных особенностей этого района, этой теме посвящено множество отдельных публикаций⁷.

Особенно разнообразные и тесные контакты с другими языками на протяжении всей своей истории имел язык идиш. Он развивался на территории немецких диалектов. Одна его ветвь созревала в самой Германии, другая — в славянском окружении, еще некоторые ветви — в контакте с румынским, венгерским, литовским и латышским языками. В Эльзасе и Лотарингии идиш развивался на окраинах франкоязычной территории. В конце XIX — начале XX ст. большая часть языкового сообщества идиш вышла из сферы влияния славянских и других языков Старого Света и вошла в новый контакт с английским, испанским и португальским языками в Америке. Таким образом, в истории идиш мы находим определенную базисную структуру языка, которая то отстаивает себя, то подчиняется какой-нибудь внешней интерференции с тем, чтобы интегрировать ее последствия в новом своеобразном целом в зависимости от специфических исторических обстоятельств. Такие структурные признаки идиш, как, например, оппозиция палатализованных и твердых согласных, совершенного и несовершенного вида глаголов, были, во всяком случае, частично, приобретены и поддержаны контактом со славянскими языками. В Америке, где эта поддержка исчезла, можно наблюдать начало стирания этих различий и приобретение новых моделей.

В связи с этим важно также сравнить структурные особенности различных диалектов идиш Старого Света. Они различаются, к примеру, в трактовке внешнего сандхи. Восточные диалекты следуют, по-видимому, белорусско-русской системе, тогда как центральные согласуются скорее с моделями (Восточной) Польши (Gutmans 190). Исследование языка идиш может способствовать изучению в широких масштабах проблемы совпадения и несовпадения структурных изоглосс языков, функционирующих на одной и той же территории (см. Weinreich 611)⁸.

Структурное разнообразие внешних влияний в различном социокультурном окружении позволяет рекомендовать такие языки, как идиш, и такие зоны, как балканская, вниманию исследователей интерференции *.

В развитии теоретических и практических средств исследования интерференции возникают определенные новые возможности, если для анализа выбирать такие ситуации языкового контакта, которые доступны для наблюдения простыми полевыми методами и впоследствии описаны по самым строгим стандартам. В этом случае мы можем избежать риска, связанного с реконструированием структурных и социокультурных ситуаций прошлого. Полученные представления и процедуры, выработанные для синхронного изучения, можно затем использовать при решении проблем диахронической структурной лингвистики. По этой причине множественные языковые контакты, осуществляющиеся сейчас в таких странах, как Индия или Израиль, представляют собой привлекательное поле для исследователя. Особенно перспективные возможности в этом отношении открываются в Америке. Было бы прискорбно, если бы все эти легко доступные и почти неизученные лингвистические «супер-Балканы» остались незатронутыми.

Взять, например, Америку. Даже в изучении аборигенных индейских языков проблема множественного контакта могла бы стать новым благоприятным отправным пунктом (Voegelin 583, 58). Но, по-видимому, еще более увлекателен анализ иммигрантской речи в Америке (ср.: Meillet 350, 114—116). Десятки европейских и несколько азиатских языков используются здесь десятками миллионов жителей. Это языки (некоторые из них имеют по несколько четко выраженных диалектов) самой разнообразной структуры, а социокультурные отношения между различными языковыми сообществами составляют целую гамму — в одной только Северной Америке от вполне прочных позиций французского языка в Канаде через респектабельное отмирание скандинавских языков в сельских местностях Среднего Запада до низкого статуса восточноевропейских языков в больших городах или индейских — вблизи резерваций. Америка представляет также возможности для исследования языковых сообществ (например, группы носителей идиш), которые были двуязычными еще в Старом Свете, но вышли из контакта с прежним языком и вошли в контакт по эту сторону океана с английским или испанским языком.

В Соединенных Штатах, во всяком случае, тема языковых контактов была «на протяжении многих лет в явном пренебрежении... Двухязычный индивид часто представлялся маргинальной личностью, а изучение его поведения находилось где-то на самой окраине научных интересов» (Haugen 208, 272). Перемены к лучшему произошли, когда Комиссия по американской речи при Американском совете научных обществ поставила проблему не-английской речи в Соединенных Штатах⁹. Понимая, что исследование языков меньшинств «имеет значение... для общего языкознания» (Hans Kurath; см. 24, No 43, 35), комиссия предприняла попытку подытожить дескриптивные работы в этой области и установить контакты между заинтересованными учеными. С тех пор книги и статьи, относящиеся к этой тематике, появляются во все возрастающем количестве, причем в каждой из них сообщаются важные и полезные данные. В то же время среди них нельзя найти даже двух работ, материал которых был бы пригоден для сравнения, настолько в каждом случае различны используемая лингвистическая техника и социологическая ориентация (если только они вообще есть). Таким образом, главной задачей в планировании исследований является способствование координации изучения в этой области, выработка общих для всех правил описания. Тогда новые исследования будут более систематичными, а их результаты — более сравнимыми. Это, в свою очередь, увеличит их полезность и для диахронических исследований.

Автору остается выразить надежду, что данная работа послужит стимулом для координации исследований в области языковых контактов, проводимых на широкой лингвистической и социологической основе, которая уже заложена лингвистами различных стран мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. очерк Э. Виндиша, опубликованный в 1897 г. и часто цитируемый (Windisch 632), и статью: Wackernagel 590. Шухардт, конечно, предвосхитил их в своем до сих пор непревзойденном *Slawo-deutsches und Slawo-italienisches* 1884 г. (Schuchardt 491).

² См. также изложение этой теории у Мартине (Martinet 344, 24 и сл.).

³ Первое определение языкового союза (Sprachbund) или языкового «сродства» было предложено Трубецким в 1928 г. (Troubetzkoy 569).

⁴ В последнее время возродился интерес и к грамматике; см.: Martinet 340.

⁵ Основные принципы изложены в: Martinet 346, особенно с. 155. См. также Vogt 585, 32.

⁶ Ряд других примеров звукового изменения, обусловленного иноязычным влиянием, Мартине подверг анализу, сочетая учет структуры и социокультурного окружения, в другой работе (Martinet 342).

⁷ Ср. замечательное введение в *Revue internationale des études balkaniques*: Skok and Budimir 513. В библиографическом списке приведены известные труды Зандфельда (Sandfeld 461—466). См. также серию: Sufflay 542 и Barić 36, а также исследование балканского фольклора: Schneeweiss 490.

⁸ В большинстве языковых областей переплетение с другими языками является в лучшем случае маргинальным. См. рассмотрение польско-немецкой общетерриториальной диалектологии в: Mitzka 368, 87—91.

⁹ Труды ее конференции были опубликованы в бюллетене Совета (Bulletin 24, No 34). См. также No 40, 29; No 43, 35.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ВЛИЯНИЕ ДВУЯЗЫЧИЯ НА ИНДИВИДА

С той точки зрения, с которой языковой контакт и интерференция рассматриваются в основной части этой книги, влияние двуязычия на неязыковое поведение имеет в основном вторичное значение. Однако этому аспекту двуязычия уделено в литературе, по-видимому, больше внимания, чем любому другому (см. Schliebe 480, Arsenian 27, 28). В самом деле, любая зависимость между двуязычием индивида и его способностями или особенностями характера имела бы серьезное если не лингвистическое, то социальное значение. Если верить таким авторам, как Вайсгербер, то двуязычие может принести вред умственному развитию и творческим способностям многих поколений целой этнической группы (Weisgerber 614). Ввиду важности этой проблемы мы приводим в этом приложении обзорные данные о влиянии двуязычия на умственное развитие и эмоциональное приспособление человека.

1. Влияние на умственное развитие ¹

Одной из первых экспериментальных работ об умственном развитии двуязычных было исследование Д. Саэр, которая провела тестирование 1400 детей в пяти сельских и двух городских местностях Уэльса. Тесты показали следующие коэффициенты:

	<i>Городские</i>	<i>Сельские</i>
Одноязычные	99	96
Двуязычные	100	86

Более низкие показатели у сельских детей Саэр объясняет тем, что городским детям приходится разрешать конфликт между валлийским и английским языками в раннем возрасте, еще до поступления в школу, тогда как у сельских детей конфликт между своим «позитивным самосознанием» и

«инстинктом подчинения» назревает позже, когда они уже не могут его легко преодолеть ².

Джемисон и Сэндифорд в 1928 г. нашли, что среди канадских индейцев одноязычные в трех тестах из четырех превосходили двуязычных в умственном развитии (Jamieson, Sandiford 255). Дэвис и Хьюз провели в Лондоне сравнительное исследование умственного развития еврейских и нееврейских детей. Первые — преимущественно двуязычные — дали более высокие показатели (Davies, Hughes 126).

Подытоживая 32 исследования, проведенные в Соединенных Штатах, Арсенян отмечает, что 60% из них выявили трудности, обусловленные двуязычием; в 30% — трудности если и были, то несущественные; 10% не обнаружили ничего, что свидетельствовало бы о каких-либо трудностях. Такое большое расхождение результатов Арсенян относит за счет несовершенства методики исследования (Arsenian 27). Неубедительные результаты столь большого количества предыдущих работ стали поводом для того, чтобы Арсенян провел собственное исследование, лучше обоснованное теоретически, использующее большие по объему речевые образцы, лучшую методику и более тонкое средство проверки в виде двуязычной схемы Гоффмана (Hoffman 234). Была проведена проверка умственных способностей, возрастных и социально-экономических характеристик двуязычных детей Бруклина в штате Нью-Йорк, которой было охвачено 1152 итальянских и 1196 рожденных в Америке еврейских детей в возрасте от 9 до 14 лет. В результате Арсенян не нашел какого-либо значительного влияния двуязычия на умственные способности как группы в целом, так и какой-либо ее части. Сравнив показатели умственного развития детей с «высокой» и «низкой» степенью двуязычия, Арсенян снова не нашел какой-либо существенной разницы. Дополнительное исследование Арсеняна в сотрудничестве с Пинтером только подтвердило установленную раньше нулевую зависимость между двуязычием и развитием, а также приспособляемостью к условиям школы (Pintner, Arsenian 405).

В. Туссэн в исследовании, проведенном в 1938 г. в Бельгии (не попавшем в обзор Арсеняна), попытался сравнить умственное и нравственное развитие одноязычных и двуязычных детей — фламандцев и валлонов, проведя письменные испытания двух групп по 40 человек. Результаты показали, что двуязычие отрицательно сказывается на умственной деятельности учеников начальной школы (Toussaint

563). Штеккер, наоборот, сообщил о том, что двуязычие не оказывало вредного влияния на умственные способности детей Южной Америки (Stecker 532).

В обозрении двуязычия в Южной Африке показано, что «дети из более или менее двуязычных семейств в целом более умственно развиты, чем дети совсем одноязычных, будь они англоязычны или носители африкаанс... Это превосходство в умственном развитии... обусловлено, по-видимому, селективными факторами социального характера, действующими в южноафриканском обществе». Эти факторы еще необходимо исследовать (Malherbe 335). Во всяком случае, здесь не существует никаких расхождений с выводами Арсеняна.

Д. Т. Сперл нашла, что ее подопытные двуязычные в умственном развитии не отличались от одноязычных, в профессиональной области превосходили их слегка, а в научной работе значительно (Spoerl 528).

Джонс и Стьюарт в 1951 г. снова подтвердили, что по результатам их опытов одноязычные превосходили двуязычных в умственном развитии, что наблюдалось в тестах как вербального, так и невербального характера (Jones, Stewart 261). Итак, большинство экспериментаторов отрицает, что двуязычие оказывает вредное воздействие на умственное развитие. Противоположные результаты, полученные Саэр, Джемисоном и Сэндифордом, Туссэном, Джонсом и Стьюартом, нуждаются еще в проверке (ср. Bovet 82) ³.

2. Влияние на групповое самоопределение

Строение языковой группы — вопрос, находящийся в области интересов социологии, но проблема лояльности двуязычного, который потенциально принадлежит к двум языковым сообществам, может также относиться к области психологии индивида.

...В Соединенных Штатах, где смена языка представляет собой столь обычный элемент процесса аккультурации иммигрантов, проблема группового самоопределения двуязычных не привлекала к себе того внимания, какого заслуживала. Эксперимент Фишмана, имевший целью проверить групповое самоопределение двуязычных еврейских детей, показал, что двуязычие с языками идиш и английским не связано с самоопределением говорящего в качестве «американца» (Fishman 157). Это пионерское исследование имеет большое значение для будущих работ по изучению культуры

Америки (см. также Johnson 257 о двуязычии и формировании определенных взглядов на расовые проблемы). Образцовым в своей области является также труд Баркера, посвященный анализу социальной дезориентации у лиц, говорящих жаргоном пачуко, из населения Таксона в штате Аризона (Barker 38).

Гольдберг подверг резкой критике распространенный взгляд на двуязычного как на лицо, витающее между двумя социальными системами, — «маргинального человека». Он доказал, что маргинальная зона — это лишь тип определенной культурной области, причем содержание ее может быть таким же единым, как содержание любой другой культуры.

«Если (1) так называемый «маргинальный» индивид с самого рождения зависит в своем существовании от двух граничащих между собой культур; если (2) в этом существовании и в процессе зависимости он проявляет общность со многими другими индивидами ... если (3) с ранних лет он участвовал в общественной деятельности вместе с другими подобными ему «маргинальными индивидами» и, наконец, если (4) его маргинальное положение не вызывает для него каких-либо больших неприятностей ... то он вовсе не является «маргинальным» индивидом ... а представляет собой одного из носителей маргинальной культуры» (Goldberg 177, 53)⁴, что является в психологическом смысле совсем иным видом поведения. Пиэрис показал, что в некоторых случаях двуязычие означает маргинальность культуры, например среди носителей английского языка на Цейлоне; в других ситуациях оба языка представляют собой часть одной и той же культуры, как, например, языки ноко и кромо, на которых говорят соответственно представители знати и простого народа на Яве (Pieris 403). В Швейцарии нам приходилось наблюдать, что ретороманско-немецкое двуязычие не означает ни социальной, ни культурной маргинальности. Этнические термины «ретороманский» и «немецкий» означают так мало, что ими можно вообще пренебрегать, а это является одним из главных факторов, облегчающих смену языка (см. § 4.3.2 выше).

3. Влияние на формирование характера

Мнение, будто двуязычие вызывает трудности эмоционального характера, содержалось в скрытом виде уже в таких ранних трудах, как работы Эпштейна (Epstein 147) и Блохера (Blocher 68). Рис пошел даже дальше в своей попыт-

ке объяснить якобы плохой характер жителей Люксембурга их двуязычием или триязычием. «Характер люксембуржца скорее флегматичный ... У нас нет немецкой сентиментальности [Gemüt] и еще меньше французской живости... Наш двуязычный эклектизм... мешает нам консолидировать свое понятие о мире и не дает стать сильными личностями... Мы обречены на то, чтобы крылья нам подрезали скептицизм и страх перед ответственностью...» и т. д. (Ries 445; 446, 17 и сл.). Такие свидетельства, конечно, нельзя использовать при исследовании последствий двуязычия, хотя Туссэн и отнесся к ним с полной серьезностью (Toussaint 563, 89).

Гали высказал предположение, что двуязычные могут быть нравственно испорченными, поскольку они в детстве не получают эффективного религиозного обучения на родном языке (Gali 165).

Паули изучал почерки двуязычных (Pauly 395).

Мы уже говорили о большом интересе немецких ученых к вопросу о влиянии двуязычия на характер говорящего (ср. также Sander 459). Генсс полагает, что существует взаимная зависимость между заиканием⁵, свойством быть левшой и двуязычием, и тоже приходит к выводу, что двуязычие — это зло (Henss 218). Двуязычные дети, доказывает он, особенно те, которые находятся за пределами родной страны, «рано начинают размышлять по поводу своих особенностей и отличий от окружающего мира; они приходят к внутреннему раздвоению [Zerissenheit] и начинают бороться за то, чтобы внести ясность в свое положение и стать цельной личностью [Ganzwerdung]», что, в свою очередь, ведет к интеллектуальному и нравственному упадку. «Двуязычие всегда связано с гибридной культурой и ее последствиями», в том числе сопутствующими ей пороками, вроде тех, которые «демонстрировал» Рис.

Михаэлис заявляет, что двуязычные дети немецких торговцев на Ближнем Востоке страдают от «бедности понятий», поверхностности, лени и явной материалистичности характера (Michaelis 357). Другой немецкий автор Зандер заявляет: «Двуязычие не только вызывает безвредные ошибки в речи, но идет значительно глубже (особенно, если насаждается силой в раннем детстве), подвергая опасности закрытую и самососредоточенную цельность развивающейся структуры... Каждый язык как членораздельная [gegliedert] система устанавливает в тех, кто им пользуется, очень определенную, относительно однородную и закрытую ориенти-

рованность в восприятии, чувствах и мыслях. Следствием детского двуязычия является то, что обусловленные языком внутренние отношения не останутся обособленными в душе ребенка, а будут вступать в напряженные конфликты... Эта функциональная оппозиция двух языковых образований может приводить к сотрясениям структуры» (Sander 460).

Допуская, что двуязычие может благоприятствовать развитию аналитических способностей, он, тем не менее, считает, что оно создает препятствие для более важного вида способностей — способностей синтезировать. Затем он переходит к «двуязычию чувств» и нравственной неполноценности двуязычных, их «корыстному релятивизму», утверждая, что двуязычные так же меняют в зависимости от ситуации свои принципы, как в зависимости от собеседника они переходят с языка на язык.

К. Мюллер считает, что он доказал, будто особенно пагубный вид двуязычия жителей Верхней Силезии ухудшил их способности мыслить и чувствовать (Müller 377).

Вайс высмеивает такие рассуждения, доказывая, что «психологическая цельность двуязычного страдает не от столкновения лингвистически закрепленных понятийных систем, а от ненадежности внешних условий его жизни» (Weiss 616). Эта концепция представляет собой попытку внести подлинную ученость в политические спекуляции по психологическим проблемам.

По поводу мнимой опасности культурного конфликта, связанной с двуязычием, высказался и ряд американских авторов. Раубичек (Raubicheck 423) и Леви (Levy 313) рассматривают трудности, возникающие от нетерпимости и нередко жестокости американского окружения к детям, говорящим не по-английски (ср. тоже Naught 212)⁶. Из анализа семнадцати документов Боссард делает вывод, что двуязычные вынуждены выработать ряд средств «защиты», например, сдержанность в речи, неприметность в поведении, уклонение от нахождения в домашнем кругу и педантизм в английском языке (Bossard 80).

Исследование Сперл отличается от всех предыдущих своей солидной экспериментальной основой. Для исследования «различных эмоциональных факторов, действующих в период обучения в колледже, но проистекающих из опыта пребывания с самого детства в двуязычном окружении», Сперл подвергла испытанию группу из 101 студента первого курса

колледжа, обращая главное внимание на различные симптомы плохой приспособляемости. В результате она пришла к выводу, что причиной плохой приспособляемости был не «умственный конфликт», являющийся следствием того, что дети говорили на двух языках, а более частые и глубокие семейные конфликты в двуязычных семьях (Spoerl 527) ⁷. Таким образом, двуязычие и его последствия функционируют как модель, представляющая комплекс элементов культуры, но не являющаяся для индивида непосредственным препятствием.

Исследовав группу детей с целью установления корреляции между степенью их двуязычия и обычаями дружить и проводить досуг, Фишман не нашел никаких заметных соответствий (Fishman 157).

Конечно, многое может зависеть от характера отношений, существующих между двумя языковыми сообществами. Боссард упоминает об особых трудностях при двуязычии, возникающих в том случае, когда второй язык — это язык враждебной нации (Bossard 80). «Война часто отражается на двуязычном особенно жестоко, так как для него она превращается почти в гражданскую войну» (Christophersen 112, 9 и сл.). Но утверждение о вредном воздействии двуязычия на эмоциональную жизнь в целом не подтверждается полученными до сих пор экспериментальными данными, в частности сообщенными Сперл и Фишманом. Если бы такое воздействие действительно существовало, то двуязычное население было бы более глупым, менее практичным, менее приспособляющимся к условиям, чем одноязычное сообщество (здесь мы перефразируем Лерера: см. Lehrer 304, 305), чего никто никогда не мог доказать. С другой стороны, трудности, создаваемые у двуязычных более сложной культурной ситуацией, в которой они находятся, нуждаются в изучении.

4. Проблемы образования, связанные с двуязычием

Во многих районах земного шара, где на одной и той же территории живут народы с разными языками, не всегда есть возможность собрать детей каждой языковой группы в особые школы, особенно, если они живут в небольших общинах. Поэтому даже там, где нет намерений навязывать меньшинству государственный язык, некоторые дети неизбежно получают образование не на родном языке. От этого не

только тормозится обучение таких детей, но страдает их знание собственного родного языка, совершенствованию которого не уделяется внимания. Более того, утверждают, что в сегрегированных школах («с одной средой») и даже в сегрегированных классах тех же школ («с параллельной средой») создается атмосфера, способствующая нетерпимости к другому языку и его носителям, а вследствие этого здоровая гражданская обстановка в двуязычной стране оказывается под угрозой.

Главными проблемами образования, имеющими отношение к двуязычию, являются организация школ в двуязычных местностях и совершенствование педагогических методов обучения обоим языкам. Из всех вопросов, касающихся двуязычия, этим следовало бы, вероятно, уделять постоянное внимание. Еще в 1910 г. Гибу (174) мог привести в своем библиографическом списке почти сто работ на немецком, французском, венгерском и румынском языках о двуязычных школах⁸. Женевское Международное бюро просвещения сделало попытку координировать и систематизировать исследования двуязычия и с этой целью созвало весной 1928 г. в Люксембурге конференцию по вопросам двуязычия и образования (96). Этой конференции были представлены доклады об условиях, существующих в Уэльсе, Бельгии, Бенгалии, Швейцарии и Чехословакии, она также обсудила различные вопросы теории и методики. Всемирная конференция по вопросам образования (New Education Fellowship) уделила двуязычию усиленное внимание (382). На специальной конференции, состоявшейся в 1938 г. в Штутгарте, немецкие педагоги и Kulturpolitiker тоже подчеркивали необходимость в проведении дальнейших исследований в этом направлении.

Подробное обсуждение трудностей в обучении завело бы нас слишком далеко в сторону. Некоторые работы, указанные в библиографическом списке, посвящены вопросам обучения в соответствующих местностях. Многие из них рассматривают также принципиальную сторону проблемы.

II. ОБ ОПИСАНИИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ⁹

Схема описания фонетической интерференции, намеченная в § 2.2 книги «Языковые контакты» (далее сокращенно ЯК), оказалась не совсем удачной¹⁰. Здесь мы предлагаем рассмотрение этой проблемы.

Под явлениями фонетической интерференции мы понимаем те случаи отклонения от норм языка, которые возникают в речи двуязычного как результат его знакомства с другим языком, т. е. как результат языкового контакта (ЯК, с. 22).

Проблема фонетической интерференции касается того, как говорящий воспринимает и воспроизводит звуки одного языка с точки зрения звуков другого. Язык, который вызывает интерференцию, называется первичным (*P*); язык, подвергающийся интерференции, называется вторичным (*S*). Испанский-*P* означает «испанский язык, выступающий в ситуации контакта как первичный язык», английский-*S* — «английский как вторичный язык». Иностранный «акцент» мы рассматриваем в широком смысле, а именно как язык *S*, на котором говорят с акцентом *P* (ЯК, с. 48).

В порядке пересмотра изложения, данного в ЯК, будет полезно ввести дальнейшее различение синтагматических и парадигматических факторов фонетической интерференции. Первые имеют отношение к звукам, связанным в определенную последовательность, т. е. в речевую цель. Вторые связаны с отношениями между звуками в модели, т. е. звуками, которые могут появляться в данной точке речевой цепи.

Кроме того, полезно разграничивать осуществляемый двуязычным анализ материала вторичного языка и его воспроизведение этого материала. Одним из недостатков концепции, изложенной в ЯК, было недостаточное разделение этих двух планов. Конечно, можно хорошо воспроизводить незнакомые звуки путем чистой имитации, но без анализа такое воспроизведение вряд ли приобретет характер продуктивной речи. Анализ, применяемый двуязычным, как он здесь понимается, аналогичен тому процессу, который дает нам возможность не только повторить ряд чисел типа 1, 4, 9, 16, 25 ... но и продолжать его дальше на основе предположения о лежащей в основе ряда формуле.

Фонетическая интерференция может вызываться факторами четырех уровней:

I. *Собственно фонетические факторы.* К ним относятся различия между контактирующими языками в контингенте фонем, в анализе их компонентов и в дистрибутивных моделях фонем этих языков.

II. *Экстрафонетические внутриязыковые факторы.* Здесь можно рассматривать случаи интерференции (или, напро-

тив, подавления интерференции), при которых говорящий стремится избежать особенно нежелательной омофонии, приводящей либо к серьезной двусмысленности, либо к невольным ассоциациям со словами, запретными в одном из этих языков, и т. п. Эти соображения контролируют интерференцию в определенных областях словаря и не имеют никакого отношения к звуковой системе как таковой. Они составляют аналогию к семантическим факторам, которые могут иногда нарушать регулярность определенных звуковых изменений. К этой же категории, возможно, следует отнести влияние орфографии на произношение во вторичном языке ¹¹.

III. *Экстралингвистические факторы*. Они охватывают те побуждения к обеспечению понятности, приемлемости речи или даже к ее неотличимости от речи, свойственной носителям данного языка как родного, которые проявляются в конкретной речевой ситуации или в общем социокультурном окружении данного языкового контакта (ЯК, § 1.3, с. 24, 109 и главы 3, 4).

IV. Во всяком добросовестном описании следует также указать на остаточные явления *ошибочных случаев* интерференции ¹². В отношении статуса они, вероятно, эквивалентны тому виду необъяснимых оговорок, которые встречаются в речи одноязычных.

Здесь мы коснемся только собственно фонетических факторов (I).

Синтагматические факторы

Сегментация. Носители разных первичных языков могут по-разному сегментировать одну и ту же данную последовательность звуков. Например, носитель хинди-Р будет членить английские последовательности [æd^hhiɹ] *adhere* и [ɪ'kləbhaws] *clubhouse* таким образом, как если бы в их составе были единые фонемы /d^h, b^h/. Долгое [æ] в английском *bad*, с точки зрения носителей финского-Р, могло бы члениться как содержащее группу [ææ]. Подобным же образом носители немецкого-Р могут анализировать последовательность /ts/ в конце английских слов (абстрагируясь от морфологических соображений) как единую фонему. Правда, если такой фонологический метаанализ возможен для всего слова, в котором не остается никаких сегментов, не получивших объяснения, воспроизведение материала S иностранцем мо-

жет вполне соответствовать произношению носителей этого родного языка. Однако законной областью лингвистических интересов являются различия в анализе, даже если воспроизведение не подвергается интерференции.

Знакомые последовательности. Часто можно наблюдать, что двуязычные, произнося неправильно слова *S*, приспособливают незнакомые последовательности звуков к последовательностям, более похожим на те, которые используются в *P*. Например, носители итальянского-*P*, которому не свойственна большая протяженность сегментов, часто упрощают последовательность /ekst/ в английском *extra* в /est/ (ЯК, с. 53). Для описания фонетической интерференции это означает, что единицей межъязыковой идентификации не обязательно должна быть фонема (ЯК, с. 45, 52), иногда ею бывает и последовательность фонем. Однако в интересах экономичности описания не следует вводить какие-либо ограничения протяженности этой последовательности. Эту возможность следует оставить просто открытой, как в двуязычных словарях оставляется возможность для эпизодического отождествления не только слов, но и словосочетаний («идиоматических конструкций»). Весь вопрос о незнакомых последовательностях освещен в ЯК слишком поверхностно (с. 53) как структурный фактор, который только «благоприятствует» интерференции.

Последовательность звуков может быть известна носителям языка *P* только в определенных позициях; фиксированных по отношению к границам морфемы или слова. Так, [hm] — вполне обычная последовательность в украинском языке, но она нигде не встречается в английском, а [ŋi-] в индонезийском языке представляет собой последовательность, которая в английском если и не встречается в начальной позиции в слове, то вполне обычна в его середине (*singing*). Встретив определенную последовательность звуков в необычной позиции, мы часто не менее удивлены, чем при встрече с совсем незнакомой последовательностью. Относительное значение полного и «позиционного» знакомства с последовательностью для регулирования интерференции нуждается в дальнейшем систематическом изучении.

В общем на данном этапе все еще неясно, какие методы лучше всего использовать для классификации последовательностей. Возможен прием, по которому можно будет определить, что [ðr-] в каком-либо языке менее склонно к интерференции со стороны английского-*P*, чем [mɪr-], потому

что, хотя ни одна из этих последовательностей не встречается в английском в начале слова, первая из них больше приближается к группам фонем, используемым в этом языке. В конце концов, в дистрибутивных моделях тоже могут быть отверстия (holes). С этим связана также возможность количественного выражения определенных аспектов сочетаемости фонем, рассмотренная в недавней работе Герберта Пейпера¹³. Пользуясь его схемой, можно, сравнив показатели дистрибуции отдельных пар эквивалентных фонем, выразить количественно различия в дистрибутивной структуре обоих языков. Однако при описании особых случаев интерференции все же следует учитывать расхождения в специфических последовательностях, знакомых носителям контактирующих языков.

Очевидно, когда мы оперируем с незнакомыми последовательностями *субфонемных* сегментов (по всей вероятности, и в других случаях тоже), анализ возможен и в синтагматическом и в парадигматическом аспектах; ср. раздел о пересечении этих двух измерений ниже, на с. 206.

Особый тип расхождений в структуре последовательностей — различия, сводящиеся только к порядку размещения элементов. Метатеза звуков при интегрировании заимствований незнакомой формы хорошо документирована в историческом языкознании. Можно также представить такие случаи, когда звуковой сегмент в языке *P* имеет различительный характер, но место его появления не играет роли. Это может приводить к такому искажению звуковых последовательностей *S*, при котором воспроизводятся все фонемы, но не в должном порядке. Реальным, хотя и несколько маргинальным, случаем является пример, когда ребенок, научившийся в возрасте года и десяти месяцев произносить [r] между согласной и гласной, стал вставлять этот новый звук в многосложных словах типа *CrV* в любой слог без разбора. В течение некоторого времени слово *professor* могло в половине случаев звучать как *porfessor*, а *breadbox* чередовалось с *beadbbox*. Встречается ли соответствующее явление систематически и в речи взрослых, пока неизвестно. Во всяком случае, многим из нас из опыта полевых исследований знакомо положение, когда звуки, составляющие слово чужого языка, отождествлены, но в порядке их следования уверенности нет.

Сначала рассмотрим парадигматический аспект анализа звука со стороны двуязычного. Как показал Хауген, удобно оперировать сперва аллофонами. Поэтому термин «звук» в последующих параграфах будет относиться и к аллофону, т. е. контекстуальному варианту фонемы.

Звук данного языка *S*, например испанское [δ], состоит из многих признаков: 1) звонкий (скорее чем глухой), 2) ротовой (скорее чем носовой), 3) фрикативный (скорее чем смычный), 4) апикальный (скорее чем срединный или дорсальный), 5) зубной (скорее чем межзубной, или альвеолярный, или постальвеолярный, или какуминальный), 6) определенной средней протяженности (скорее чем более долгий или более короткий), 7) не фарингализованный (скорее чем фарингализованный) и т. д. С точки зрения испанского языка, некоторые из этих признаков, например, 1, 2 и 4, являются различительными, тогда как остальные избыточны, т. е. автоматически предсказуемы. Анализируя звук [δ] в соответствии с фонемными моделями иного языка, например английского-*P*, признак 3 тоже можно считать различительным. Если взять в качестве *P* арабский, то различительными будут также признаки 6 и 7. Когда двуязычный определяет, что признак звука является различительным, тогда как в оригинальном языке *S* он избыточен, можно говорить о с в е р х д и ф ф е р е н ц и а ц и и. В противоположном случае, например, когда носитель испанского-*P* определяет фрикативность интервокального английского [δ] как избыточный признак, мы имеем н е д о д и ф ф е р е н ц и а ц и ю.

Преимущество такого рассмотрения в сравнении с тем, которое было предложено в ЯК, состоит в понимании того, что: (а) сверхдифференциация и недодифференциация происходят на уровне различительных признаков, а не на уровне фонем, так как в двуязычном анализе единой фонемы могут быть и недодифференцированные признаки и сверхдифференцированные. Носитель французского-*P* может считать в русском [т'ót'a] «тетя» округление губ в [ó] различительным признаком (сверхдифференциация), а его ударение избыточным (недодифференциация); (б) сверхдифференциация и недодифференциация относятся скорее к области анализа, а не воспроизведения. Даже при недодифференциации может быть безупречное воспроизведение. В приведен-

ных выше примерах носитель испанского-*P* может недодифференцировать признак фрикативности, отличающий английское /d/ от /ð/, но тем не менее в интервокальной позиции он может произносить удовлетворительное /ð/.

Особого рода ситуация возникает, когда в языке *P* различительный признак данного звука *S* определяется как избыточный, но в других звуках *P* этот различительный признак существует. Например, звонкость и ненапряженность ретороманского-*S* звука /ž/ с точки зрения фонемики швейцарско-немецкого-*P* избыточны, но ненапряженность является различительным признаком, по меньшей мере, таких швейцарско-немецких звуков, как /b, d, v/ и др. Это может способствовать большей правильности анализа двуязычными ретороманского /ž/, чем, например, ретороманского /ʎ/, одним из различительных признаков которого является палатальность, не характерная ни для одного из звуков швейцарско-немецкого-*P*. Этот момент был упомянут в ЯК (с. 51) как фактор парадигматической структуры, препятствующий интерференции, причем его освещение было связано с понятием отверстий в модели. Сейчас мы можем более точно сказать, что недодифференциация различительного признака может затронуть все или только некоторые фонемы языка *S*, содержащие этот признак.

Если в языке *S* определенный различительный признак связан очень регулярно с определенным избыточным признаком (например, задняя артикуляция и округление губ при произношении /u/) и если в другом языке *P* существует такая же связь, но определение двух признаков как различительного и избыточного является противоположным, оба звука могут быть успешно идентифицированы в обоих языках, что дает нам элементарный случай реинтерпретации признаков (ср. также ниже с. 208). Реальная реинтерпретация может вызывать воспроизведение по отношению к данным признакам безупречное.

Когда мы переходим от вопросов анализа к вопросам воспроизведения, наша точка зрения смещается. В данном случае нас занимает вопрос, всегда ли присутствует в звуке определенный признак (независимо от того, является он различительным или нет), или он появляется только эпизодически, в порядке свободной вариантности, или же его вообще никогда нет? Если наличие признака в звуке *S* отражает состояние свободной вариантности, то как бы ни интерпретировали его согласно правилам дру-

гого языка *P*, воспроизведение будет безупречным, какими бы эти правила ни были, потому что наличие или отсутствие данного признака по самому своему определению не имеет значения для *S*. Если признак всегда наличествует в эквивалентном звуке *P*, то воспроизведение также будет удовлетворительным, независимо от регулярности или нерегулярности этого признака в соответствующем звуке *S*. Но в других случаях можно ожидать ошибок различной степени предсказуемости. Для данного признака эквивалентных звуков языков *P* и *S* результаты будут следующими, если этот признак присутствует:

В звуке языка <i>S</i>	В звуке языка <i>P</i>		
	Всегда	Иногда (свободная вариантность)	Никогда
Всегда	+	Непредсказуемые ошибки	Предсказуемые ошибки
Иногда (свободная вариантность) . . .	+	+	+
Никогда	Предсказуемые ошибки	Непредсказуемые ошибки	+

Знаком + обозначается удовлетворительное воспроизведение.

Например, в английском-*S* конечное /р/ в одних случаях произносится со взрывом, а в других — нет; признак взрыва относится к области свободной вариантности. В английской речи двуязычных, в языке *P* которых взрыв конечного /р/ является регулярным, взрывное /р/ встречается намного чаще, чем в речи одноязычных с английским языком, однако это не составляет заметной интерференции. В противоположном случае, когда английский будет языком *P*, в этом месте будут отмечаться непредсказуемые ошибки, так как двуязычные будут трактовать взрыв /р/ как явление свободной вариантности, вопреки правилам языка *S*. Примеры, иллюстрирующие другие возможности, могут быть легко приведены.

Далее вполне возможно перейти от аллофонов (контекстуальных вариантов) к рассмотрению воспроизведения двуязычными ф о н е м ы к а к ц е л о г о. В этом случае мы обязательно получим еще один разряд ошибок, предсказуемых и непредсказуемых в данном контексте. Например,

если говорящий на языке *P*, в котором озвончение /b/ происходит в плане свободной вариантности, будет произносить единицы немецкого-*S* (где звонкость /b/ всегда обязательна в позиции между гласными), то мы можем ожидать ошибок в воспроизведении /b/ в некоторых контекстах (а именно между гласными, но не в конце слова).

Подход Хаугена к описанию интерференции отличается от предложенного здесь, главным образом, тем, что, хотя он время от времени и делает замечание об относительной важности определенного признака для данного языка ¹⁴, он не принимает компонентный анализ всех фонем как основу для описания. Но какая бы роль при анализе аллофонов данного языка ни отводилась различительному признаку, когда устанавливается (нашим или иным методом) межъязыковая эквивалентность аллофонов, не может быть возражений против предложения Хаугена считать их «диафонами» (отождествляемыми разноразличными фонемами) разных типов: конвергентными и дивергентными, простыми, составными и сложными ¹⁵.

Перекрещивание синтагматических и парадигматических факторов

Существуют случаи интерференции, при которых синтагматические и парадигматические факторы перекрещиваются.

Один тип перекрещивания происходит тогда, когда фонема *S* имеет аллофон, способный, с точки зрения языка *P*, к дальнейшей сегментации. Например, тамильское /e/ в начале слова имеет аллофон [je]. Встречаясь с английской последовательностью [jel] *yell*, носитель тамильского языка-*P* постарается его пересегментировать, так что первые два сегмента вместе будут составлять его собственный, выступающий в начале слова вариант /e/. Встречаясь с /el/ *ell*, он, вероятно, отметит странный инициальный аллофон /e/ и, воспроизводя его, восполнит дополнительным «субаллофонным» сегментом [j-]. С синтагматической точки зрения, в этих двух языках существуют различия в сегментации. Парадигматически мы можем говорить о расхождении в регулярности, с которой появляется «признак» начального [j]: в английском — никогда, в тамильском — всегда инициально. Трактовка двуязычным расхождений в функционирова-

нии субфонемных глайдов между гласными, эпентетических гласных и согласных и других сходных явлений тоже должна рассматриваться в описаниях интерференции в синтагматическом и парадигматическом аспектах.

Следующий пример такого перекрещивания — это случай, когда двуязычный вставляет в единицы *S* специальный элемент, чтобы реализовать признак, который в языке *P* в соответствующем звуке не несет различительной функции. Например, двуязычные с украинским-*P*, в котором нет дистинктивного глухого /f/, воспроизводят этот звук во вторичных языках как /xv/. Двуязычные как будто разворачивают пучок одновременных признаков, составляющих [f], и создают специальный сегмент, чтобы выразить отсутствие звонкости. Наоборот, носители языка *P*, в котором лабиализация имеет дистинктивную функцию, воспроизводят на месте последовательности [kw] языка *S*, который такого признака не имеет, лабиализованное [k^w], т. е. подставляют сегмент, обладающий одновременно различительной функцией.

Возможно, что наиболее интересным видом перекрещивания является случай, когда различительный признак переносится на другой сегмент, существующий в *S*. Он изымается из одного пучка различительных признаков и вставляется в другой. Например, в ретороманской последовательности [es·], входящей в единицу *Messa* «месса», содержится согласный, долгота (или удвоение) которого имеет различительное значение, и гласный, краткость которого избыточна, но обусловлена следующим за ним сегментом. Та же последовательность может интерпретироваться с точки зрения соседнего типа — швейцарско-немецкого языка как состоящая из гласного с различительным признаком краткости и согласного, долгота которого избыточна, но автоматична. Это явление, получившее в ЯК название «реинтерпретация признаков» (с. 46 и сл.), более сложно, чем описанный выше элементарный случай (с. 203), поскольку здесь осуществляется переход через фонемные границы. Признаки каждой из пары фонем реинтерпретируются относительно различительного признака, и, кроме того, несмотря на реинтерпретацию, оба аллофона продолжают предполагать друг друга. Другой пример — оппозиция в арабском-*S*: /aq — ak/ [aq — ak]. Носитель французского языка-*P* может рассматривать в качестве различительного признака скорее переднюю артикуляцию гласного, чем фарингали-

зацию согласного: [ak — ak]. Для всех, кто знаком с диахронической фонологией, здесь очевиден параллелизм с концепцией сохранения полезных черт звука.

Интерференция в области просодических признаков

Интерференция, появляющаяся в области просодических признаков, была рассмотрена в ЯК несколько фрагментарно (с. 43, 44, 72 и сл.). Для большей системности анализа необходимо исследовать несколько типов акцентуационных систем и возможные в них явления интерференции. Оставляя в стороне те проблемы двуязычия, которые относятся к употреблению ударения и его контуров как значащих, морфемоподобных единиц, мы коснемся здесь только различительных функций ударения.

Можно различать языки: (а) с кульминативным ударением, т. е. падающим на определенное, но непредсказуемое место в каждом слове; (б) демаркативным ударением, которое автоматически падает в каждом слове на определенное место по отношению к началу или концу слова (конечное, предфинальное, инициальное и др.); (в) недистинктивным ударением, которое не играет роли в идентификации или сегментации слов и может падать на любое место в слове без какого-либо обязательного постоянства. Как пример языков с кульминативным ударением можно привести английский и русский; с демаркативным — латинский, чешский и др.; с недистинктивным — французский.

Если язык-*P* имеет кульминативное ударение, то можно рассчитывать, что двуязычный будет обращать внимание на ударения в языке *S* и будет воспроизводить их правильно. Если он не достиг автоматизма в размещении ударения, что возможно в языке *S* с демаркативным ударением, или если он ставит ударения последовательно в языке *S*, в котором они не имеют дистинктивного значения и не должны расставляться последовательно, то речевые средства будут использоваться неэкономно, что аналогично свёрхдифференциации, обсуждавшейся в разделе о парадигматических факторах. Но воспроизведение в этих случаях может восприниматься как безупречное.

Если двуязычный не имеет обыкновения в соответствии с правилами *P* ставить ударение на определенную часть каждого слова, то можно ожидать ошибок в воспроизведении. Когда требуемое формой языка *S* место для ударения

случайно совпадает с местом автоматического демаркативного ударения языка-*P*, то воспроизведение лишь случайно может оказаться адекватным, в большинстве же других случаев оно будет неправильным. Например, если бы носитель чешского-*P* (с демаркативным инициальным ударением) должен был приложить свои навыки к английскому-*S*, то он мог бы поставить ударение в *discipline* правильно, а в *disciple* — неправильно (**disciple*). Носитель французского-*P*, если бы ему пришлось трактовать ударение английского-*S* как недистинктивное, мог бы иногда воспроизводить английские слова правильно, но в соответствии с непредсказуемой формулой. Одно и то же слово могло быть произнесено один раз с ударением инициальным, а другой — с конечным. Таким образом, становится очевидным, что если система ударения *S* является более строгой, чем система *P* (прогрессивный ряд: недистинктивное — демаркативное — кульминативное — расположением своих членов отражает усиление строгости), то в воспроизведении *S* будут наблюдаться значительные ошибки. Если *P* или *S*, или оба эти языка оперируют демаркативным ударением, то место вероятных ошибок можно прогнозировать.

Мы попытались набросать здесь лишь схему описания интерференции в области ударения. Подобным же образом следует проводить анализ интерпретации двуязычным секундарного и ослабленного ударений. Демаркативный тип ударения может делиться на подтипы: ударение, разделяющее слова, и ударение, разделяющее основы. Возможны и другие дальнейшие уточнения. Но простое перечисление всех возможных видов интерференции бесполезно. Аналогия с описанием интерференции в области сегментных фонем показывает, как можно было бы расширить эту классификацию.

Основываясь на сходных принципах, следует описать интерференцию, действующую и в области других просодических признаков, в частности в различных системах тонов

Наконец, аналогия между интерференцией в области сегментных фонем и в области просодических признаков может быть продолжена дальше, если ввести такое понятие, как «аллофоны ударения». Но, вероятно, никакие упражнения терминологического характера не внесут большей ясности в освещение уже существующих параллельных явлений, а также не устранят больших различий, существующих между сегментной фонемикой и просодией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лучший обзор этой проблемы см.: Darcy 121; к сожалению, он появился слишком поздно, чтобы мы могли использовать его в этой работе.

² Арсенян выражает большое сомнение в ценности этих результатов, указывая на большие недостатки в методике Саэр, например, на использование в качестве постоянных таких факторов, которые обычно имеют переменный характер (Arsenian 27).

³ Исследования Арсеняна признаются окончательными не для всех видов двуязычия. Двуязычию детей дошкольного возраста была посвящена диссертация Дарси, защищенная в 1945 г. в Фордэмском университете (Darcy 120).

⁴ Различия между культурами, которые слились и которые продолжают сосуществовать на одной территории, в теоретическом отношении напоминают проблемы языковых контактов; см. § 2.1.2.

⁵ Согласно статистическим данным, зайки встречаются среди двуязычных значительно чаще; см. Travis, Johnson, Shover 567.

⁶ Как пишет Холл, в тех случаях, когда язык обречен на неполноценность «в социальных и учебных ситуациях, последствия могут быть крайне травмирующими» (Hall 195, 16).

⁷ Единственным прямым проявлением языковых трудностей при проведении теста на словесные ассоциации было то, что двуязычные связывали слово *language* «язык» с говорением, тогда как одноязычные учащиеся были более склонны связывать его с определенным иностранным языком. По мнению Сперл, это является свидетельством тех больших речевых трудностей, которые существовали в детстве.

⁸ См. также библиографию в: Blocher 68 и совсем недавнюю в: Leopold 307. В 1893—1903 гг. в Германии, в Бреслау, выходил специальный журнал «Die zweisprachige Volksschule». Схематический обзор некоторых вопросов, связанных с образованием см.: Hall 195.

⁹ Опубликовано отдельной статьей в журнале «Word», vol. 13, April 1957, No. 1.

¹⁰ См.: Haugen E. Review of: Weinreich U. Languages in Contact.— Language, 1954, No. 30, p. 380—388; Problems of Bilingual Description.— Report of the Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Teaching (Georgetown University. Monograph Series on Languages and Linguistics 7), 1954, p. 9—19; Problems of Bilingual Description.— General Linguistics 1, p. 1—9 (1955); Bilingualism in the Americas: a Bibliography and Guide to Research.— Publications of the American Dialect Society, No. 26, 1957.

¹¹ В ЯК влияние орфографии рассматривается только в связи с формой, которую принимают заимствования из языка *S* при их интеграции в язык *P* (с. 59), но орфография как модель для произношения единиц языка *S* как такового не обсуждалась. Между тем в Индии, например, правописание английского-*S* оказывает огромное влияние на его произношение (ср.: Ashok R. Kelkar. Marathi English: A Study in Foreign Accent.— Word, vol. 13, August 1957, No. 2, p. 268—282).

¹² См.: Haugen E. Review, in: Language 1954, No. 30, p. 384.

¹³ См.: Harary F. and Paper H. H. Towards a General Calculus of Phonemic Distribution.— Language, vol. 33, 1957, No. 2.

¹⁴ Haugen E. The Norwegian Language in America. Vol. 1—2. Philadelphia, 1953, p. 432.

¹⁵ См.: Haugen E. Bilingualism in the Americas. N. Y., 1956, § 3.3.3.

С. 22 * Оценив положительно предложенный здесь термин «языковой контакт», Б. Гавранек находил в нем и некоторые недостатки: «Он удобен, а главное, достаточно широк; однако он ничего не объясняет в лингвистическом отношении, лишь обозначая языковые ситуации...» (*Гавранек Б. К проблематике смешения языков.* — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1972, вып. 6, с. 94). Лингвистической сущностью языкового контакта следует, по-видимому, считать функционирование двух языков в одной и той же коммуникативной сфере, сосредоточенной вокруг их общего носителя (или группы носителей).

В советском языкознании встречается определение языковых контактов как «речевого общения между двумя языковыми коллективами» (*Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты.* Л., 1972, с. 3). О. С. Ахманова тоже понимает этот термин как «...соприкосновение языков, возникающее вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках» (*Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.* М., 1966, с. 535). Оба эти определения страдают неточностью, поскольку общение между двумя языковыми коллективами может совершаться и при отсутствии какой-либо межъязыковой связи. Например, А. Мартине в предисловии к данной работе У. Вайнрайха пишет, что датчане и норвежцы, чехи и словаки могут общаться между собой, говоря каждый на своем собственном языке; другими словами, их речевое общение может происходить и при отсутствии языкового контакта. С другой стороны, для общения разноязычных коллективов может постоянно использоваться один из данных языков либо вообще третий язык («контактный язык», по терминологии В. Ю. Розенцвейга). И в подобном случае ситуации языкового контакта фактически не существует.

В ряде советских лингвистических работ выдвигалось также предложение различать «узкое» и «более широкое» толкование термина «языковые контакты», понимая под первым контактную ситуацию, связанную с обязательным двуязычием, а под вторым — межъязыковую связь, при которой двуязычия может не быть, как, например, при заимствовании лексики в процессе различных социально-политических, культурно-исторических, торгово-экономических и иных отношений (см.: *Опельбаум Е. В. Восточно-славянские лексические элементы в немецкой лексике.* Киев, 1971, с. 16; *Семчинський С. В. Семантична інтерференція мов.* Київ, 1974).

** Существует тенденция усматривать сущность явления двуязычия в образовании определенных психологических стереотипов в сознании индивида. Например, Е. М. Верещагин определяет

двуязычие как «психический механизм (знания, умения, навыки), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» (*Верецагин Е. М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969, с. 134). При таком понимании, однако, не учитывается важнейший фактор — действие этого механизма, упускается из виду то, что двуязычие — это не только возможность, но и реальность общения посредством двух языков. Следует при этом отметить, что упрек в психологизме, высказанный С. В. Семчинским по поводу определения двуязычия У. Вайнрайха, основывается, по-видимому, на недоразумении. У. Вайнрайх в своем труде, как читатель может легко убедиться, постоянно учитывает данные психологии, антропологии и других смежных наук, но нигде не пытается отождествить двуязычие со знаниями, умениями или навыками говорящих.

*** Предложенные У. Вайнрайхом определения двуязычия и интерференции до сих пор являются общепринятыми, хотя в разное время и предпринимались попытки их уточнения. Например, Э. Хауген указал, что интерференция не всегда представляет собой отклонение от нормы, так как явление может быть ненормативным уже в первичном языке. Поэтому «точно определить интерференцию,— пишет он,— можно лишь в том случае, когда мы принимаем в качестве исходной базисной линии то состояние языка, которое непосредственно предшествовало установлению двуязычия» (*Haugen E. Bilingualism in the Americas*. N. Y., 1956, p. 12). В своих работах, однако, Э. Хауген чаще придерживается определения У. Вайнрайха. Наряду с этим, он иногда толковал интерференцию как «лингвистическое переплетение (overlap), при котором языковая единица оказывается элементом двух систем одновременно» (там же, с. 50). Последняя трактовка может быть справедливой лишь по отношению к некоторым явлениям языкового взаимодействия, например окказиональному использованию элементов одного языка в речи на другом. В случаях действительного заимствования одновременных двусистемных связей у данного элемента обычно не существует. Например, при лексическом заимствовании «слово порывает с системой того языка, в котором оно существовало раньше, и включается в систему иного языка, которая это слово заимствовала» (*Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956, с. 235). В. Ю. Розенцвейг допускает возможность двусистемной принадлежности языковых единиц в третьей, «промежуточной» системе, которая образуется на определенной стадии постепенного усвоения иностранного языка (см.: *Розенцвейг В. Ю.* Языковые контакты, с. 14).

В более позднее время в литературе все более усиливается тенденция различать два вида языкового воздействия при контакте: 1) интерференцию, или отклонение от норм одного языка под влиянием другого, и 2) «перенесение» (transfer), при котором воздействующий язык не вызывает в первом языке нарушения нормы, но стимулирует уже существующие в нем закономерности, процессы и явления (см., например: *Juhász J. Probleme der Interferenz.* Akadémia Kiado, Budapest, 1970, S. 30). В ряде работ с этим же значением используются термины «положительная» и «отрицательная» интерференция (*Huse H. R. The Psychology of Foreign Language Study.* The Univ. of North Carolina Press. Chapel Hill, 1931, p. 231). Л. М. Уман предложила соответственно термины «явной» и «скрытой» интерференции (см.: *Уман Л. М.* Проблема грамматической интерференции. М., 1964), В. Ю. Розенцвейг — «прямой» и «косвенной» (см.: *В. Ю. Розенцвейг.* Языковые контакты, с. 25).

П. Юхас считает возможным исследование интерференции только в рамках лингвистики речи. «Об интерференции можно говорить лишь в том случае, — пишет он, — когда говорящий или пишущий знает соответствующую норму, ибо лишь так возникает ошибка (Fehler). Если же норма нарушается потому, что она неизвестна, то в лучшем случае можно говорить о заблуждении (Irrtum)» (см.: *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Hrsg. von H. P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegand. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1973, S. 457). Это толкование интерференции как явления осознанного вызывает большие сомнения.

С. 23* Ч. Фергюсон предложил термин «диглоссия» для описания ситуации, при которой два языка (или разновидности языка, например диалекты) распределяют между собой функции: один из них («язык-Н») используется как официальное средство общения, а другой («язык-Л») обслуживает потребности повседневного бытового общения (см.: *Ferguson Ch. A. Diglossia*. — *Word*, 1959, No. 15, p. 325—340).

С. 27* В понимании культуры У. Вайнрайх, по-видимому, разделяет концепцию Ф. Боаса — одного из основоположников американской антропологической лингвистики, считавшего, что культура охватывает все небιологические аспекты человеческой жизни. Другой представитель этого направления Г. Хойджер определял культуру как «сложное целое, включающее в себя знания, поверья, искусство, мораль, право, обычаи и любые другие способности и навыки, приобретенные человеком как членом общества» (*Hoijer H. Linguistic and Cultural Change. Language in Culture and Society*. — In: *A Reader in Linguistics and Anthropology*. N. Y., 1964, p. 16).

С. 28* У. Вайнрайх разделяет здесь распространенное в американской науке мнение о наличии изоморфизма в структуре языка и строении культуры. Критику этой теории см. в кн.: *Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике*. Л., 1971; его же: *Современная социолингвистика*. М., 1976.

С. 31* Этот тезис У. Вайнрайха пытался оспорить Е. М. Верещагин, выдвинувший для объяснения интерференции так называемый «принцип минимальной детерминации». Всякая модель детерминирует (определяет) свои компоненты, при производстве речи она актуализируется мгновенно, но разворачивается во времени. Если данное содержание может быть передано двумя разноязычными единицами, то, по мнению Е. М. Верещагина, в модели актуализируется та из них, которая отличается большей устойчивостью. Таким образом, модель не детерминирует формы своих компонентов. «Именно последняя характеристика принципа детерминации, — пишет Е. М. Верещагин, — ответственна за то, что в класс могут попасть Я-единицы (т. е. языковые единицы. — Ю. Ж.), принадлежащие разным языкам» (*Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма)*, с. 74). Это утверждение представляется нам неубедительным, так как иноязычные единицы даже при окказиональном использовании в тексте иного языка обычно подвергаются определенной адаптации.

С. 34* Некоторые авторы выражают в этом сомнение. «Можно сомневаться в том, — пишет, например, Э. Хауген, — что каждый двуязычный имеет две сосуществующие системы. Появление интерференции позволяет даже предположить, что он может иметь несколько меньше, чем две системы, хотя и больше, чем одну» (*Haugen E. Language Contact*. — *Proceedings of the 8th International Congress of Linguists*. Oslo, 1958, p. 772). Универсальной закономерностью языковых контактов и двуязычия является, по его мнению, то, что «опыт индивида в

одном языке должен обязательно отставать от его опыта в другом языке» (*Haugen E. Norwegian Language in America*, p. 10).

С. 35 * С. Михалк и Г. Протце заявили, что ни в одном из исследованных ими лужицких идиолектов им не удалось обнаружить подобного состояния: «Мы даже сомневаемся в том, что вообще в процессе языкового контакта может возникнуть естественным путем столь неэкономное средство общения», — пишут они. Ни Л. В. Щерба, ни повторивший его утверждение В. Ю. Розенцвейг, по их мнению, не представили конкретных доказательств его существования. «... *Langue mixte a deux termes*, — заключают исследователи, — представляет собой лишь абстрагированный мысленный образ, и до сих пор никто не взялся за его детальное исследование и описание подобного средства общения» (*Studien zur sprachlichen Interferenz II. Deutsch-sorbische Dialekttexte aus Radibor Kreis Bautzen bearbeitet von S. Michalk und H. Protze. 1974, S. 7*).

С. 36 * По мнению Е. М. Верещагина, речь двуязычного при координативном двуязычии «ничем не отличается от речи монолингва», поэтому она не представляет интереса для теории языковых контактов (см.: *Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма)*, с. 49). С. В. Семчинский, наоборот, отмечает, что и в случаях координативного двуязычия в соответствующих языках возможны изменения (во всяком случае, на лексико-семантическом уровне), и в связи с этим данный вид двуязычия также нуждается в изучении (см.: *Семчинский С. В. Семантична інтерференція мов*, с. 54).

С. 38 * Со времени выхода в свет данной книги У. Вайнрайха литература по вопросам языковых контактов значительно расширилась. В дополнение к приведенному им списку литературы см. библиографию в кн.: *Haugen E. Bilingualism in the Americas*. N. Y. 1956 и *Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия*. Киев, 1976.

** О двуязычии писателей см.: *Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики*. М., 1971, с. 167—192. Большой интерес представляет также обстоятельное исследование двуязычия Бруно Ясенского, писавшего свои произведения на русском и польском языках: *Balcerzan E. Styl i poetyka twórczości dwujęzycznej Brunona Jasińskiego*. Warszawa, Wydawnictwo PAN, 1968.

С. 39 * Некоторые исследователи придают большое значение степени раздельности обеих фонологических систем двуязычного индивида. Например, В. фон Раффлер считает, что лиц, у которых в их вторичном языке слышится «иностранный акцент», не следует считать двуязычными: «Подлинно двуязычный человек, — заявляет он, — имеет две раздельные системы фонем» (*Raffler W. von. Results from Research in American Immigrant Languages Applied to Foreign Language Teaching. — Zeitschrift für Phonetik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, 1957, Bd. 10, Hf. 1, S. 67). Когда он переходит к пользованию только одной системой фонем, это означает, что двуязычный находится на пути к смене языка: «Иногда двуязычные, особенно иммигранты, перестают быть двуязычными, и мы можем наблюдать постепенный переход на одну базу артикуляции, один набор интонационных моделей и т. д., и это уже не будет смешанной системой того языка, который больше употребляется. Другой язык, находящийся в процессе отмирания, начнет в этом случае звучать и н о с т р а н н о, то есть его фонемы будут базироваться на системе другого языка» (там же). Таким образом, по мнению автора, раздельность фонемных систем может служить крите-

рием, при помощи которого можно установить, продолжает ли двуязычие существовать или оно прекратилось. Индивид, утверждает он, «состоится двуязычным до тех пор, пока он поддерживает обе системы раздельными» (там же).

В действительности, однако, дело обстоит значительно сложнее. Исследователям приходилось наблюдать и другие ситуации. Например, Г. И. Мелика, исследуя длящееся с 1711 г. взаимодействие фонологических систем украинского, венгерского и немецкого языков в г. Мукачево (Закарпатье), пришел к выводу, что «вследствие длительно-го действия лингвистической интерференции артикуляционные базы взаимодействующих языков сближаются и унифицируются», хотя все три языка продолжают сохранять раздельное существование (*Мелика Г. И. Проблемы фонетической и фонологической интерференции в межъязыковом контактировании. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1971, с. 19*).

С. 46 * В процессах субституции большую роль играют устанавливающиеся между отдельными фонемами контактирующих языков постоянные взаимосвязи, которые Э. Хауген предложил называть *диаморфическими отношениями* (см.: *Haugen E. Problems of Bilingual Description. — General Linguistics, Winter 1955, vol. 1, No. 1*).

** Впоследствии У. Вайнрайх попытался уточнить приведенное здесь описание фонетической интерференции и дополнить его новыми данными в статье «On the Description of Phonic Interference» (*Word, April 1957, vol. 13, No. 1*), перевод которой приводится в данном издании в Приложении II.

С. 60 * В советской лингвистике по вопросу о грамматической интерференции существуют тоже различные точки зрения. В. М. Жирмунский считал морфологическую систему языка непроницаемой для внешних влияний (см. его выступление на дискуссии о субстрате: Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1956, № 9) «Каким бы сильным ни было влияние одного языка на другой, — заявляет А. Б. Долгопольский, — этот другой язык — пока он не прекратил своего существования — сохраняет свободной от иноязычных заимствований систему своих грамматических формативов...» (*Долгопольский А. Б. Против ошибочной концепции «гибридных языков». — Учен. зап. 1 МГПИЯ, 1956, т. 7, с. 41*). М. М. Гухман, напротив, признает, что при «более глубоком воздействии», как, например, в случаях субстрата или суперстрата, «возможны известные сдвиги в морфологической структуре заимствующего языка» (см. ее выступление на дискуссии о субстрате: Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1956, № 9, с. 144). В. И. Абаев считает «материальный инвентарь морфологии» мало проницаемым, но в модели морфологической системы иноязычные воздействия признает вполне возможными (*Абаев В. И. О языковом субстрате. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1956, № 9, с. 68*). Наконец, В. Ю. Розенцвейг и Л. М. Уман утверждают, что грамматические влияния являются повсеместными и обязательными в условиях языковых контактов (*Розенцвейг В. Ю., Уман Л. М. К проблеме грамматической интерференции. — Проблемы структурной лингвистики. М., 1962, с. 60*).

С. 62 * Морфемы разных языков, между которыми устанавливаются постоянные и регулярные соответствия, Э. Хауген предложил называть *диаморфами*, а отношения между ними — *диаморфическими* (*Haugen E. Problems of Bilingual Description, N. Y., 1955*).

С. 63 * В. Ю. Розенцвейг и Л. М. Уман перенесли в область грамматического взаимодействия языков схему, разработанную У. Вайнрайхом для классификации типов фонетической интерференции. Усматривая различия в контактирующих грамматических системах только в дифференциальных признаках, эти авторы устанавливали в качестве основных типов грамматической интерференции недодифференциацию, сверхдифференциацию и реинтерпретацию различий (см.: *Розенцвейг В. Ю., Уман Л. М.* К проблеме грамматической интерференции.— Проблемы структурной лингвистики. М., 1962; *Уман Л.* Проблема грамматической интерференции. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964). В действительности межъязыковые идентификации на грамматическом уровне осуществляются не только (и даже не столько) в области дифференциальных признаков, но и в области грамматических форм и даже конструкций. Поэтому грамматическая интерференция имеет еще такие виды, как заимствование грамматических формантов, грамматическое калькирование, копирование грамматических отношений и другие, которые в классификации В. Ю. Розенцвейга и Л. М. Уман не находят отражения.

** Г. А. Меновщиков, исследовавший алеутский диалект о. Медного, сообщил, что в этом диалекте существует ряд грамматических заимствований из русского языка, которые можно рассматривать как явления морфологической интерференции. Например, к алеутским глагольным корням здесь могут присоединяться русские словоизменяемые флексии лица (*аба-ю* «работаю», *аба-ишь* «работаешь», *аба-ют* «работают»), времени (*аба-ит* «работает», *аба-л* «работал», *будит аба-т'* «будет работать»), повелительного наклонения (*аба-й* «работай»), сослагательного наклонения (*я бы аба-л* «я бы работал») и др. (*Меновщиков Г. А.* К вопросу о проникаемости грамматического строя языка.— *Вопр. языкозн.*, 1964, № 5, с. 101). Однако В. Ю. Розенцвейг подверг эту интерпретацию сомнению: «Если верно,— заявил он,— что русские глаголы не заимствовались медновскими алеутами, то непонятно, каким образом были заимствованы ими русские глагольные словоизменяемые морфемы» (*Розенцвейг В. Ю.* Языковая практика и лингвистическая теория.— *Вопр. языкозн.*, 1966, № 2, с. 39). В приведенных Г. А. Меновщиковым алеутских фразах с заимствованными русскими формантами, по мнению В. Ю. Розенцвейга, следует «столь же, если не более правомерно, видеть... фразы русские по грамматической конструкции, но в которых используется заимствованная алеутская лексика» (там же).

С. 66 * Как сообщают С. Михалк и Г. Протце, лужицане в своей родной речи широко используют указательные местоимения в функции определенного артикля под влиянием эквивалентных немецких фраз, например: ...*daß er sich das Bein gebrochen hat* > *tu nohu*; *Der Schnee ist liegen geblieben* > *tón sn:h*. И наоборот, в их немецкой речи под влиянием собственных лужицких конструкций в 20—25% случаев наблюдалось опущение артиклей там, где по нормам немецкого языка они необходимы. Распространены лужицкие кальки немецких глаголов с отделимыми приставками типа *putř hić* < *hineingehen*, *sobu hić* < *mitgehen*, *won hić* < *hinausgehen*, *preć hić* < *weggehen* (*Studien zur sprachlichen Interferenz II*, S. 86—92).

С. 67 * Об этом же явлении в речи украинцев Закарпатья сообщает В. И. Орос (см.: *Орос В. І.* Про українсько-румунські мовні контакти в східних районах Закарпаття.— В кн.: Восточнославянско-восточнороманские языковые, литературные и фольклорные связи.

Черновцы, 1966). Об использовании румынской частицы *mai* в той же функции в русской речи липован Румынии сообщается также в статье В. Арвинте «Один из случаев славяно-румынского двуязычия в связи с румынскими элементами в говоре липован деревни Думаски» (*Revue de linguistique*, Bucarest, 1959, t. IV, № 1).

С. 75 * Новые факты о грамматической интерференции немецкого языка в лужицком и наоборот сообщаются в книге *Studien zur sprachlichen Interferenz II*. Bautzen, 1974.

С. 81 * Процессы англо-литовского языкового контакта в США позднее были весьма детально исследованы советскими лингвистами А. Глемжене (Интерференция английского языка в лексике литовцев США. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1973) и А. Пажусисом (Фонологическая и морфологическая интеграция английских заимствований в литовском языке Северной Америки. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1971).

С. 83 * У. Вайнрайх здесь снова смешивает понятия слова и морфемы.

** Э. Хауген обозначает все явления лексической интерференции одним термином — «заимствование» (*borrowing*), определяя его как «попытку говорящего воспроизвести средствами одного языка те модели, которые он изучил в другом языке» (*Haugen E. Norwegian Language in America*, p. 384). Он предложил следующую классификацию лексических инноваций, возникающих в ситуациях языковых контактов:

1. Заимствуемые единицы:

А. Кальки, в том числе: 1) новообразования (точные или приближительные), 2) расширения (омонимические или синонимические).

Б. Заимствуемые слова, в том числе: 1) ассимилированные и 2) неассимилированные.

2. Собственные единицы:

1) стимулированные образования;

2) спонтанные образования (*Haugen E. Review of «Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altenglischen» by H. Gneuss. — Language*, Oct. — Dec. 1956, vol. 32, No. 4, Part 1, p. 766).

С. В. Семчинский рассматривает все изменения в лексико-семантической системе языка, вызываемые лингвистическим взаимодействием (в том числе заимствования, кальки, семантические заимствования), как «семантическую интерференцию» (см.: *Семчинский С. В. Семантика интерференция мов*, с. 170).

С. 84 * О процессах семантической интерференции см. весьма тщательное и богатое фактическим материалом исследование С. В. Семчинского «Семантична інтерференція мов» (Киев, 1971); а также его же «Семантическая интерференция языков» (Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1973).

С. 88 * Э. Хауген указывал, что при всем различии калькирования и заимствования между ними есть и много общего: «Двуязычный индивид, — писал он, — пользующийся языком А и чувствующий необходимость или желание использовать выражение из языка Б, если он не может или не хочет переключиться на язык Б, имеет только две возможности: 1) импортировать в А фонему за фонемой воспроизведение оригинала, создавая то, что мы могли бы назвать *фонемной копией* иноязычной модели, иначе говоря — заимствованное слово, или 2) подставить одну или больше собственных морфем, подставляемых оригиналом, создавая *морфемную копию*, то есть кальку. В обоих случаях инновация возникает в языке А...»

(Haugen E. Review of «Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altenglischen» by H. Gneuss, p. 762).

С. 89 * По существу, всякое заимствованное слово входит в принимающую его систему в смешанном виде, то есть содержит в себе признаки, общие для обеих контактирующих систем. «Фактически,— пишет Э. Хауген,— иностранное слово заимствуется в нетронutom виде, со всеми его звуками, формами и значениями очень редко, так как это означало бы целый сдвиг в системе языка, и носители избегают этого посредством подстановки в заимствуемое слово некоторых привычных элементов своего собственного языка» (Хауген Э. Процесс заимствования.— В кн.: Нов. в лингвистике, 1972, вып. 6, с. 349). На этом основании Э. Хауген предложил рассматривать всякое заимствование как акт, включающий с себя «элемент перенесения (importation) и элемент подстановки (substitution)» (там же). В процессе субституции (подстановки) двуязычный носитель обычно действует подсознательно, но в то же время общая тенденция вовсе не является беспорядочной. Иногда конкретные примеры оформления заимствуемого элемента свидетельствуют о весьма тонком ощущении носителями контактных соотношений языковых систем и их отдельных элементов.

С. 92 * Явление устранения слова или его лексико-семантического варианта под воздействием системы контактирующего языка С. В. Семчинский предложил обозначать термином «отрицательное семантическое заимствование» (Семчинский С. В. Семантична інтерференція мов, с. 216—222). Нами для этой же цели был использован термин «лексическая аннигиляция» (Жауктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия, с. 158).

С. 95 * В результате сопоставительных исследований лексики разных языков обнаруживалось, что во внешней форме лексических единиц во многих случаях проявлялась изоморфность, а семантическая их структура нередко была одинаковой. Такую изоморфность и тождество строения лексем, а также одинаковость связи значений многозначных слов С. В. Семчинский называет межъязыковой изомемией (Семчинский С. В. Семантична інтерференція мов, с. 4). Общая тенденция к лексическим инновациям в ситуации языкового контакта во многом объясняется стремлением двуязычных лиц к изосемной симметрии обеих языковых систем.

С. 103 * Проблеме установления количественных параметров языковых контактов и измерений двуязычия была посвящена специальная международная научная конференция, проводившаяся в Оттаве (Канада) в 1967 г. Материалы этой конференции см. в кн.: Description and Measurement of Bilingualism. Toronto, University of Toronto Press, 1969.

С. 156 * У. Вайнрайх умалчивает тут о таком важнейшем факторе, способствующем интенсивному воздействию языка данной страны на языки иммигрантов, как политическая и социально-культурная дискриминация, которой, как правило, подвергаются здесь иммигрантские группы. Кроме того, иммигрантский язык лишается нормирующей поддержки со стороны школы и официальных учреждений.

С. 188 * В Советском Союзе к числу регионов, отличающихся большим разнообразием языковых контактов и сложностью их социокультурного окружения, относятся украинское Закарпатье, Кавказ, среднеазиатские республики, Сибирь и др. Во всех этих областях успешно проводится исследование взаимодействия языков и масштабов их взаимной интерференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В помещенный ниже список включены все источники, на которые делались ссылки в тексте книги, а также некоторые дополнительные работы по проблемам, которые в ней обсуждаются.

1. *Абдулаев Хайрулла*. К вопросу о русских предложениях и их эквивалентах в узбекском языке.— Рус. яз. в школе, 1947, № 6, 66—68.

2. *Аванесов Р. И.* Очерк русской диалектологии, ч. 1. М., 1949.

3. *Бикчентай И., Лаврова-Бикчентай М.* Мышление на родном и чужом языках. М., 1929.

4. *Богородицкий В. А.* Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1910.

5. *Богородицкий В. А.* Неправильности русской речи у чувашей. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933, 106—112.

6. БСЭ. 1-е изд. М., 1946.

7. Вопросы методики преподавания русского языка в нерусской школе /Под ред. Н. К. Дмитриева, В. М. Чистякова. М—Л., 1948.

8. *Георгиевский А. Р.* Русские говоры Приморья.— Тр. Дальневосточного госуниверситета, 1928, т. 3, № 7.

9. *Звегинцев В. А.* К понятию внутренних законов развития языка.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1951, № 10, 319—335.

10. *Лыткин В. И.* Фонетика севернорусских говоров и заимствования из русского в коми-пермяцкий.— Материалы и исследования по русской диалектологии, 1949, № 2, 128—207.

11. *Мординов А. Е.* О развитии языков социалистических наций СССР.— Вопр. филос., 1950, № 3.

12. *Мординов А. Е., Санжеев Г.* Некоторые вопросы развития младописьменных языков СССР.— Большевик, 1951, № 8, 38—48.

13. *Никольский Н. М.* Об использовании грамматических параллелей из родного языка при обучении русскому языку в нерусских школах.— Рус. яз. в школе, 1947, № 5, 63—67.

14. *Селищев А.* Русские говоры казанского края и русский язык чувашей и черемисов.— Учен. зап. Ин-та яз. и лит. РАНИОН, 1927, т. 1, 36—72.

15. *Селищев А.* Русский язык у инородцев Поволжья.— Slavia, 1925/26, № 4, 26—43.

16. *Селищев А.* Соканье и шоканье в славянских языках.— Slavia, 1931, № 10, 718—741.

17. *Ставрulli М.* К вопросу о двуязычии.— Просвещение национальностей, 1935, № 4, 38—46.

18. *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, № 4, 1945, 173—186.

19. *Якобсон Р.* К характеристике евразийского языкового союза. Paris, 1931.
20. *Якубинский Л.* О диалектологической речи.— Рус. речь, 1923, № 1, 96—194.
21. *Якубинский Л.* Несколько замечаний о словарном заимствовании.— Яз. и лит., 1926, № 1, 1—19.
22. *Agard F. and Dunkel H. B.* An Investigation of Second-Language Teaching. Boston — New York, 1948.
23. *Albert H.* Mittelalterlicher englisch-französischer Jargon (= Studien zur englischen Philologie 63). Halle, 1922.
24. American Council of Learned Societies. Bulletin nos. 40. (1948), 43 (1950); No. 34 (= Conference on Non-English Speech in the United States), March 1942.
25. *Ammende E.* (ed.). Die Nationalitäten in den Staaten Europas. Vienna, 1931.
26. *Aron A. W.* The Gender of English Loan-Words in Colloquial American German.— Curme Volume of Linguistic Studies (= Language Monographs 7). Baltimore, 1931.
27. *Arsenian S.* Bilingualism and Mental Development. New York, 1937.
28. *Arsenian S.* Bilingualism in the Post-War World.— Psychological Bulletin, 1945, No. 42, 65—86.
29. *Athanasiadès G.* Le bilinguisme dans les écoles grecques. Geneva, 1940.
30. *Aubin H., Frings Th. and Müller J.* Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden. Bonn, 1926.
31. *Aucamp A. J.* Bilingual Education and Nationalism With Special Reference to South Africa. Pretoria, 1926.
32. *Auerhan J.* Die sprachlichen Minderheiten in Europa. Berlin, 1926.
33. *Bühler E. L.* Die Organisation des öffentlichen Schulwesens der schweizerischen Kantone; Mannigfaltigkeit in der Einheit (= Archiv für das schweizerische Unterrichtswesen 33), 1947.
34. *Bangerter A.* Die Grenze der verbalen Pluralendungen im Schweizerdeutschen (= Beiträge zur schweizerdeutschen Mundartforschung 4). Frauenfeld, 1951.
35. *Barbeau V.* Le ramage de mon pays; le français tel qu'on le parle au Canada. Montreal, 1939.
36. *Barić H.* O uzajamnim odnosima balkanskih jezika. Belgrade, 1937.
37. *Barker G. C.* Growing Up in a Bilingual Community.— The Kiva, 1951, No. 17, 17—32.
38. *Barker G. C.* Pachuco: An American-Spanish Argot and Its Social Functions in Tucson, Arizona.— University of Arizona Bulletin XXI, 1 (= Social Science Bulletin 18), 1950.
39. *Barker G. C.* Social Functions of Language in a Mexican-American Community.— Acta Americana 1947, No. 5, 185—202.
40. *Barnouw A. J.* Language and Race Problems in South Africa. The Hague, 1934.
41. *Bartoli M.* Per la storia della lingua italiana.— Archivio glottologico italiano, 1927, № 21, 72—107.
42. *Bastien H.* Le bilinguisme au Canada. Montreal, 1938.
43. *Bateman W. G.* A Child's Progress in Speech, With Detailed Vocabularies.— Journal of Educational Psychology, 1914, № 5, 307—320.

44. *Bauer B.* Die Sprachenfrage im Volksschulwesen Elsass-Lothringens. 1938.
45. *Bauer H.* Zur Frage der Sprachmischung im Hebräischen. Halle, 1924.
46. *Bauer R.* Ein Volk ohne Sprache — die Iren.— Nation und Staat, 1937, № 10, 506—513.
47. *Baumgartner H.* Das Verhältnis des deutschsprechenden Bieler zu seiner Mundart, zur Schriftsprache und zum Französischen.— Bieler Jahrbuch, I, 1927, 61—88.
48. *Baumgartner H.* Ein zweisprachiges Gymnasium.— Bieler Jahrbuch VI, 1932.
49. *Bauwens L.* Régime linguistique de l'enseignement primaire et de l'enseignement moyen. Brussels, 1933.
50. *Bazell C. E.* [Reply to Question IV].— In: International Congress of Linguists, 6th (см. 241 в данном списке), 303.
51. *Beals R.* Acculturation.—In: Anthropology Today (ed. A. L. Kroeber). Chicago, 1953, 621—641.
52. *Beals R.* Acculturation, Economics, and Social Change in an Ecuadorean Village.— In: International Congress of Americanists, 29th (238), 67—73.
53. *Beck R.* Schwebendes Volkstum in Gesinnungswandel. Stuttgart, 1938.
54. *Beckman N.* Västereuropeisk syntax; några nybildningar i nordiska och andra västereuropeiska språk. Göteborg, 1934.
55. *Belic A.* [Reply to Question IV].— In: International Congress of Linguists, 6th (241), 304.
56. *Benardete D.* Immigrant Speech — Austrian-Jewish Style.— American Speech 1929/30, No. 5, 1—15.
57. *Betz W.* Deutsch und Lateinisch; die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. Bonn, 1949.
58. *Betz W.* Zur Erforschung des «inneren Lehnguts».— In: International Congress of Linguists, 5th (240), 33—35.
59. *Birnbaum S.* Das hebräisch-aramäische Element in der jiddischen Sprache. Leipzig, 1922.
60. *Bjerrum A.* Über die phonematische Wertung der Mundartaufzeichnungen.— Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague, 1938/39, № 5, 29—51.
61. *Björkman E.* Blandspråk och länord.— Förhandlingar vid sjätte nordiska filologmötet i Uppsala, 1902, 145—161.
62. *Blanken G. H.* Les Grecs de Cargese. Leyden, 1951.
63. *Blijdenstein G. F.* Zeichnen im zweisprachigen Unterricht.— Deutsche Schule im Ausland, 1935, 272ff.
64. *Bloch O.* La pénétration du française dans les parlers des Vosges Méridionales (= Bibliothèque de l'École des Hautes Études 232). Paris, 1921.
65. *Blocher E.* Die deutsche Schweiz in Vergangenheit und Gegenwart (= Schriften des Deutschen Ausland-Instituts 8). Stuttgart, 1923.
66. *Blocher E.* Rückgang der deutschen Sprache in der Schweiz, n. d.
67. *Blocher E.* Vom Zerfall der Mundart.— Jährliche Rundschau des Deutschschweizerischen Sprachvereins 1916.
68. *Blocher E.* Zweisprachigkeit: Vorteile und Nachteile (= Pädagogisches Magazin 385). Langensalza, 1909.
69. *Bloomfield L.* Language. New York, 1933.

70. *Boas F.* On Alternating Sounds.— *American Anthropologist*, 1889, No. 2, 47—53.

71. *Boas F.* The Classification of American Languages.— *American Anthropologist*, 1920, No. 22, 367—376.

72. *Bock K. N.* Grænseegnenes Sprog: Mellemslesvigs Sprogforhold.— *Haandbog i det slesvigske Spørgsmaals Historie, 1900—1937* (ed. Franz v. Jessen). Copenhagen, 1938, III, 615—684.

73. *Bock K. N.* Niederdeutsch auf dänischem Substrat (= *Deutsche Dialektgeographie* 34). Copenhagen, 1933.

74. *Bodmer A.* Spinnen und Weben im französischen und deutschen Wallis (= *Romanica Helvetica* 16). Geneva — Zurich, 1940.

75. *Bogoroditzkij V. A.* Über Sprachfehler der Deutschen im Russischen und der Russen im Deutschen.— *Archiv für slavische Philologie*, 1927, № 41, 1—13.

76. *Boileau L.* Le problème du bilinguisme et la théorie des substrats.— *Revue des langues vivantes*, 1946, № 12, 113—125, 169—193, 213—224.

77. *Bonfante G.* [Reply to Question IV].— In: *International Congress of Linguists*, 6th (241), 304.

78. *Borchling C.* Sprachcharakter und literarische Verwendung des sogenannten «Missingsch».— *Wissenschaftliche Beihefte* (№ 37) zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins, 1916, № 5, 193—221.

79. *Born E. F.* Schwedisch und Finnisch in Finnland.— *Baltische Monatsschrift*, 1928, № 60, 359—366.

80. *Bossard J. H. S.* The Bilingual Individual as a Person — Linguistic Identification With Status.— *American Sociological Review*, 1945, No. 10, 699—709.

81. *Bouda K.* Zur Sprachmischung.— *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, 1947, № 1, 65—67.

82. *Bovet P.* Bilinguisme et éducation. Geneva, 1932.

83. *Bovet P.* Les problèmes scolaires posés par le bilinguisme.— *Schweizer Erziehungs Rundschau*, 1935, № 1.

84. *Brandenstein W.* Substrato, Superstrato, Adstrato.— In: *International Congress of Linguists*, 5th (240), 48.

85. *Brandstetter R.* Das schweizerdeutsche Lehngut im Romontschen. Lucerne, 1905.

86. *Braun M.* Beobachtungen zur Frage der Mehrsprachigkeit.— *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1937, № 199, 115—130.

87. *Braunshausen N.* Le bilinguisme et la famille.— In: *Bureau International d'Education* (96), 87—94.

88. *Braunshausen N.* Le bilinguisme et les méthodes d'enseignement des langues étrangères (= *Cahiers de la Centrale du P. E. S. de Belgique VII*). Liege, 1933.

89. *Bréal M.* Le mécanisme grammatical peut-il s'emprunter? — *Mémoires de la Société Linguistique de Paris*, 1892, № 7, 191f.

90. *Broch O.* Russenorsk.— *Archiv für slavische Philologie*, 1927, № 41, 209—262.

91. *Bruckner W.* Die Bedeutung der Ortsnamen für die Erkenntnis alter Sprach- und Siedlungsgrenzen in der Westschweiz.— *Vox Romanica*, 1936, № 1, 235—265.

92. *Budimir M.* Pathologische Lauterscheinungen in der Alloglottie. In: *Third International Congress of Linguists*, 1933. Atti, Rome. 1935, 54—58.

93. *Buflington A. F.* English Loan Words in Pennsylvania German.— Studies in Honor of Albrecht Walz. Lancaster (Pa.), 1941.

94. A Bulletin of Bilingual Studies, Published by the Bilingualism Committee of the University of Wales; October 1936, No. 1 (mimeographed); June 1938, No. 2; June 1939, No. 3.

95. *Bunsen M.* Die Welt, in der ich lebte. Leipzig, 1929.

96. Bureau International d'Éducation: Le bilinguisme et l'éducation, Travaux de la conférence internationale [sur le bilinguisme] tenue à Luxembourg... Geneva — Luxembourg, 1928; Spanish edition: El bilingüismo y la educación. Madrid, 1932.

97. *Buros O. K.* (ed.). Third Mental Measurements Yearbook. New Brunswick (N. Y.), 1949.

98. *Bychowski Z.* Über die Restitution der nach einem Schädelsschuss verlorenen Umgangssprache bei einem Polyglotten — Monatschrift für Psychiatrie und Neurologie, 1919, № 45, 183—201.

99. California, Department of Education. Teacher's Guide to the Education of Spanish-Speaking Children (= Bulletin 21, No. 4), 1952.

100. Canada, Department of Education. Report of the Committee Appointed to Enquire into the Conditions of the Schools Attended by French-Speaking Pupils, 1927.

101. *Capidan Th.* Fășeroții, studiu linguistic asupra Românilor din Albania. Bucharest, 1931.

102. *Capidan Th.* Le bilinguisme chez les Roumains.— Langue et littérature (Bulletin de la section littéraire de l'Académie Roumaine), 1941, № 1, 73—94.

103. *Capidan Th.* Les éléments des langues slaves du sud en roumain et les éléments roumains dans les langues slaves méridionales.— Langue et littérature (cf. 102), 1941, № 1, 199—214.

104. *Capidan Th.* Meglenoromânii I: istoria și graiul lor (= Academia Română, Studii și cercetări 7). Bucharest, 1925.

105. *Capidan Th.* Une suffixe albanais en roumain.— Revue internationale des études balkaniques, 1936, № 2, 130—136.

106. *Caplow Th.* The Modern Latin American City.— In: International Congress of Americanists, 29th (238), 255—266.

107. *Carr D.* Comparative Treatment of Epenthetic and Paragogic Vowels in English Loan Word in Japanese and Hawaiian.— Semitic and Oriental Studies... for William Popper (= University of California Publications in Semitic Philology 11), 1951, 13—26.

108. *Casagrande J. B.* Comanche Linguistic Acculturation: A Study in Ethnolinguistics. Unpublished Dissertation. Columbia University, 1951, summarized in: Microfilm Abstracts, 1951, № 4, 811f.

109. *Cehollero P. A.* A School Language Policy for Puerto Rico. San Juan (P. R.), 1945.

110. *Chen E. Y. L.* A Study of Sentences by the Bilingual Child of Chinese Ancestry. Unpublished M. A. Thesis. Honolulu, 1935.

111. *Choksi M.* The Problem of Teaching English in Bombay Schools.— Teaching, 1948, No. 20, 112—115.

112. *Christophersen P.* Bilingualism. London, 1948.

113. *Church A. M.* The Standardized Testing Program Summary Report, 1947.— Hawaii Educational Review. 1947. No. 36. 53—58.

114. *Clerc Ch.* Il ne s'agit pas d'être bilingues, mais...— Die Schweiz XIV, 1943, 148—152.

115. *Coale W. B.* Successful Practices in the Teaching of English to Bilingual Children in Hawaii (= U. S. Department of the Interior, Office of Education, Bulletin 1937, 14). Washington, 1938.
116. *Collinder B.* Språkstrid och nationalitetskamp i Finland. Stockholm, 1935.
117. *Cornioley H.* Muttersprachliche Zerfallserscheinungen beim Aufenthalte in fremdem Sprachgebiet. Berne, 1936.
118. *Cornish V.* Borderlands of Language in Europe and Their Relations to the Historic Frontier of Christendom. London, 1936.
119. *Čouka F.* Über die Sprache tschechischer Kinder in einer deutschen Schule.— In: Bureau International d'Education (96), 157—171.
120. *Darcy N. T.* The Effect of Bilingualism Upon the Measurement of the Intelligence of Children of Preschool Age. Unpublished Doctoral Dissertation. Fordham University, 1945.
121. *Darcy N. T.* A Review of the Literature on the Effects of Bilingualism Upon the Measurement of Intelligence.— Journal of Genetic Psychology, 1953, No. 82, 21—57.
122. *Dauzat A.* Le déplacement des frontières linguistiques du français de 1806 à nos jours.— La Nature, 1927, № 55, 529—535.
123. *Dauzat A.* Les patois. Paris, 1927.
124. *Daviault S.* L'enseignement du français en pays bilingues. Cannes, 1951.
125. *David H.* Bilingualism. Dissertation in Preparation. New York University, 1951; reported in: Publications of the Modern Language Association of America 67, 1952, No. 3, 128.
126. *Davies M. and Hughes A. G.* An Investigation into the Comparative Intelligence and Attainments of Jewish and Non-Jewish Children.— British Journal of Psychology (General Section), 1927, No. 18, 134—146.
127. *Deeters G.* Armenisch und Südkaukasisch; ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung.— Caucasia, 1926, № 3, 57—82.
128. *Devereux G.* Mohave Voice and Speech Mannerisms.— Word, 1949, No. 5, 268—272.
129. *Devereux G. and Loeb E. M.* Antagonistic Acculturation.— American Sociological Review, 1943, No. 8, 133—147.
130. *Dhondt J.* Essai sur l'origine de la frontière linguistique [en Belgique].— L'Antiquité classique, 1947, № 16, 261—286.
131. *Dillon M.* Linguistic Borrowing and Historical Evidence.— Language, 1945, No. 21, 12—17.
132. *Dirr A.* Linguistische Probleme in ethnologischer, anthropologischer und geographischer Betrachtung.— Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1909, № 39, 301—320; 1910, № 40, 22—43.
133. *Dodd S. C.* On Measuring Languages.— Journal of the American Statistical Association, 1949, No. 44, 77—88.
134. *Doroszewski W.* Język polski w Stanach Zjednoczonych A. P. Warszawa, 1938.
135. *Draye H.* De gelijkmaking in de plaatsnamen.— Bulletin de la Commission Royale de Toponymie et Dialectologie [Belge], 1941, № 15, 357—394; 1942, № 16, 43—63; 1943, № 17, 305—390.
136. *Draye H.* De studie van de vlaamsch-waalsche taalgrens in België. Brussels, 1945.
137. *Draye H.* De studie van de vlaamsch-waalsche taalgrenslijn

in Belgie gedurende de Hedendaagsche Periode.— *Leuvensche Bijdragen*, 1941, № 33, 61—112; 1942, № 34, 1—37.

138. *Dreher J. J.* A Comparison of Native and Acquired Intonation. Unpublished Doctoral Dissertation. University of Michigan, 1951; summarized in: *Microfilm Abstracts*, 1951, No. 11, 461.

139. *Dudek J. B.* The Bohemian Language in America.— *American Speech*, 1926/27, No. 2, 209—311.

140. *Dudek J. B.* The Americanization of Czech Given Names.— *American Speech*, 1926, No. 1, 18—22; 161—166.

141. *Dufrenne J. M.* Les anglicismes dans le parler canadien-français.— *Idées*, 1937, № 6, 257—279.

142. *Eikel F. Jr.* The Use of Cases in New Braunfels [Texas] German.— *American Speech*, 1949, No. 24, 278—281.

143. *Eisemann K. E.* Das alemannische Lehngut in der ostfranzösischen Mundart von Schnierlach (Lapoutroie) in den Vogesen (= Leipziger romanistische Studien, Sprachwissenschaftliche Reihe 20), 1939.

144. *Eisemann W.* Beobachtungen zur Ein- und Zweisprachigkeit niederdeutscher Kinder. Dissertation in Preparation at University of Hamburg, 1950; reported in: *Publications of the Modern Language Association of America* 55; 1950, No. 3, 227.

145. *Emrich L.* Beobachtungen zur Zweisprachigkeit in ihrem Anfangsstadium.— *Deutschum im Ausland*, 1938, № 21, 419—424.

146. *Enciclopedia Italiana*, 1933, s. v. Italia, vol. 19, 928—932.

147. *Epstein I.* La pensée et la polyglossie. Paris, 1915.

148. *Erbe H.* Die Hugenotten. Essen, 1937.

149. *Esper E. A.* A Technique for the Experimental Investigation of Associative Interference in Artificial Linguistic Material (= *Language Monograph* 1). Baltimore, 1925.

150. *Espinosa A. M.* Estudios sobre al español de Nuevo Méjico. Buenos Aires, 1930.

151. *Fabrykant I.* Galitsizmen in yidish.— *Yidishe Shprakh*, 1947, No. 7, 47—59.

152. *Faine J.* Le créole dans l'univers. Port-au-Prince, 1939.

153. *Fano R. M.* The Information Theory Point of View in Speech Communication.— *Journal of the Acoustical Society of America*, 1950, No. 22, 691—696.

154. *Fausel E.* Eine deutsch-brasilianische Wortsammlung.— *Auslandsdeutsche Volksforschung*, 1937, № 1, 308—311.

155. *Feist R.* Studien zur Rezeption des französischen Wortschatzes im Mittelenglischen. Leipzig, 1934.

156. *Fettes J.* Les efforts pronétiques d'un petit peuple trilingue.— *Third International Congress of Phonetic Sciences, Proceedings*, 1938, 924—926.

157. *Fishman J. A.* Tsveyshprakhikayt in a yidisher shul: eynike korelatn un nit-korelatn.— *Bleter far yidisher dertsung*, 1951, No. 4, 32—42.

158. *Fishman J. A.* Degree of Bilingualism in a Yiddish School and Leisure Time Activities.— *Journal of Social Psychology*, 1952, No. 36, 155—165.

159. *Flom G. T.* English Elements in Norse Dialects in Utica, Wisconsin.— *Dialect Notes*, 1900/01, No. 2, 257—268.

160. *Flom G. T.* English Loanwords in American Norwegian, As Spoken in the Koshkonong Settlement, Wisconsin.— *American Speech*, 1925/26, No. 1, 541—548.

161. *Flom G. T.* The Gender of English Loanwords in Norse Dialects in America; a Contribution to the Study of the Development of Grammatical Gender.— *Journal of English and Germanic Philology*, 1903/05, No. 5, 1—31.
162. *Frey J. W.* The Phonemics of English Loan Words in Eastern York County Pennsylvania Dutch.— *American Speech*, 1942, No. 17, 94—101.
163. *Fries Ch. C.* and *Pike K. L.* Coexistent Phonemic Systems.— *Language*, 1949, No. 25, 29—50.
164. *Gadola G.* Domat ed il Romontsch.— *Igl Ischi*, 1947, № 33, 146—158.
165. *Gali A.* Comment mesurer l'influence du bilinguisme.— In: *Bureau International d'Éducation* (96), 123—136.
166. *Gali A.* and *G.* Quelques données sur le bilinguisme.— In: *New Education Fellowship* (382).
167. *Garvin P.* Distinctive Features in Zoque Phonemic Acculturation.— *Studies in Linguistics*, 1947, № 5, 13—20.
168. *Gatenby E. V.* Second Language in the Kindergarten.— *English Language Teaching*, 1947, No. 1.
169. *Gauchat L.* L'état actuel des patois romands.— *Der Geistesarbeiter*, 1942, № 21, 21—28.
170. *Geiger P.* and *Weiss R.*, eds. *Atlas der schweizerischen Volkskunde*. Zurich, 1950ff.
171. *Genelin P.* Germanische Bestandteile des rätoromanischen (surselvischen) Wortschatzes.— *Programm der k. k. Oberrealschule in Innsbruck*, 1899/1900.
172. *Georgacas D. J.* Peri tēs katagōgēs tōn Sarakatsanaion kai tou onomatos auton.— *Archives of the Thracian Language and Folklore Thesaurus*, 1945/46, No. 12, 65—128; 1948/49, No. 14, 193—270.
173. *Gerullis G.* Muttersprache und Zweisprachigkeit in einem preussisch-litauischen Dorf.— *Studi baltici*, 1932, № 2, 59—67.
174. *Ghibu O.* Der moderne Utraquismus (= Pädagogisches Magazin 414). Langensalza, 1910.
175. *Gillouin R.* De l'Alsace à la Flandre; le mysticisme linguistique. Paris, 1930.
176. *Göble-Galdi L.* Esquisse de la structure grammaticale des patois français-créoles.— *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*, 1934, № 58, 257—295.
177. *Goldberg M. M.* A Qualification of the Marginal Man Theory.— *American Sociological Review*, 1941, № 6, 52—58.
178. *Goldstein K.* *Language and Language Disturbances*. New York, 1948.
179. *Goldstein K.* and *Katz S. E.* The Psychopathology of Pick's Disease.— *Archiv für Neurologie und Psychiatrie*, 1937, No. 38, 473—490.
180. *Graur A.* Désinences pour mots étrangers.— *Faculté des Lettres de Bucarest, Bulletin linguistique*, 1934, № 2, 238—241.
181. *Graur A.* Langues mêlées.— *Faculté des Lettres de Bucarest, Bulletin linguistique*, 1947, № 15, 8—19.
182. *Graur A.* Notes sur le bilinguisme.— *Faculté des Lettres de Bucarest, Bulletin linguistique*, 1939, № 7, 179f.
183. Great Britain, Ministry of Education, Welsh Department. *Language Teaching in Primary Schools* (= Pamphlet 1). London, 1946.

184. Great Britain, Ministry of Education, Welsh Department. Bilingualism in the Secondary School in Wales; Y Broblem Ddwyieithog yn yr Ysgol Uwchradd yng Nghymru (= Pamphlet 4). London, 1949.
185. *Greenberg J. H.* Some Aspects of Negro-Mohammedan Culture Contact Among the Housa.— *American Anthropologist* n. s., 1941, No. 43, 51—61.
186. *Grentrup Th.* Religion und Muttersprache (= Deutschum im Ausland 47/9). Münster (Westfalen), 1932.
187. *Groos W.* Wanderfahrten längs der Sprachgrenze in der Schweiz (= Schriften des allgemeinen deutschen Schulvereins zur Erhaltung des Deutschums im Auslande 6). Berlin, 1908.
188. *Grootaers L.* Tweetaligheid. — Album Frank Baur I. Antwerp. 1948, 291—296.
189. *Grünbaum M.* Mischsprachen und Sprachmischungen (= Sammlung gemeinverständlicher Vorträge XX, 473). Berlin, 1885.
190. *Gutmans T.* Di konsonantn-asimilatsye in zats.— *Filologischeshriftn fun Yivo* II, 1928, 107—110.
191. *Gysseling M.* Le Namurois, région bilingue jusqu'au 8e siècle.— *Bulletin de la Commission de Toponymie et Dialectologie*, 1948, № 21, 201—291.
192. *Haas H.* Meine Sprachgeschichte.— *Bieler Jahrbuch* III, 1929, 45—55.
193. *Haas M. R.* Interlingual Word Taboos.— *American Anthropologist* n. s., 1951, No. 53, 338—344.
194. *Hahn W. von.* Review of Selk (503).— In: *Wörter und Sachen* n. s., 1939, № 2, S. 93f.
195. *Hall R. A., Jr.* Bilingualism and Applied Linguistics.— *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, 1952, № 6, 13—30.
196. *Hallowell A. I.* Cultural Factors in the Structuralization of Perception.— In: *Social Psychology at the Crossroads* (ed. J. H. Rohrer and M. Sherif). New York, 1951, 164—195.
197. *Hallowell A. I.* Ojibwa Personality and Acculturation.— In: *International Congress of Americanists*, 29th (238), 105—112.
198. *Hallowell A. I.* Sociopsychological Aspects of Acculturation.— In: *The Science of Man in the World Crisis* (ed. R. Linton). New York, 1945, 171—200.
199. *Handwörterbuch des Grenz- und Auslandsdeutschums* (ed. C. Petersen and others), 3 vols. Breslau, 1933—1938.
200. *Hardie D. W. F.* A Handbook of Modern Breton (Armorican). Cardiff, 1948.
201. *Hardy G.* Le problème de la langue véhiculaire dans l'enseignement colonial.— *International Education Review*, 1931, No. 1, 442—449.
202. *Harris J. W.* German Language Influences in St. Clair County, Illinois.— *American Speech*, 1948, No. 23, 106—110.
203. *Harten-Hoenecke T.* Dichten in fremder Sprache.— *Die Literatur, Monatsschrift für Literaturfreunde*, 1927, № 29, 321—324.
204. *Häudricourt A.-G. and Martinet A.* Propagation phonétique ou évolution phonologique? Assourdissement et sonorisation d'occlusives dans l'Asie du Sud-est.— *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 1946, № 43, 82—92.
205. *Haugen E.* Language and Immigration.— *Norwegian-American Studies and Records*, 1938, No. 10, 1—43.

206. *Haugen E.* Om en samlet fremstilling av norsk-amerikanisk sprogutvikling.— Avhandlinger utgitt av det Norske Videnskaps-Akademii i Os'lo, II Kl. 1938, No. 3.
207. *Haugen E.* Phonological Shifting in American Norwegian.— *Language*, 1938, No. 14, 112—120.
208. *Haugen E.* Problems of Bilingualism.— *Lingua*, 1950, No. 2, 271—290.
209. *Haugen E.* The Analysis of Linguistic Borrowing.— *Language*, 1950, No. 26, 210—231.
210. *Haugen E.* The Impact of English on American-Norwegian Letter-Writing.— *Studies in Honor of Albert Morey Sturtevant*. Lawrence (Kan.), 1952, 76—102.
211. *Haugen E.* The Norwegian Language in America. Philadelphia (Penn.), 1953.
212. *Haight B. F.* The Language Difficulty of Spanish-American Children.— *Journal of Applied Psychology*, 1931, No. 15, 91—95.
213. *Havránek B.* Zur phonologischen Geographie; das Vokalsystem des balkanischen Sprachbundes.— *Archives néerlandaises de phonétique expérimentale*, 1933, № 8—9, 119—125.
214. *Hayes F. C.* Anglo-Spanish Speech in Tampa, Florida.— *Hispania*, 1949, № 32, 48—52.
215. *Hegnauer C.* Das Sprachenrecht der Schweiz. Zurich, 1947.
216. *Hellings W. G.* Het Stadtfries en de problemen van taalverhoudingen en taalinvloed.— *Tijdschrift voor Nederlandsche Taal- en Letterkunde*, 1940, № 59, 19—52, 125—158.
217. *Hempl G.* Language-rivalry and Speech-differentiation in the Case of Race-mixture.— *Transactions of the American Philological Association*, 1898, № 29, 31—47.
218. *Henss W.* Erziehungsfragen der fremden Minderheiten.— In: *Bureau International d'Éducation* (96), 69—86.
219. *Henss W.* Zweisprachigkeit als pädagogisches Problem.— *Ethnopolitischer Almanach II*, 1931, 47—55.
220. *Henzen W.* Schriftsprache und Mundarten. Zurich — Leipzig, 1938.
221. *Herman L.* and *Marguerite S.* Manual of Foreign Dialects for Radio, Stage, and Screen. Chicago — New York, 1943.
222. *Herrman G.* and *Plötzl O.* Bemerkungen über Aphasie der Polyglotten.— *Neurologisches Centralblatt*, 1920.
223. *Herskovits M. J.* Acculturation; the Study of Culture Contact. New York, 1938.
224. *Herskovits M. J.* Man and His Works. New York, 1948.
225. *Herskovits M. J.* Some Comments on the Study of Culture Contact.— *American Anthropologist* n. s. 1941, No. 43, 1—10.
226. *Herskovits M. J.* Introduction to: International Congress of Americanists, 29th (238), 48—63.
227. *Herzog G.* Culture Change and Language Shifts in the Pima Vocabulary.— *Culture, Language, and Personality*. Menasha (Wis.), 1941, 66—74.
228. *Heuverswyn A.* and *Th. van.* Eene vreemde spraak als voertal van 't onderwijs. Ghent, 1899.
229. *Hirt H.* Geschichte der deutschen Sprache. Munich, 1919.
230. *Hjelmslev L.* Caractères grammaticaux des langues créoles, 2e Congrès International des Sciences Anthropologique et Ethnologiques (2nd Session).— *Comptes rendus*. Copenhagen, 1938, 373f.

231. *Hoarde L. C.* Teaching English to Spanish-Speaking Children in the Primary Grades. El Paso (Tex.), 1936.
232. *Hoche A.* Das träumende Ich. Jena, 1927.
233. *Hoffman H.* Einfluss des Polnischen auf Aussprache, Schreibung und formale Gestaltung der deutschen Umgangssprache in Oberschlesien.— *Zeitsch 11* für deutsche Mundarten, 1909, 264—279.
234. *Hoffman M. N. H.* The Measurement of Bilingual Background. New York, 1934.
235. *Hoijer H.* Linguistic and Cultural Change.— *Language*, 1948, No. 24, 335—345.
236. *Hubbel A. F.* The Pronunciation of English in New York City; Consonants and Vowels. New York, 1950.
237. *Huscher H.* Das Anglo-Irische als Ausdrucksmittel.— *Englische Kultur in sprachwissenschaftlicher Deutung*, Max Deutschbein zum 60. Geburtstage, Leipzig, 1936.
238. International Congress of Americanists, 29th: Proceedings, vol. 2: Acculturation in the America (ed. Sol Tax). Chicago, 1952.
239. International Congress of Linguists, 4th: Actes. Copenhagen, 1938.
240. International Congress of Linguists, 5th: Réponses au questionnaire. Brugge, 1939.
241. International Congress of Linguists, 6th: Actes. Paris, 1949.
242. International Congress of Linguists, 7th: Preliminary Reports. London, 1952.
243. *Jorga N.* Ce que vaut le vocabulaire.— *Mélanges...* P. M. Haškovec. Brno, 1936, 185ff.
244. *Ittenbach M.* Zweisprachigkeit und organischer Grundbegriff.— *Auslandsdeutsche Volksforschung*, 1937, № 1, 420—423.
245. *Jaberg K.* Considérations sur quelques caractères généraux du romanche.— *Mélanges Bally*. Geneva, 1939, 283—292.
246. *Jaberg K.* [Discussion of Sandfeld (462)].— In: International Congress of Linguists, 4th (239), 65.
247. *Jaberg K.* Sprachwissenschaftliche Forschungen und Erlebnisse (= *Romanica Helvetica* 6), 1937.
248. *Jaffe J. A.* Yidish in Amerike.— *Yivo-Bleter*, 1936, No. 10, 127—145.
249. *Jakobsen J.* Der norrøne Sprog på Shetland. Copenhagen, 1897.
250. *Jakobson R.* Franz Boas' Approach to Language.— *International Journal of American Linguistics*, 1944, No. 10, 188—195.
251. *Jakobson R.* Prinzipien der historischen Phonologie.— *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1931, № 4, 247—267; republished as an appendix to: Troubetzkoy (570), 315—336.
252. *Jakobson R.* Sur la théorie des affinités phonologiques des langues.— In: International Congress of Linguists, 4th (239), 48—59; reprinted as an appendix to: Proubetzkoy (570), 367—380.
253. *Jakobson R., Fant C., Gunnar M. and Halle M.* Preliminaries to Speech Analysis (= Massachusetts Institute of Technology, Acoustics Laboratory, Technical Report 13), 1952.
254. *Jakubowski W.* Uwagi o językowej stronie przekładów z języka rosyjskiego na polski.— *Język polski*, 1949, № 29, 155—167.
255. *Jamieson E. and Sandiford P.* The Mental Capacity of Southern Ontario Indians.— *Journal of Educational Psychology*, 1928, No. 19, 313—328.

256. *Jespersen O.* Language, Its Nature, Development, and Origin. London, 1922.
257. *Johnson G. B. Jr.* The Relationship Existing Between Bilingualism and Racial Attitudes.— *Journal of Educational Psychology*, 1951, No. 42, 357—365.
258. *Johnson G. B. Jr.* Bilingualism As Measured by a Reaction-Time Technique and the Relationship Between a Language and a Non-Language Intelligence Quotient.— *Journal of Genetic Psychology*, 1953, No. 82, 3—9.
259. *Johnson J. B.*, A Clear Case of Linguistic Acculturation.— *American Anthropologist* n. s., 1943, No. 45, 427—434.
260. *Jones W. R.* Attitude Towards Welsh as a Second Language; a Preliminary Investigation.— *British Journal of Educational Psychology* (General Section), 1949, No. 19, 44—52.
261. *Jones W. R.* and *Stewart W. A. C.* Bilingualism and Verbal Intelligence.— *British Journal of Psychology* (Statistical Section), 1951, No. 4, 3—8.
262. *Jutz L.* Sprachmischung in den Mundarten des Vorarlbergs.— *Germanisch-Romanische Monatsschrift*, 1926, № 14, 256—268.
263. *Kainz F.* Psychologie der Sprache. Stuttgart, 1943.
264. *Kaisig K.* Zur Frage der oberschlesischen Mundart.— *Muttersprache*, 1933, № 48 (Beilage), 220—223.
265. *Karsten J. E.* Eine vielsprachige Bauernbevölkerung.— *Donum Natalicum Schrijnen*, Nijmegen 1929, 76—78.
266. *Karsten J. E.* Mélange des langues et emprunts.— *Scientia*, 1935, № 58, 182—192.
267. *Kästner W.* Die deutschen Lehnwörter im Polnischen I. Berlin, 1939.
268. *Kauders O.* Über polyglotte Reaktionen bei einer sensorischen Aphasie.— *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie*, 1929, № 122, 651—666.
269. *Kaufmann E.* Der Fragenkreis ums Fremdwort.— *Journal of English and Germanic Philology*, 1939, No. 38, 42—63.
270. *Keller O.* Die Geheimsprache der wandernden Kesselflicker der Val Colla, Tessin.— *Volkstum und Kultur der Romanen*, 1934, № 7, 55—81.
271. *Kenyères A.* Comment une petite Hongroise de sept ans apprend le français.— *Archives psychologiques*, 1938, № 26, 321—366.
272. *Kercheville F. M.* A Preliminary Glossary of New Mexican Spanish.— *University of New Mexico Bulletin, Language Series*, 1934, No. 5, 1—69.
273. *Kessler H.* Zur Mundart des Schanfigg.— *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 1931, № 55, 81—206.
274. *Kimmerle M. M.* Norwegian-American Surnames — *Norwegian-American Studies and Records*, 1941, № 12, 1—32.
275. *Kimmerle M. M.* Norwegian-American Surnames in Transition.— *American Speech*, 1942, No. 17, 158—165.
276. *King G. N.* Musical Experiences to Aid Mexican Bilingual Children in Correcting Speech Defects.— *University of Arizona Record* 40, 1947, No. 1.
277. *Kiparsky V.* Fremdes im Baltendeutsch (= *Memoires de la Société Néo-Philologique de Helsingfors* 11), Helsinki, 1936.

278. *Kiparsky V.* [Discussion of Vočadlo (582)].— In: International Congress of Linguists, 4th (239), 176
279. *Kiparsky V.* [Discussion of Question IV].— In: International Congress of Linguists, 6th (241), 501—4
280. *Kleczkowski A.* Wpływ języka polskiego na dyalekty prusko-niemieckie.— Pamiątkowa księga Józef Tretiak Cracow, 1913, 119—132.
281. *Kloss H.* Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen von 1800 bis 1950 Munich, 1952
282. *Kloss H.* Die niederländisch-deutsche Sprachgrenze, insbesondere in der Grafschaft Bentheim.— Deutsche Akademie, Mitteilungen, 1930, 96—109.
283. *Kloss H.* Nebensprachen Vienna, 1929
284. *Kloss H.* Sprachtabellen als Grundlage für Sprachstatistik, Sprachenkarten und für eine allgemeine Soziologie der Sprachgemeinschaften.— Vierteljahrsschrift für Politik und Geschichte I, 1929. № 7, 103—117
285. *Kober A.* My Dear Bella New York, 1946.
286. *Kober A.* Reconciliation in the Bronx.— The New Yorker, 1951, September 1, 25—28
287. *Kock A.* Om språks förändring Göteborg, 1925.
288. *Kolehmainen J.* Finnish Surnames in America.— American Speech, 1939, No 14, 33—38.
289. *Kolehmainen J.* The Finnicization of English in America.— American Sociological Review, 1937, No. 2, 62—66.
290. *Kranzmeier E.* Deutsches Sprachgut jenseits der Sprachgrenze in den Alpen, mit besonderer Rücksicht auf das Rätoromanische des Grödnertales.— Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung, 1937, № 1, 273—286.
291. *Kranzmeier E.* Der Wert der Mehrsprachigkeit für die Etymologie grenzgelagerter Ortsnamen.— Third International Congress of Toponymy and Anthroponymy, 1949, vol. 2—3, 1951.
292. *Kranzmeier E.* Zur Ortsnamenforschung im Grenzland.— Zeitschrift für Ortsnamenforschung 1934, № 10, 105—148.
293. *Kroeber A. L.* Anthropology. New York, 1948.
294. *Kuenzi A.* Pour la langue française.— Bieler Jahrbuch I, 1927, 89—106
295. *Kuhn W.* Deutsche Sprachinselforschung. Plauen, 1934.
296. *Lafon R.* [Discussion of Question IV] in: International Congress of Linguists, 6th (241), 507f.
297. *Lagarde-Quost P. H. J.* The Bilingual Citizen.— Britain Today 140 (Dec. 1947), 15—19.
298. *Landau A.* Di slavishe elementn un hashpoes in yidish.— Filologishe shriftn fun Yivo II (1927), 199—214.
299. *Larish R.* Yidish in erets-yisroeldikh hebreish.— Yivo-Bleter, 1933, No. 5, 80—84.
300. *Larry E. C.* A Study of the English Language As Spoken by Five Racial Groups in the Hawaiian Islands. New York, 1942.
301. *Laufer B.* Loanwords in Tibetan.— T'oung Pao, 1916, № 17, 404—551.
302. *Lee D. D.* The Linguistic Aspects of Wintu Acculturation.— American Anthropologist n. s., 1943, No. 45, 435—440.
303. *Lehmann E.* Zur Grenzland-Volkskunde.— Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung, 1938, № 2, 529—542.

304. *Lehrer L.* Psychologie und dertsung. New York, 1937.
305. *Leischner A.* Über die Aphasie der Mehrsprachigen.— Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten, 1948, № 180, 731—775.
306. *Lendl E.* Die Wandlung eines südslawischen Zadrugendorfes in ein deutsches Strassendorf.— Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde, 1932, № 5, 237—239.
307. *Leopold W. F.* Bibliography of Child Language. Evanston (Ill.), 1952.
308. *Leopold W. F.* Speech Development of a Bilingual Child, 4 vols., Evanston (Ill.), 1939—1950.
309. *Leopold W. F.* The Study of Child Language and Infant Bilingualism.— Word, 1948, No. 4, 1—17.
310. *Leslau W.* The Influence of Sidamo on the Ethiopic Languages of Gurage.— Language, 1952, No. 28, 63—82.
311. *Lessiak P.* Alpendeutsche und Alpenslawen in ihren sprachlichen Beziehungen.— Germanisch-Romanische Monatsschrift, 1910, № 2, 274—288.
312. *Lévy E.-H.* Langue des hommes et langue des femmes en judéo-allemand.— Mélanges Andler. Strasbourg, 1924.
313. *Levy J.* Conflicts of Cultures and Children's Maladjustment.— Mental Hygiene, 1933, № 17, 41—50.
314. *Lévy P.* Histoire linguistique d'Alsace et de Lorraine, 2 vols. Paris, 1929.
315. *Lévy P.* Histoire linguistique de Thionville.— Revue des études historique, 1923, № 89, 423—452.
316. *Linton R.* (ed.) Acculturation in Seven American Indian Tribes. New York, 1940.
317. *Linton R.* Nativistic Movements.— American Anthropologist n. s., 1943, No. 45, 230—240.
318. *Livingston A.* La Merica Sanemagogna.— The Romanic Review, 1918, № 9, 206—226.
319. *Loesch K. C.* Volkstümer und Sprachwechsel.— Wörter und Sachen, 1936, № 17, 153—164.
320. *Loewe R.* Die Dialektmischung im magdeburgischen Gebiete.— Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung XIV, 1888, 14—52.
321. *Loewe R.* Zur Sprach- und Mundartenmischung.— Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1890, № 20, 261—305.
322. *Loey A.* La langue néelandaie en pays flamand. Brussels, 1945.
323. *Lommel H.* Das Fremdwort im Volksmund.— Bayerische Hefte für Volkskunde, 1917, № 4, 169—187.
324. *Lontos S. S.* American Greek.— American Speech, 1926, No. 1, 307—310.
325. *Lopez C.* The Language Situation in the Philippine Islands. Manila, 1931.
326. *Lotz J.* Speech and Language.— Journal of the Acoustical Society of America, 1950, No. 22, 712—717.
327. *Lowie R. H.* A Case of Bilingualism.— Word, 1945, No. 1, 249—259.
328. *Łukasik S.* Pologne et Roumanie; aux confins des deux peuples et des deux langues. Paris — Warsawa, 1938.

329. *Lurie W. A.* The Measurement of Prestige and Prestige-Suggestibility.— *Journal of Social Psychology*, 1938, No. 9, 219—225.

330. *Lynn K.* Bilingualism in the Southwest.— *Quarterly Journal of Speech*, 1945, No. 31, 175—180.

331. *Mackensen L.* Heimat, Kolonie, Umvolk.— *Volk*, 1937, № 1, 24—55.

332. *Mackensen L.* Sprachmischung als Wortbildungsprinzip.— *Zeitschrift für deutsche Philologie*, 1926, № 51, 406—412.

333. *Mackenzie F.* Les relations de l'Angleterre et de la France d'après le vocabulaire, 2 vols. Paris, 1939.

334. *Mak W.* Zweisprachigkeit und Mischmundart im Oberschlesien.— *Schlesisches Jahrbuch für deutsche Kulturarbeit*, 1935, № 7, 41—52.

335. *Malherbe E. G.* The Bilingual School; a Study of Bilingualism in South Africa. Johannesburg, 1934.

336. *Malinowski B.* Dynamics of Culture Change. New Haven, 1945.

337. *Marckwardt A. H.* An Experiment in Aural Perception.— *English Journal*, 1944, No. 33, 212—214.

338. *Marckwardt A. H.* Phonemic Structure and Aural Perception.— *American Speech*, 1946, No. 21, 106—111.

339. *Mark Y.* Yidishe anglitsizmen.— *Yorbukh fun Amopteyl fun Yivo I.* Yiddish Scientific Institute. New York, 1938, 296—321.

340. *Martinet A.* Are There Areas of *affinité grammaticale* As Well As of *affinité phonologique* Cutting Across Genetic Language Families?— In: *International Congress of Linguists*, 7th (242), 121—124.

341. *Martinet A.* Description phonologique du parler franco-provençal d'Hauteville (Savoie).— *Revue de linguistique romane*, 1939, № 15, 1—86.

342. *Martinet A.* Diffusion of Languages and Structural Linguistics.— *Romance Philology*, 1952/53, № 6, 5—13.

343. *Martinet A.* Function, Structure, and Sound Change.— *Word*, 1952, No. 8, 1—32.

344. *Martinet A.* Phonology as Functional Phonetics (= Publications of the Philological Society 15). London, 1949.

345. *Martinet A.* Structural Linguistics.— In: *Anthropology Today* (ed. A. L. Kroeber). Chicago, 1953, 574—586.

346. *Martinet A.* The Unvoicing of Old Spanish Sibilants.— *Romance Philology*, 1951/52, № 5, 133—156.

347. *Mathesius V.* Zur synchronischen Analyse fremden Sprachguts.— *Englische Studien*, 1935/36, No. 70, 21—35.

348. *Mayer K.* Cultural Pluralism and Linguistic Equilibrium in Switzerland.— *American Sociological Review*, 1951, No. 16, 157—163.

349. *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale (= Collection linguistique publiée par la Société de Linguistique de Paris 8, 11), 2 vols. Paris, 1921, 1938.

350. *Meillet A.* La méthode comparative en linguistique historique (= Instituttet for sammenlignende kulturforskning, Publikationer, A, 2). Oslo, 1925.

351. *Meillet A.* and *Sauvageot A.* Le bilinguisme des hommes cultivés.— *Conférences de l'Institut de Linguistique*. Paris, 1934, 5—14.

352. *Meillet A.* (with *Tesnière L.*). Les langues dans l'Europe nouvelle. Paris, 1928.

353. *Menarini A.* Ai margini della lingua (= Biblioteca de Lingua Nostra 8). Firenze, 1947.

354. *Menarini A.* L'Italo-Americano degli Stati Uniti.— *Lingua nostra*, 1939, № 1, 152—160
355. *Mencken H. L.* The American Language. New York, 1937.
356. *Meriam J. L.* Learning English Incidentally (= U. S. Department of Interior, Office of Education, Bulletin 1937, 15). Washington, 1938
357. *Michaelis A.* Der psychologische Einfluss des Auslandsmilieus auf die deutschen Jugendlichen.— *Zeitschrift für pädagogische Psychologie*, 1933, № 34, 212—233.
358. *Michel L.* Réalités psycho-sociales et degrés du bilinguisme.— In: International Congress of Linguists, 5th (240), 32f.
359. *Michov D. M.* Die Anwendung des bestimmten Artikels im Rumänischen, verglichen mit der im Albanesischen und Bulgarischen.— Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig, 1908, № 14, 1—111.
360. *Migliorini B.* Discontinuità linguistica e prestito morfologico.— *Studj romanzi*, 1931, № 21, 39—52.
361. *Milke W.* The Quantitative Distribution of Cultural Similarities and Their Cartographic Representation.— *American Anthropologist* n. s., 1949, No 51, 237—252.
362. *Miller G. A.* Language and Communication. New York, 1951
363. *Miner H.* St Denis, a French-Canadian Parish. Chicago, 1939.
364. *Minkowski M.* Klinischer Beitrag zur Aphasie bei Polyglotten, speziell im Hinblick aufs Schweizerdeutsche.— *Archives suisse de neurologie et de psychiatrie*, 1927, № 21, 43—72
365. *Minkowski M.* in: Comptes rendus du Congrès des Médecins Aliénistes et Neurologistes, 12—18 sept. 1949.
366. *Minkowski M.* Sur un cas d'aphasie chez un polyglotte.— *Revue neurologique*, 1928, № 35, 361—336.
367. *Mitzka W.* Doppelsprachträger.— *Zeitschrift für deutsche Mundarten*, 1921, 143—151.
368. *Mitzka W.* Grundzüge nordostdeutscher Sprachgeschichte. Halle, 1937.
369. *Mitzka W.* Studien zum baltischen Deutsch (= Deutsche Dialektgeographie 17). Marburg, 1923.
370. *Mladenov S.* Zu den bulgarisch-albanesischen Sprachbeziehungen.— Sofia University, Istorico-filologičeski fakultet, Godišnik XXIII, 1923.
371. *Möckli Th.* Le bilinguisme dans le canton de Berne.— In: Bureau International d'Éducation (96), 62—68.
372. *Möhl F. G.* Le mécanisme grammatical peut-il s'emprunter?— *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*, 1892, № 7, 196.
373. *Möller Ch.* Zur Methodik der Fremdwortkunde (= *Acta Ju tlandica* 5). Aarhus, 1933.
374. *Morris Ch.* Signs, Language, and Behavior New York, 1946
375. *Mulch R.* Seelische Bedingungen im Leben der Wörter.— *Indogermanische Forschungen*, 1933, № 51, 1—73
376. *Müller F. M.* Grundriss der Sprachwissenschaft. Vienna, 1879.
377. *Müller K.* Die Psyche des Oberschlesiens im Lichte des Zweisprachen-Problems. Bonn, 1934.
378. *Muniz S. L.* El problema de bilinguismo.— *Revista de la Asociación de Maestros de Puerto Rico* 6, 1947, No. 6.
379. *Muniz S. L.* El problema del idioma en Puerto Rico; esfuerzos de la Asociación de Maestros de Puerto Rico para alcanzar la solución del problema. San Juan (P. R.), 1950.

380. *Naumann H.* Über das sprachliche Verhältnis von Ober- zu Unterschicht.— *Jahrbuch für Philologie I*, 1925, 57—69.

381. *Neumann J. H.* Notes on American Yiddish.— *Journal of English and Germanic Philology*, 1938, No. 37, 403—421.

382. New Education Fellowship, Sixth World Conference: A New World in the Making. London, 1933.

383. *Newman E. B.* Pattern of Vowels and Consonants in Various Languages.— *American Journal of Psychology*, 1951, No. 64, 369—379.

384. *Oftedal M.* The Vowel System of a Norwegian Dialect in Wisconsin.— *Language*, 1949, No. 25, 261—267.

385. *Öhmann E.* Zur Frage nach der Ursache der Entlehnung von Wörtern.— *Mémoires de la Société Néo-Philologique de Helsingfors* 7, 1924, 281—289.

386. *Oliff F.* La question des langues en Belgique, 2 vols. 1940—1947

387. *Ortoz C. L.* English Influence on the Spanish of Tampa [Florida].— *Hispania*, 1949, № 32, 300—304.

388. *Osgood Ch. E.* A Psycholinguistic Analysis of Decoding and Encoding; I. Development in Normal Human Communication. Unpublished paper presented to the Conference of Anthropologists and Linguists, Bloomington (Ind.), July 21—31, 1952.

389. *Osgood Ch. E.* Ease of Individual Judgment-Processes in Relation to Polarization of Attitudes in the Culture.— *Journal of Social Psychology*, 1941, No. 14, 403—418.

390. *Osgood Ch. E.* and *Stagner R.* Analysis of a Prestige Frame of Reference by a Gradient Technique.— *Journal of Applied Psychology*, 1941, No. 25, 275—290

391. *Page E. R.* English in the Pennsylvania German Area.— *American Speech*, 1931, No. 12, 203—206.

392. *Pap L.* Portuguese-American Speech. New York, 1949.

393. *Papahagi P.* Parallele Ausdrücke und Redensarten im Rumänischen, Albanesischen, Neugriechischen und Bulgarischen.— *Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig*, 1908, № 14, 113—170.

394. *Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1920.

395. *Pauly W.* L'expertise en écritures chez les sujets bilingues. Strasbourg, 1929

396. *Paulovitch M.* Le langage enfantin; acquisition du serbe et du français par un enfant serbe. Paris, 1920.

397. *Parlangeli O.* Fenomeni di simbiosi linguistica nel dialetto neogreco del Salento.— *Annali della Facoltà di Filosofia e Lettere dell'Università Statale di Milano I*, 1948, 335—355.

398. *Perera H. S.* Sinhalese pronunciation of English. Colombo, 1923.

399. *Petrovici E.* Bilinguisme, mots d'emprunt et calques linguistique d'après l'Atlas linguistique roumain, in: *International Congress of Linguists*, 5th (240), 35f

400. *Pfaundler R.* Das deutsche Sprachgebiet in Südungarn.— *Deutsche Erde*, 1914/15, 13.

401. *Pick A.* Zur Erklärung gewisser Ausnahmen von der sogenannten Ribotschen Regel.— *Abhandlungen aus der Neurologie, Psychiatrie, Psychologie und ihren Grengebieter* (= Beiheft 13 zur *Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie*, 1921), 151ff

402. *Pick A.* Aphasie.— *Archives suisses de neurologie et psychiatrie*, 1923, № 12, 105—135.

403. *Pieris R.* Bilingualism and Cultural Marginality.— *British Journal of Sociology*, 1951, No. 2, 328—339.
404. *Pihlblad C. T.* The Kansas Swedes.— *The Southwestern Social Science Quarterly*, 1932, No. 13, 34—47.
405. *Pintner R.* and *Arsenian S.* The Relation of Bilingualism to Verbal Intelligence and School Adjustment.— *Journal of Educational Psychology*, 1937, No. 51, 255—563.
406. *Pisani V.* [Reply to Question IV].— In: *International Congress of Linguists*, 6th (241), 332f.
407. *Pitres A.* Étude sur l'aphasie chez les polyglottes.— *Revue de médecine*, 1895, № 15, 857—899.
408. *Poirier P.* Le parler franco-acadien et ses origines. Ouebec, 1928.
409. *Pokorny J.* Substrattheorie und Urheimat der Indogermanen.— *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 1936, № 66, 89—91.
410. *Polivanov E.* La perception des sons d'une langue étrangère.— *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1931, № 4, 79—96.
411. *Post P.* Bilinguisme in Nederland; een beschouwing over de wenselijkheid van een fries-nederlandse school in Friesland (= *Paedagogische Monographien* 1). Groningen — Batavia, 1949.
412. *Pözl O.* Aphasie und Mehrsprachigkeit.— *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie*, 1930, № 124, 146—162.
413. *Pözl O.* Über die parietal bedingte Aphasie und ihren Einfluss auf das Sprechen mehrerer Sprachen.— *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie*, 1925, № 96, 100ff.
414. *Pound L.* On the Linguistics of Dreams.— *American Speech*, 1934, No. 9, 175—180.
415. *Pousland E.* Étude sémantique de l'anglicisme dans le parler franco-américain de Salem (Nouvelle Angleterre). Paris, 1933.
416. *Powers F. F.* and *Hetzler M.* Successful Methods of Teaching English to Bilingual Children in Seattle Public Schools (= U. S. Department of Interior, Office of Education, Pamphlet 76). Washington, 1937.
417. Prague Linguistic Circle: [Reply to Question III].— In: *International Congress of Linguists*, 6th (241), 274f.
418. *Prezzolini G.* La lingua della «giobba».— *Lingua nostra*, 1939, № 1, 122f.
419. *Pritzwald K. S.* Sprachwissenschaftliche Minderheitenforschung; ein Arbeitsplan und eine Statistik.— *Wörter und Sachen n. s.*, 1938, № 1, 52—72.
420. La querelle du bilinguisme; trois documents capitaux. Montreal, 1941.
421. *Racoviță C.* Notes sur le bilinguisme.— *Faculté des Lettres de Bucarest, Bulletin linguistique*, 1938, № 6, 238—242.
422. *Räsänen M.* Wortgeschichtliches zu den Sprachen der Wolgavölker.— *Finnisch-ugrische Forschungen*, 1940, № 26, 125—143.
423. *Raubicheck L.* The Psychology of Multilingualism.— *Volta Review*, 1934, No. 36, 17—20, 57f.
424. *Raun A.* Notes on Some Characteristic Errors in the Use of Russian by Finno-Ugrians and Turco-Tatars (= *Contributions of the Baltic University* 36). Pinneberg, 1947.
425. *Read A. W.* Bilingualism in the Middle Colonies, 1725—1775.— *American Speech*, 1937, No. 12, 93—100.

426. *Read W. A.* Louisiana French (= Louisiana State University Studies 5). Baton Rouge (La.), 1931.
427. *Read W. A.* Some Louisiana-French Words.— Zeitschrift für französische Sprache und Literatur, 1938, № 61, 62—84.
428. *Récatas B.* L'état du bilinguisme chez les macédo-roumains du Pinde et le rôle de la femme dans le langage. Paris, 1934.
429. *Redfield R., Linton R. and Herskovits M. J.* Outline for the Study of Acculturation.— In: Herskovits (223).
430. *Redlich F. A.* Gemischtsprachige Dichtung im Baltikum (= Veröffentlichungen der volkskundlichen Forschungsstelle am Herderinstitut zu Riga 6). Riga, 1937.
431. *Redlich F. A.* Kinderspiel und Schülersprache des baltendeutschen Stammes in ihrer fremd-völkischen Beeinflussung.— Auslandsdeutsche Volksforschung, 1937, № 1, 305—308.
432. *Reed C. E.* The Adaptation of English to Pennsylvania German Morphology.— American Speech, 1948, No. 23, 239—249.
433. *Reed C. E.* The Gender of English Loan Words in Pennsylvania German.— American Speech, 1940, No. 17, 25—29.
434. *Reed D. W., Lado R. and Shen Y.* The Importance of the Native Language in Foreign Language Learning.— Language Learning I (1), 1948, 17—23.
435. *Reed D. W. and Spicer J. L.* Correlation Methods of Comparing Idiolects in a Transitional Area.— Language, 1952, No. 28, 348—359.
436. *Rees W. H.* Le bilinguisme des pays celtiques. Rennes, 1939.
437. *Reinecke J. E.* Personal Names in Hawaii.— American Speech, 1940, No. 15, 345—352.
438. *Reinecke J. E.* Trade Jargons and Creole Dialects as Marginal Languages.— Social Forces, 1938, No 17, 107—118.
439. *Reinecke J. E. and Tokimasa A.* The English Dialect of Hawaii.— American Speech, 1934, No. 9, 48—58, 122—131.
440. *Remacle L.* Bilinguisme et orthophonie.— Bulletin de la Commission Royale de Toponymie et Dialectologie, 1943, № 17, 115—136.
441. *Reynold G.* Sur le bilinguisme.— Bieler Jahrbuch II, 1928, 101—116.
442. *Rhodes W.* Acculturation in North American Indian Music.— In: International Congress of Americanists, 29th (238), 127—132.
443. *Richter E.* Fremdwortkunde, Leipzig, 1919.
444. *Riegler R.* Italienisch-spanische Sprachmischung.— Neuere Sprachen, 1921, № 29, 218—221.
445. *Ries N.* Le bilinguisme et le caractère luxembourgeois.— In: Bureau International d'Éducation (96), 16—25.
446. *Ries N.* Le dualisme linguistique et psychique du peuple luxembourgeois.— Programm des grossherzoglichen Gymnasium zu Diekirch 1910/11.
447. *Roberts M. H.* The Problem of the Hybrid language.— Journal of English and Germanic Philology, 1939, No. 38, 23—41.
448. *Ronjat J.* Le développement du langage observé chez un enfant bilingue. Paris, 1913.
449. *Rosario R.* Bilingüismo.— Isla, 1940, № 2, 4f.
450. *Rosenquist C. M.* Linguistic Changes in the Acculturation of the Swedes of Texas.— Sociology and Social Research, 1931/32, No. 16, 221—231.

451. *Rosetti A.* Langue mixte et mélange des langues.— *Acta Linguistica*, 1945/49, № 5, 73—79.
452. *Rothenberg J. G.* The English of Aufbau.— *American Speech*, 1944, No. 19, 97—102.
453. *Rottenberg M.* L'argot franco-turc du lycée de Galatasaray.— *Le français moderne*, 1937, № 5, 161—170.
454. *Rubin I.* Vegn der virkning fun yidish oyfn geredtn hebreish in erets-yisroel.— *Yivo-Bleter*, 1945, № 25, 303—309.
455. *Sadlo J.* Influences phonétiques françaises sur le langage des enfants polonais en France. Paris, 1935.
456. *Saer D. J.* The Effect of Bilingualism On Intelligence.— *British Journal of Psychology*, 1923, No. 14, 25—38.
457. *Saer D. J., Smith F. and Hughes J.* The Bilingual Problem; a Study Based on Experiments and Observations in Wales. Aberyswyth, 1928.
458. *Saer H. A.* Experimental Inquiry Into the Education of Bilingual Peoples.— *Education in a Changing Commonwealth*. London, 1931, 116—121.
459. *Sander F.* Einfluss der Zweisprachigkeit auf die geistige Entwicklung.— Bericht über den 5. Kongress für Heilpädagogik. Cologne, 1930.
460. *Sander F.* Seelische Struktur und Sprache; Strukturpsychologisches zum Zweisprachenproblem.— *Neue psychologische Studien*, 1934, № 12, 59.
461. *Sandfeld (= Jensen) Kr.* Der Schwund des Infinitivs im Rumänischen und den Balkansprachen.— Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig, 1902, № 9, 75—131.
462. *Sandfeld Kr.* Les interférences linguistiques.— In: *International Congress of Linguists*, 4th (239), 60—65.
463. *Sandfeld Kr.* Linguistique balkanique. Paris, 1930.
464. *Sandfeld Kr.* Note de syntaxe comparée des langues balkaniques.— *Revue internationale des études balkaniques*, 1934, № 1, 100—109.
465. *Sandfeld Kr.* Notes sur les calques linguistiques.— Festschrift Wilhelm Thomsen. Leipzig, 1912, 166—173.
466. *Sandfeld Kr. and Skok P.* Langues balkaniques.— *Revue Internationale des études balkaniques*, 1936, № 2, 465—481.
467. *Sapir E.* Language.— In: *Encyclopedia of the Social Sciences*, IX, 155—169; reprinted in: *Selected Writings* (ed. D. G. Mandelbaum). Berkeley—Los Angeles, 1949, 7—32.
468. *Sapir E.* Language. New York, 1921.
469. *Sapir E.* Time Perspective in Aboriginal American Culture; a Study in Method (= Canada, Department of Mines, Geological Survey, Memoir 90; Anthropological Series 13). Ottawa, 1916; reprinted in: *Selected Writings of Edward Sapir* (ed. D. G. Mandelbaum). Berkeley—Los Angeles, 1949, 389—462.
470. *Sauvageot A.* [Discussion of Question IV].— In: *International Congress of Linguists*, 6th (241), 497—501.
471. *Savickij P. N.* Les problèmes de la géographie linguistique du point de vue de géographe.— *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1929, № 1, 145—156.
472. *Šcerba L. V.* Sur la notion de mélange des langues.— Яфетический сборник IV, 1926, 1—19.
473. *Schach P.* Hybrid Compounds in Pennsylvania German.— *American Speech*, 1948, No. 23, 121—134.

474. *Schach P.* Semantic Borrowing in Pennsylvania German.— American Speech, 1951, No. 26, 257—267.
475. *Schach P.* The Formation of Hybrid Derivatives in Pennsylvania German.— Symposium, 1949, No. 3, 114—129.
476. *Schächter M.* Akticnen im Jiddischen; ein sprachwissenschaftlicher Beitrag zur vergleichenden Bedeutungslehre des Verbums. Unpublished Dissertation. Vienna 1951.
477. *Schächter M.* Di tushteygers in der yidisher shprakh.— Yidische shprakh, 1952, No. 12, 11—17, 83—87.
478. *Scheludko D.* Rumänische Elemente im Ukrainischen.— Balkan-Archiv, 1926, № 1, 113—146.
479. *Scheuermann F.* Sprachenfreiheit und Sprachzwang in Belgien 1942.
480. *Schliebe G.* Schrifttumschau zur Psychologie der Zweisprachigkeit.— Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung, 1939, № 3 475—488.
481. *Schliebe G.* Stand und Aufgaben der Zweisprachigkeitsforschung.— Auslandsdeutsche Volksforschung, 1937, № 1, 182—187.
482. *Schmidt M.* and *Neumann W.* Eine Karte der steirischen Sprachgrenze.— Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung, 1937, № 1 720—733.
483. *Schmidt-Rohr G.* Die Sprache als raumüberwindende Macht.— Raumüberwindende Mächte (ed. K. Haushofer) Leipzig — Berlin, 1934 202—232
484. *Schmidt-Rohr G.* Die Sprache als Bildnerin der Völker Jena 1932. (Original edition of 483).
485. *Schmidt-Rohr G.* Mutter Sprache. München, 1932.
486. *Schmidt-Rohr G.* Methodisches und Logisches zum Problem der Umvolkung.— Auslandsdeutsche Volksforschung, 1938, № 2 373—381.
487. *Schmidt-Rohr G.* Stufen der Entfremdung; ein Beitrag zur Frage der Assimilation von Sprachgruppen.— Volksspiegel, 1934, № 1, 75—82.
488. *Schmidt-Rohr G.* Zur Frage der Zweisprachigkeit.— Deutsche Arbeit, 1936, № 36, 408—411.
489. *Schneerson F.* Lapsikhologia shel du-haleshoniut baarets.— Reprinted from: Hakhinukh 12, No. 1, 1939.
490. *Schneeweiss E.* Allgemeines über das Folklore auf dem Balkan.— Revue internationale des études balkaniques, 1936, № 1, 518—522.
491. *Schuchardt H.* Dem Herrn Franz von Miklosich zum 20. November 1883: Slawo-deutsches und Slawo-italienisches. Graz, 1884.
492. (*Schuchardt H.*) Hugo Schuchardt-Brevier (ed. L. Spitzer) Halle, 1928.
493. *Schuchardt H.* Sprachverwandschaft.— Sitzungsberichte der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften, 1917, № 37, 518—529.
494. *Schultze E.* Sklaven- und Dienersprachen (sog. Handelssprachen); ein Beitrag zur Sprach- und Wanderungssoziologie.— Sociologus. 1933, № 9, 377—418.
495. *Schumann P.* Der Sachse als Zweisprachler Dresden 1904
496. *Schwartz W. L.* American Speech and Haitian French.— American Speech, 1949, No. 24, 282—285
497. *Schwartz E.* Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle (= Forschungen zum Deutschtum der Ostmarken 11/2). Munich—Berlin, 1931

498. *Segerstedt T. T.* Die Macht des Wortes; eine Sprachsociologie. Zürich, 1947.
499. *Seidel E.* Studie zur Sprachtypologie; rumäno-russische Kriterien.— Faculté des Lettres de Bucarest. Bulletin linguistique, 1945, № 13, 53—96.
500. *Seifert L. W. J.* The Problem of Speech Mixture in the German Spoken in Northwestern Dane County, Wisconsin.— Transactions of the Wisconsin Academy of Sciences, Arts, and Letters, 1947—1949, No 39, 127—139.
501. *Seiler F.* Die Entwicklung der deutschen Kultur im Spiegel des deutschen Lehnworts, 8 vols. Halle, 1923—1924.
502. *Selišćev A.* Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques.— Revue des études slaves, 1925, № 5, 38—57.
503. *Selk P.* Die Dynamik des Sprachenwechsels in Schleswig.— Volkwerdung und Volkstumwandel. Leipzig, 1943, 21—40.
504. *Selk P.* Mehrsprachigkeit in Schleswig; ein Beitrag zur Methode der Mehrsprachigkeitsforschung.— (Auslandsdeutsche) Volksforschung, 1941, № 5, 226—234.
505. *Senn A.* Einiges aus der Sprache der Amerika-Litauer.— Studi Baltici, 1932, № 2, 35—58.
506. *Shoemaker H. W.* The Language of the Pennsylvania German Gypsies.— American Speech, 1926, No. 1, 584—586.
507. *Sidaritsch M.* Begleitwort zu den Sprachenkarten.— Kartographische und schulgeographische Zeitschrift, 1921, № 9, 147f.
508. *Sieger R.* Sprachenkarte und Bevölkerungskarte.— Kartographische und schulgeographische Zeitschrift, 1921, № 9, 142—147.
509. *Simonyi S.* Slavisches in der ungarischen Syntax.— Finnisch — ugrische Forschungen, 1912, № 12, 19—25.
510. *Sissons Ch. B.* Bi-lingual Schools in Canada. London, 1917.
511. *Sjøestedt M. L.* L'influence de la langue anglaise sur un parler local irlandais.— Étrennes de linguistique offertes... à Émile Benveniste. Paris, 1928, 81—122.
512. *Skok P.* Restes de la langue turque dans les Balkans.— Revue internationale des études balkaniques, 1936, № 1, 585—598.
513. *Skok P.* and *Budimir M.* But et signification des études balkaniques.— Revue internationale des études balkaniques, 1934, № 1, 1—28.
514. *Skwarczyńska S.* Estetyka makaronizmów.— Prace ofiarowane Kazimierzowi Wójcickiemu (= Z zagadnień poetyki 5). Vilna, 1937, 337—370.
515. *Smith Chr. A.* Mental Testing of Hebridean Children in Gaelic and English. London, 1948.
516. *Smith H.* and *Phillips H.* The Influence of English on Louisiana «Cajun» French in Evangeline Parish.— American Speech, 1939, No. 14, 198—201.
517. *Smith (J.) M.* An Empirical Scale of Prestige Status of Occupations.— American Sociological Review, 1943, No. 8, 185—192.
518. *Smith M. E.* A Study of Five Bilingual Children From the Same Family.— Child Development, 1931, No. 2, 184—187.
519. *Smith M. E.* A Study of the Speech of Eight Bilingual Children of the Same Family.— Child Development, 1935, No. 6, 19—25.
520. *Smith M. E.* Some Light on the Problem of Bilingualism as Found From a Study of the Progress in Mastery of English Among Pre-School Children of Non-American Ancestry in Hawaii.— Genetic Psychology Monographs 21, 1939, 119—284.

521. *Soederheim H.* Finskt och svenskt i Finland; en orientering i språk- och nationalitets-fragorna. Stockholm, 1935.

522. *Sommerfelt A.* Sur la propagation des changements phonétiques.— Norsk tidsskrift for sprogvidenskab, 1930, № 4, 76—128.

523. *Sommerfelt A.* Un cas de mélange de grammaires.—Avhandlingar i det norske Videnskaps-Akademi (hist.-fil. Kl.), II, Oslo, 1925, No. 4.

524. *Spicer E. H.* Linguistic Aspects of Vaqui Acculturation.— American Anthropologist n. s., 1943, No. 45, 410—426.

525. *Spitzer L.* Ein Fall von Sprachmischung.— Revue internationale des études balkaniques, 1935, No. 2, 123—129.

526. *Spitzer L.* Confusion Schmooshun.— Journal of English and Germanic Philology, 1952, No. 51, 226—233.

527. *Spoerl D. T.* Bilinguality and Emotional Adjustment.— Journal of Abnormal and Social Psychology, 1946, No. 38, 37—57.

528. *Spoerl D. T.* The Academic and Verbal Adjustment of College Age Bilingual Students.— Journal of Genetic Psychology, 1944, No. 64, 139—157.

529. *Springer O.* The Study of Pennsylvania German.— Journal of English and Germanic Philology, 1943, No. 42, 1—39.

530. *Stammler W.* Das «Halbdeutsch» der Esten.— Zeitschrift für deutsche Mundarten, 1922, 160—172.

531. *St. Denis H.* Bilingual education.— Canadian School Journal, 1934, No. 12, 213—217.

532. *Stecker H.* Erfahrungen und Studien über Zweisprachigkeit in Ibero-Amerika.— International Education Review, 1932—1933, № 4, 598—608.

533. *Steiner E.* Die französischen Lehnwörter in den alemannischen Mundarten der Schweiz; kulturhistorisch-linguistische Untersuchung mit etymologischem Wörterbuch. Vienna — Basle, 1921.

534. *Steinmetz A.* Schrift- und Volkssprache in Griechenland.— Deutsche Akademie, Mitteilungen 1936, 370—379.

535. *Stengel E.* and *Zelmanowicz J.* Über polyglotte motorische Aphasie.— Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie, 1933, № 149, 292—311.

536. *Stern C.* and *W.* Kindersprache. Leipzig, 1928.

537. *Stern W.* Die Erlernung und Beherrschung fremder Sprachen.— Zeitschrift für pädagogische Psychologie, 1919, № 20, 104—108.

538. *Stern W.* Über Zweisprachigkeit in der frühen Kindheit.— Zeitschrift für angewandte Psychologie, 1923, № 30, 168—172.

539. *Straus O. H.* The Relation of Phonetics and Linguistics to Communication Theory.— Journal of the Acoustical Society of America, 1950, No. 6, 709—711.

540. *Struble G. G.* The English of the Pennsylvania Germans.— American Speech, 1935, No. 10, 163—172.

541. *Stutchkoff N.* Der oytser fun der yidisher shprakh. New York. 1950.

542. *Sufflay M.* Srbi i Arbanasi (=Biblioteka arhiva za arbanasku starinu, jezik i etnologiju, istoriska serija I). Belgrade, 1925.

543. *Swadesh M.* Observations of Pattern Impact on the Phonetics of Bilinguals.— Language, Culture and Personality. Menasha (Wis.), 1941, 59—65.

544. *Swadesh M.* Lexico-Statistic Dating of Prehistoric Ethnic Contacts, With Special Reference to North American Indians and Eskimos.— Proceedings of the American Philosophical Society, 1952, No. 96, 452—463

545. *Swadesh M.* Sociologic Notes on Obsolescent Languages.— International Journal of American Linguistics, 1948, No. 14, 226—235.

546. *Sylvain S.* Le créole haïtien; morphologie et syntaxe. Wetteren (Belgium), 1936.

547. *Symonds P. M.* The Effect of Attendance at Chinese Language Schools on Ability With English Language.—Journal of Applied Psychology, 1924, No. 8, 411—463.

548. *Szadowsky M.* Rätoromanisches im Bündnerdeutschen (=Beilage zum Programm der Bündnerischen Kantonsschule 1930/31). Chur, 1931.

549. *Tagliavini C.* Modificazioni del linguaggio nella parlata delle donne.—Scritti in onore di Alfredo Trombetti. Milano, 1936, 82—146.

550. *Tappolet E.* Die alemannischen Lehnwörter in den Mundarten der französischen Schweiz; eine kulturhistorisch-linguistische Untersuchung. Basle, 1913—1916.

551. *Taute B.* Die bepaling van die mondelinge beheer van skoolkinders vor die tweede taal en van die korrelasies tussen hierdie beheer en sekere bekwaamhede faktore; 'n voorlopige ondersoek (= Annale van die Universiteit van Stellenbosch XXIV/B, 1). Capetown, 1948.

552. *Taylor D.* Structural Outline of Caribbean Creole: I. Morphology.—Word, 1951, No. 7, 43—61.

553. *Terkelsen F.* Kirke og Skole.—Haandbog i det slesvigske Spørgsmaals Historie, 1900—1937 (ed. F. v. Jessen). Copenhagen, 1938, III, 121—172.

554. *Terracher A.-L.* Les aires morphologiques dans les parlers populaires du nord-ouest de l'angoumois (1800—1900); atlas. Paris, 1914.

555. *Tesnière L.* La lutte des langues en Prusse Orientale.—La Pologne et la Prusse Orientale (=Problèmes politiques de la Pologne contemporaine 4). Paris, 1933, 45—96.

556. *Tesnière L.* Le *ü* du dialecte alsacien.—Études germaniques, 1948, No. 3, 147—156.

557. *Tesnière L.* Phonologie et mélange de langues.—Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 1939, № 8, 83—93.

558. *Thomas C. K.* Jewish Dialect and New York Dialect.—American Speech, 1931/32, No. 7, 321—326; 1932/33, No. 8, 80f.

559. *Thurnwald R.* The Psychology of Acculturation.—American Anthropologist n. s., 1932, No. 34, 557—569.

560. *Tireman L. S.* Spanish Vocabulary of Four Native Spanish Speaking Pre-I-Grade Children (=University of New Mexico Publications in Education 2). Albuquerque (N. M.), 1948.

561. *Tireman L. S.* Teaching Spanish - Speaking Children. Albuquerque (N. M.), 1948.

562. *Tits D.* Le mécanisme de l'acquisition d'une langue se substituant à la langue maternelle chez une enfant espagnole âgée de six ans. Brussels, 1948.

563. *Toussaint N.* Bilinguisme et éducation. Brussels, 1935.

564. *Trager G. L.* Spanish and English Loanwords in Taos.—International Journal of American Linguistics, 1944, No. 10, 144—160.

565. *Trager G. L.* and *Smith H. L.* An Outline of English Structure (=Studies in Linguistics, Occasional Papers 3). Norman (Okla.), 1951.

566. *Trager G. L.* and *Valdez G.* English Loans in Colorado Spanish.—American Speech, 1937, No. 12, 34—44.

567. *Travis L. E.*, *Johnson W.* and *Shover J.* The Relation of Bilingualism to Stuttering.—Journal of Speech Disorders, 1937, No. 2, 185—189.

568. *Trembl L.* Der dynamische Wortakzent der ungarischen Lehnwörter im Rumänischen.— Faculté des Lettres de Bucarest. Bulletin linguistique, 1934, № 2, 34—65.

569. *Troubetzkoy N.* [Proposal 16] in: First International Congress of Linguists, Actes. Leiden, 1928, 17f.

570. *Troubetzkoy N.* Principes de phonologie. Paris, 1949.

571. *Turner L. D.* Africanisms in the Gullah Dialect. Chicago, 1949.

572. *Ullman S.* Words and Their Use. New York, 1951.

573. *Unbegaun B.* Le calque dans les langues slaves littéraires.— Revue des études slaves, 1932, № 12, 19—48.

574. United States, Department of Commerce, Bureau of the Census: Sixteenth Census of the United States, 1940; Population, Nativity, and Parentage of the White Population; Mother Tongue. Washington, 1943.

575. *Valkhoff M.* Geschiedenis en actualiteit der Frans-Nederlandse taalgrens. Amsterdam, 1950.

576. *Valkhoff M.* Superstrats germanique et slave. Groningen, 1947.

577. *Vaughan H. H.* Italian and Its Dialects as Spoken in the United States.— American Speech, 1926, No. 1, 431—435; 1926, No. 2, 138.

578. *Velikovski I.* Can a Newly Acquired Language Become the Speech of the Unconscious? Word-Plays in the Dreams of Hebrew Thinking Persons.— Psycho-analytic Review, 1934, No. 21, 329—335.

579. *Velleman A.* Influenzas estras i 'l ladin.— Annalas della Società Retoromantscha, 1931, № 45, 87—116.

580. *Vendryes J.* Le langage. Paris, 1921.

581. *Viatte L.* La germanisation du Jura.— Actes de la Société Jurasienne d'Émulation (2e série), 1908, № 15, 61—77.

582. *Vocadlo O.* Some Observations on Mixed Languages.— In: International Congress of Linguists, 4th (239), 169—176.

583. *Voegelin C. F.* Influence of Area in American Indian Linguistics.— Word, 1945, No. 1, 54—58.

584. *Voegelin C. F.* and *Harris Z. S.* Methods for Determining Intelligibility Among Dialects of Natural Languages.— Proceedings of the American Philosophical Society, 1951, No. 95, 322—329.

585. *Vogt H.* Dans quelles conditions et dans quelles limites peut s'exercer sur le système morphologique d'une langue l'action du système morphologique d'une autre langue? — In: International Congress of Linguists, 6th (241), 31—45.

586. *Vogt H.* Substrat et convergence dans l'évolution linguistique; remarques sur l'évolution et la structure de l'arménien, du géorgien, de l'ossète, et du turc.— Studia septentrionalia, 1945, No. 2, 213—328.

587. *Volkmer A.* Die Zweisprachigkeit im Lichte der neueren Seelenkunde.— Der Oberschlesier II, 1936.

588. *Voors C. G. N.* Duitse invloed op de nederlandse woordvoorraad. Amsterdam, 1946

589. *Vossler K.* Sprache und Nationalgefühl.— In his: Geist und Kultur der Sprache. Heidelberg, 1925, 130—148.

590. *Wackernagel J.* Sprachtausch und Sprachmischung.— Nachrichten der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen; geschäftliche Mitteilungen 1904, 90—111.

591. *Wagner G.* The Use of Lallans for Prose.— Journal of English and Germanic Philology, 1952, No. 51, 212—225.

592. *Waltershausen A.* Die Germanisierung der Rätoromanen in der Schweiz; volkswirtschaftliche und nationalpolitische Studien.— Forschun-

gen zur deutschen Landes- und Volkskunde, 1899—1900, № 12, 365—474.

593. *Wartburg W.* Merkwürdigkeiten der Sprachgrenzen in der Schweiz.— *Schweizer Geograph*, 1943, № 20, 155—162.

594. *Waterman R. A.* African Influence on the Music of the Americas.— In: International Congress of Americanists, 29th, (238), 207—218.

595. *Wechssler E.* Gibt es Lautgesetze? — *Forschungen zur romanischen Philologie*, 1900, 349—538.

596. *Weidlein J.* Die Mundarten der deutschen Streusiedlungen in Ostungarn.— *Südostdeutsche Forschungen*, 1937, № 2, 139—151.

597. *Weigand G.* Vorwort.— *Balkan-Archiv*, 1, V—XV, 1925.

598. *Weightman J. G.* On Language and Writing. London, 1947.

599. *Weigold H.* Untersuchungen zur Sprachgrenze am Nordufer des Bielersees auf Grund der lokalen Orts- und Flurnamen (= *Romanica Helvetica* 24). Berne, 1948.

600. *Weijnen A. A.* Tweetaligheid (= *Opvoedkundige Brochurenreeks* 139). Tilburg, 1944.

601. *Weiman R. W.* Native and Foreign Elements in a Language; a Study in General Linguistics Applied to Modern Hebrew. Philadelphia, 1950.

602. *Weinreich M.* Di problem fun tsveyshprakhikayt.— *Yivo-Bleter*, 1931, No. 1, 301—316.

603. *Weinreich M.* English un di imigrantn-shprakhn in Amerike.— *Yivo-Bleter*, 1932, No. 3, 79—84.

604. *Weinreich M.* Tsveyshprakhikayt: mutershpakh un tsveyte shprakh.— *Yivo-Bleter*, 1931, No. 1, 301—316.

605. *Weinreich M.* Yidishkayt and Yiddish; on the Impact of Religion on Language in Ashkenazic Jewry.— *Mordecai M. Kaplan Jubilee Volume*. New York, 1953.

606. *Weinreich U.* Di forshung fun mishshprakhike folkslider.— *Yivo - Bleter*, 1950, No. 34, 282—288.

607. *Weinreich U.* Di shveytser romanshn arbetn farn kiyem fun zeyer shprakh.— *Bleter far yidisher dertsung*, 1953, No. 5.

608. *Weinreich U.* Di velshishe shprakh in kampf ir kiyem.— *Yivo-Bleter*, 1944, No. 23, 225—248.

609. *Weinreich U.* Present-Day Approaches to the Study of Bilingualism. Unpublished M. A. Thesis. Columbia University, 1949.

610. *Weinreich U.* Research Problems in Bilingualism, With Special Reference to Switzerland. Unpublished Dissertation. Columbia University, 1951; Summary in: *Dissertation Abstracts*, 1952, No. 12, 418f.

611. *Weinreich U.* Sábesdiker Losn in Yiddish: A Problem of Linguistic Affinity.— *Slavic Word* 1, 1952.

612. *Weinreich U.* Tsurik tsu aspektn.— *Yidishe shprakh*, 1953, No. 12, 97—103.

613. *Weisenberg Th. H.* and *McBride K. E.* Aphasia, a Clinical and Psychological Study. New York, 1935, 97, 160—182.

614. *Weisgerber L.* Zweisprachigkeit.— *Schaffen und Schauen* 1933, 9.

615. *Weiss A.* Review of: Geissler H. Zweisprachigkeit deutscher Kinder.— *Wörter und Sachen n. s.* 1938, № 3, 311—314.

616. *Weiss A.* Zweisprachigkeit und Sprachtheorie.— *Auslandsdeutsche Volksforschung*, 1937, № 1, 256—266.

617. *Weiss R.* Die Brünig-Napf-Reuss-Linie als Kulturgrenze zwischen Ost- und Westschweiz auf volkskundlichen Karten.— *Geographica Helvetica*, 1947, № 21, 153—175.

618. *Weiss R.* Sprachgrenzen und Konfessionsgrenzen als Kongruenzen.— Laos, 1951, № 1, 96—110.

619. *Werner G.* Das Deutschtum des Übermurgebietes.— Geographischer Jahresbericht aus Österreich, 1933, № 17, 76—87.

620. *Werner G.* Sprache und Volkstum in der Untersteiermark.— Forschungen zur deutschen Landes- und Volkskunde, 1936, № 31, 111—285.

621. *Werner W. L.* English Words in the Pennsylvania German Dialect.— American Speech, 1930, No. 6, 123f.

622. *West M.* Bilingualism. (With Special Reference to Bengal). Calcutta, 1926.

623. *Weyher E.* Die Grundschule im Zweisprachengebiet; methodische Gedanken. Breslau, 1922.

624. *Whitney W. D.* On Mixture in Language.— Transactions of the American Philological Association, 1881, No. 12, 1—26.

625. *Wieser S.* Die Deutschkenntnis der Sathmarer Schwaben.— Nation und Staat, 1929/30, № 3, 161—176.

626. *Wijk N.* L'étude diachronique des phénomènes phonologiques et extraphonologiques.— Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 1939, № 8, 297—318.

627. *Willems E.* A aculturação dos alemães no Brasil; estudo antropológico dos imigrantes alemães e seus descendentes no Brasil (=Brasiliiana, 250). São Paulo, 1946.

628. *Willems E.* Aspectos da aculturação dos japoneses no Estado do São Paulo (=Universidade de São Paulo, Faculdade de Filosofia, Ciências e Letras, Boletim 82, Antropologia 3). São Paulo, 1948.

629. *Willems E.* Linguistic Changes in German-Brazilian Communities.— Acta Americana, 1943, № 1, 448—463.

630. *Williams J. G.* Mother-Tongue and Other-Tongue; or a Study in Bilingual Teaching. Bangor, 1915.

631. *Wilson A. H.* English Spoken by Pennsylvania Germans in Snyder County, Penna.— American Speech, 1948, No. 23, 236—238.

632. *Windisch E.* Zur Theorie der Mischsprachen und Lehnwörter.— Berichte über die Verhandlungen der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig (phil.-hist. Kl.), 1897, № 49, 101—126.

633. *Winteler J.* Die Kerzenzer Mundart des Kanton Glarus, in ihren Grundzügen dargestellt. Leipzig-Heidelberg, 1876.

634. *Winter E.* (ed.). Die Deutschen in der Slowakei und in Karpatorussland (=Deutschtum im Ausland 1). Münster (Westfalen), 1926.

635. *Wolff H.* Partial Comparison of the Sound Systems of English and Puerto-Rican Spanish.— Language Learning, 1950, No. 3, 38—40.

636. *Wolfe D. L.* The Relation Between Linguistic Structure and Associative Interference in Artificial Linguistic Material (=Language Monographs 11). Baltimore, 1932.

637. *Wonderly W. L.* Phonemic Acculturation in Zoque.— International Journal of American Linguistics, 1946, No. 12, 92—95.

638. *Wrede F.* (ed.). Deutsche Dialektgeographie, 1908—41, 1—40.

639. *Wutte M.* Deutsch — Windisch — Slowenisch (?).

640. *Wutte M.* Die utraquistische Volksschule in Kärnten. Klagenfurt, 1919.

641. *Zallio A. S.* The Piedmontese Dialects in the United States.— American Speech, 1927, No. 2, 501—504.

642. *Ziekursch I.* Angelsachsenthum und Keltenthum im heutigen Schottland.— Anglia, 1941, No. 65, 303—327.

643. *Zimmerli J.* Die deutsch-französische Sprachgrenze in der Schweiz, 3 vols. Darmstadt, 1891—1899.

СПИСОК РАБОТ ПО ПРОБЛЕМАМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СССР

Абаев В. И. Заключительное слово на дискуссии о субстрате.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 165—168.

Абаев В. И. О языковом субстрате.— Там же, с. 57—69.

Абдулин И. А., Ахунзанов Г.Х., Ганиев Ф. А. Русский язык — один из источников обогащения и развития татарского литературного языка.— В кн.: Тезисы докл. конф., посвящ. вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1964, с. 23—34.

Аврорин В. А. Двухязычие и школа.— В кн.: Проблемы двухязычия и многоязычия. М., Наука, 1972, с. 49—62.

Аврорин В. А. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР.— Вopr. языкозн., 1960, № 4, с. 3—19.

Аврорин В. А. Язык и культура.— В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., Наука, 1964, с. 114—120.

Акуленко В. В. Влияние современного русского языка, в связи с развитием его словарного состава, на западноевропейские языки. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Харьков, 1955.

Акуленко В. В. Множественные этимологии в германо-славянских языковых контактах.— В кн.: Тезисы докл., предназн. для обсужд. на II Всесоюз. конф. по слав.-герм. языкозн. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1965, с. 34—37.

Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1972.

Акуленко В. В. Существует ли интернациональная лексика? — Вopr. языкозн., 1961, № 3, с. 60—68.

Алексеев М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия.— Тр. юбил. науч. сессии. Секция филол. наук. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1940, с. 16—22.

Аниченко В. В. Проблеми вивчення українсько-білоруських мовних контактів давнього періоду в мовознавстві.— В кн.: Підсумки і проблеми наукового вивчення української мови в дожовтневий період. Тези доп. респ. наук. конф. Київ, Наук. думка, 1967, с. 28—30.

Анохина В. В. К проблеме билингвизма.— В кн.: Матеріали звіт. наук. конф., присвяч. підсумкам наук.-дослід. роботи за 1964 р./Житомир. пед. ін-т. Житомир, 1965.

Аристэ П. Случай языкового контакта в Латгалии.— *Lietuviu kalbotyros klausimas* Vilnius, 1963, т. 6, с. 137—148.

Баранникова Л. И. Проблема интерференции и вопросы взаимодействия языков.— В кн.: Вопросы методики преподавания иностранных языков в связи с проблемой языковой интерференции. Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 1966, с. 4—23.

Бархударов А. С. К вопросу о способах передачи новой терминологии в хинди.— Краткие сообщ. Ин-та народов Азии. М., 1964, № 62, с. 14—35.

Баскаков Н. А. Двоязычие и проблемы взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., Наука, 1972, с. 74—82.

Белецкий А. А. Генезис и этимология.— В кн.: Проблемы языкознания. Докл. и сообщ. сов. ученых на X Междунар. конгрессе лингвистов. М., Наука, 1967, с. 251—255.

Белецкий А. А. Результаты двуязычия в говорах румейского языка на Украине.— В кн.: Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1964, с. 120—122.

Белодед И. К. Советский народ, нации, языки.— Вopr. языкозн., 1972, № 1, с. 3—16.

Беренд Н. К. О некоторых явлениях интерферирующего влияния немецких говоров на русские речевые произведения их носителей.— В кн.: Вopr. структуры герм. языков/Омск. пед. ин-т, 1977, вып. 2, с. 10—16.

Бернштейн С. Б. Выступление на дискуссии о субстрате.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 130—134.

Бернштейн С. Б. К проблеме языковых смещений.— В кн.: Против вульгаризации и извращений марксизма в языкознании, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 291—307.

Бертагаев Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., Наука, 1972, с. 82—88.

Бертагаев Т. А. К вопросу о взаимовлиянии языков.— В кн.: Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., Наука, 1969, с. 121—126.

Бескровный А. М. Из истории образования переходного украинско-русского диалекта в Воронежской области.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 312—319.

Білодід І. К. Контакти української мови з іншими слов'янськими і уніфікація її усної літературної форми. Київ, Наук. думка, 1968.

Білодід І. К. Питання розвитку мови української радянської художньої прози. Київ, Наук. думка, 1955.

Білодід І. К. Поглиблювати методологічні основи лінгвістичних досліджень.— В кн.: Респ. наук. конф. з питань методології мовознавства. Київ, Наук. думка, 1964, с. 3—10.

Білодід І. К. Розвиток мов соціалістичних націй СРСР. Київ, Т-во поширення політ. і наук. знань УРСР, 1963.

Богородицкий В. А. К вопросу о «смешанных» языках. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1894.

✓ *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Проблемы языкового родства.— Избранные труды по общему языкознанию, т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 342—352.

Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков.— Там же, т. 1, с. 362—372.

Болдырев Р. В. О некоторых лексико-грамматических изменениях в синтаксисе управления русской разговорной речи. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Киев, 1964.

Бони Р. А. К вопросу о проницаемости грамматической системы языков.— *Вопр. структуры герм. языков* / Омск. пед. ин-т, 1977, вып. 2, с. 3—9.

Бони Р. А. К проблеме лингвистической интерференции.— *Вопр. структуры герм. языков* / Омск. пед. ин-т, 1976, вып. 1, с. 3—11.

Борковский В. И. Вступительное слово на дискуссии о субстрате.— *Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР*, 1956, № 9, с. 5—7.

Боровков А. К. Выступление на дискуссии о субстрате.— Там же, с. 150—151.

Бородина М. А. Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л., Наука, 1969.

Бородина М. А., Кузьмич Н. Г. Лингвистическая ситуация в Швейцарии и проблема языкового союза.— В кн.: *Романо-германские языки и диалекты единого ареала*. Л., Изд-во Ленингр. пед. ин-та, 1977, с. 6—24.

Борщ А. Т. К вопросу о двуязычии.— В кн.: *Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова»*. Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1964, с. 115—116.

Борщ А. Т. К вопросу о молдаво-славянском двуязычии.— В кн.: *Региональное совещание по молдаво-руско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям*. Кишинев, Изд-во Кишин. ун-та, 1963, с. 21—22.

Брофман М. В. К вопросу о языковых контактах.— В кн.: *Материалы V респ. конф. по теории и методике преп. иностр. языков*. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1971, с. 126—131.

Брофман М. В. Лексическая ассимиляция французских заимствований в английском литературном языке XVII—XVIII вв.— *Материалы к языковедческим курсам*. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1961, вып. 4.

Будагов Р. А. Предисловие к кн.: *Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию*. М., ИЛ, 1960, с. 5—22.

Будагов Р. А. Славянское влияние на румынский язык.— *Вестн. Ленингр. ун-та*, 1947, № 12, с. 80—94.

Бурнашева С. А. Влияние русского языка на развитие словарного состава современного татарского литературного языка.— *Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР*, 1955, № 8, с. 101—119.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие.— В кн.: *Нов. в лингвистике*, 1972, вып. 4, с. 25—60.

Ващенко В. С. Про вивчення міжслов'янських мовних контактів.— В кн.: *Велика Жовтнева соціалістична революція і культура слов'янських народів*. Дніпропетровськ, Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 1966, с. 7—11.

Ващенко В. С. Про особливості міжслов'янського білінгвізму.— В кн.: *Тези доп. VI Української слав. конф.* Київ, Наук. думка, 1964, с. 5—6.

Ващенко В. С. Про сурогатні творення в процесі міжмовних (міждіалектних) контактів.— В кн.: *Говори і ономастика Наддніпрянщини*. Дніпропетровськ, Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 1970, с. 140—143.

Ващенко В. С. Чи можлива креолізація мовної системи в нашу епоху?— В кн.: *Лінгвістичний семінарій*. Дніпропетровськ, Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 1964, с. 46—50.

Верещагин Е. М. Билингвизм Кирилла и Мефодия и создание древнеславянского литературного языка.— В кн.: *Славянские литературные языки в донациональный период*. М., Наука, 1969, с. 21—22.

Верещагин Е. М. Использование грамматических конструкций в условиях активного билингвизма.— В кн.: Науч. конф. «Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка». Тезисы докл. М., Наука, 1965, с. 45—46.

Верещагин Е. М. К вопросу гетерогенности лексемного состава в условиях массового активного билингвизма.— Учен. зап. 1-го МГПИИЯ, 1965, т. 33, с. 51—67.

Верещагин Е. М. К вопросу заимствования языковых моделей.— В кн.: Науч. конф. аспирантов, посвящ. проблемам ром.-герм. филол. Тезисы докл./1-й МГПИИЯ. М., 1965, с. 18—19.

Верещагин Е. М. К вопросу изучения речи при активном билингвизме.— В кн.: Респ. межвуз. лингв. конф. Тезисы докл. Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1966, с. 94—95.

Верещагин Е. М. К вопросу об использовании реческой лексики в первых славянских переводах.— Сов. славяноведение, 1967, № 6, с. 49—56.

Верещагин Е. М. К вопросу разноязычного оформления используемой лексики в речевых произведениях билингвов.— Вопр. общего и ром.-герм. языкозн. Уфа, Изд-во Башк. филиала АН СССР, 1965, вып. 1, с. 32—36.

Верещагин Е. М. К проблеме опосредствованной ассоциации лексем с понятиями в условиях билингвизма.— Вопр. психологии, 1966, № 3, с. 96—104.

Верещагин Е. М. К проблеме разносистемной принадлежности лексем при билингвизме. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1966.

Верещагин Е. М. К характеристике билингвизма эпохи Кирилла и Мефодия.— Сов. славяноведение, 1966, № 2, с. 61—65.

Верещагин Е. М. О влиянии славянских языков на словопроизводство языка идиш и говором советских немцев.— В кн.: Тезисы докл., предназн. для обсуждения на II Всесоюз. конф. по слав.-герм. языкозн. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1965, с. 29—31.

Верещагин Е. М. О связи лингвистики и психологии при изучении языковых контактов.— В кн.: Основные проблемы эволюции языка. Всесоюз. конф. по общему языкозн. Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1966, с. 439—440.

Верещагин Е. М. Пассивный и активный билингвизм и языковое контактирование.— В кн.: Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1964, с. 269—270.

Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Верещагин Е. М. Психологическая проблематика теории языковых контактов.— Вопр. языкозн., 1967, № 6, с. 122—133.

Верещагин Е. М. Типология билингвизма и методика обучения иностранным языкам.— В кн.: Науч.-метод. конф. по вопросам обуч. иностр. языкам в высш. школе. Тезисы докл. М., Высш. школа, 1967, с. 55—58.

Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы.— В кн.: Памяти академика Л. В. Щербы. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1961, с. 31—62.

Владимирська О. О. Про деякі особливості взаємодії російських переселенських геторів з українською мовою.— Мовозн., 1976, № 3, с. 45—50.

Воднева Э. П. Интерференция при изучении синтаксиса.— В кн.: Материалы к XVIII науч. конф./ Чит. пед. ин-т. Чита, 1966, с. 73—74.

Волкова Н. Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе.— Сов. этнография, 1967, № 1, с. 27—40.

Гавранек Б. К проблематике смешения языков.— Нов. в лингвистике, 1972, вып. 6, с. 94—111.

Гамперц Дж. Переклечение кодов хинди — пенджаби в Дели.— Там же, с. 190—203.

Гареш Р. К. Вопросы синонимичности междязычных аналогизмов.— В кн.: Иностр. филология. Алма-Ата, Изд-во Каз ун-та, 1975, с. 99—103.

Гачечиладзе Н. В. Различные теории языковых контактов.— В кн.: XIII науч. сессия проф.-преп. состава Сухум. пед. ин-та. Сухуми, 1965, с. 74—75.

Генко А. И. К вопросу о языковом смешении.— Яфетический сборник. П., Изд-во АН СССР, 1923, № 2, с. 120—136.

Геровский Г. И. О специфике литературного двуязычия у восточных славян.— Вopr. языкозн., 1959, № 3, с. 86—88.

Гердт А. С. Из истории одного германского заимствования в славянские языки.— В кн.: Тезисы докл., предназн. для обсуждения на II Всесоюз. конф. по слав.-герм. языкозн. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1965, с. 12—13.

Глемжене О. А. Интерференция английского языка в лексике литовцев США. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Киев, 1973.

Гордеева О. И. Некоторые результаты интерференции при взаимодействии неродственных языков в условиях двуязычия.— В кн.: Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова» Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та 1964, с. 125—126.

Горнуна Б. В. К вопросу об ипах и формах взаимодействия языков.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1952, № 2, с. 3—7.

Горнунг Б. В. К итогам дискуссии.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 169—173.

Готлиб К. М. Междязычные аналогизмы в диалектной лексике.— В кн.: Вопросы романо-германского языкознания. Уфа, Изд-во Башк. филиала АН СССР, 1966, с. 32—35.

Готлиб К. М. Междязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках. Кемерово, Изд-во Кем. пед. ин-та, 1966.

Григорьев В. П. И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика.— В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 53—66.

Григорьев В. П. О некоторых вопросах интерлингвистики.— Вopr. языкозн., 1966, № 1, с. 37—46.

Григорьев В. П., Исаев М. И., Махароблидзе Г. А. Вопросы культуры русской речи у нерусского населения СССР.— В кн.: Тезисы докл. конф., посвящ. вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1964, с. 25—28.

Гринберг Дж. Изучение языковых контактов в Африке.— Нов. в лингвистике, 1972, вып. 6, с. 130—140.

Гринева Н. М. Об одном конвергентном изменении нижненемецкого говора села Кусак в условиях интенсивных межъязыковых контактов.— Вopr. структуры герм. языков/Омск. пед. ин-т. Омск, 1977, вып. 2, с. 22—26.

Гухман М. М. Выступление на дискуссии о субстрате.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 143—146.

Гухман М. М. Социология языка.— В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., Наука, 1964, с. 128—134.

Даурова Л. Х. Двоязычие, его виды и этапы развития.— Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1964, № 240, с. 3—25.

Дегтерева Т. А. Выступление на дискуссии о субстрате.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 149.

Десницкая А. В. К вопросу о взаимодействии языков.— Там же, с. 70—77.

Десницкая А. В. Славянские заимствования в албанском языке.— В кн.: V Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Дешириев Ю. Д. Выступление на дискуссии о субстрате.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 103—105.

Дешириев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., Изд-во АН СССР, 1966.

Дешириев Ю. Д. Младописьменные и бесписьменные языки и критика ошибочных положений Н. Я. Марра о скрещивании языков.— В кн.: Против вульгаризации и извращений марксизма в языкознании. ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 307—330.

Дешириев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., Изд-во АН СССР, 1958.

Дешириев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху.— Вopr. языкозн., 1957, № 5, с. 18—30.

Дешириев Ю. Д. Социальная лингвистика. М., Наука, 1977.

Дешириев Ю. Д., Каммари М., Меликян М. Развитие и взаимное обогащение языков.— Коммунист, 1965, № 13, с. 55—66.

Дешириев Ю. Д., Корлэтану Н. Г., Протченко И. Ф. Основные теоретические и практические вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР в советскую эпоху.— В кн.: Тезисы докл. конф., посвящ. вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1964, с. 5—12.

Дешириев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., Наука, 1972, с. 26—42.

Дешириев Ю. Д., Протченко И. Ф. Процессы взаимодействия русского и других языков народов СССР.— Рус. яз. в школе, 1966, № 1, с. 3—11.

Дмитровська О. І. До питання про англійські запозичення в сучасній німецькій мові.— Інозем. філол. Львів, Вид-во Львів. ун-ту, 1966, вып. 6, с. 101—105.

Долгопольский А. В. Против ошибочной концепции «гибридных» языков.— Учен. зап. 1-го МГПИИЯ, 1955, т. 7.

Дырул А. М. К вопросу о развитии общего метафорического значения слов контактирующих языков.— В кн.: Молд. респ. науч. конф. по теме «Проблемы развития языков и литератур советских народов». Кишинев, Изд-во Молд. филиала АН СССР, 1967, с. 22—23.

Еремеев Д. Е. Язык как этногенетический источник.— Сов. этнография, 1967, № 4, с. 62—74.

Ефремов Л. П. Калькообразование, не создающее общности звучания кальки со звучанием калькируемого объекта, и калькообразование, отчасти порождающее такую общность.— В кн.: Зарубежное

языкознание и литература. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1972, вып. 2, с. 85—86.

Ефремов Л. П. Лексическое калькирование как перевод.— В кн.: Материалы V респ. конф. по теории и методике преп. иностр. языков. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1971, с. 132—141.

Ефремов Л. П. Лексическое и фразеологическое калькирование.— Тр. Самарк. ун-та. Вопр. фразеологии. Нов. серия. Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1961, вып. 106, с. 117—124.

Ефремов Л. П. О заимствованных словах.— В кн.: Прогрессивное влияние русского языка на казахский. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1965, с. 190—209.

Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Алма-Ата, 1959.

Ефремов Л. П. Является ли словообразовательное калькирование поморфемным переводом?— В кн.: Зарубежное языкознание и литература. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1972, вып. 2, с. 72—84.

Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1974.

Жлуктенко Ю. О. Мовні контакти (проблеми інтерлінгвістики). Київ, Вид-во Київ. ун-ту, 1966.

Жлуктенко Ю. О. Українсько-англійські міжмовні відносини Українська мова у США і Канаді. Київ, Вид-во Київ. ун-ту, 1964.

Забавников Б. Н. Понятие заимствования в свете аспектной классификации заимствований.— В кн.: Сборник работ аспирантов Воронежского университета. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1967, вып. 3, ч. 2, с. 187—190.

Зализняк А. А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами.— Краткие сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР, 1963, вып. 38, с. 3—22.

Захарьин Б. А. Опыт структурного изучения интерференции.— В кн.: Семиотика и восточные языки. М., Наука, 1967, с. 204—222.

Захарьин Б. А. О фонологической интерференции.— В кн.: Программа научной конференции по языкам Индии, Пакистана, Непала и Цейлона М., Изд-во АН СССР, 1965, с. 63—65.

Захарьин Б. А. Фонологические изменения при языковых контактах.— Народы Азии и Африки, 1966, № 5, с. 110—126.

Злобина В. Е. Русско-карельские языковые контакты и явления интерференции на грамматическом уровне.— В кн.: 9-я науч. конф. Тезисы докл. / Карельский пед. ин-т. Петрозаводск, 1967, с. 117—119.

Илич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., Наука, 1964, с. 3—12.

Ильяшенко Т. П. О взаимодействии языков.— В кн.: Вопросы романского языкознания. Кишинев, Изд-во Кишин. ун-та, 1963, с. 112—118.

Ильяшенко Т. П. Языковые контакты. М., Наука, 1970.

Іжакевич Г. П. Проблематика дослідження російсько-українських мовних зв'язків.— В кн.: Підсумки і проблеми наукового вивчення української мови в повоєнний період. Тези доп. респ. конф. Київ, Наук. думка, 1967, с. 25—27.

Іжакевич Г. П. Російсько-українські мовні зв'язки радянського часу.— В кн.: В. І. Ленін і розвиток національних мов. Київ, Наук. думка, 1971, с. 120—136.

Іжакевич Г. П. Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу. Київ, Наук. думка, 1969.

Карлинский А. Е. Восприятие старославянской речи представителем старобаварской языковой общности.— В кн.: Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1964.

Карлинский А. Е. Значение теории языковых контактов для диахронической фонологии.— В кн.: Основные проблемы эволюции языка. Самарканд, 1966, Изд-во Самарк. ун-та, с. 274—277.

Карлинский А. Е. К вопросу о построении теории языковых контактов.— Иностр. языки. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1967, вып. 3, с. 5—15.

Карлинский А. Е. Некоторые вопросы прогнозирования синтагматической интерференции в плане выражения.— Иностр. филол. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1976, вып. 7, с. 3—20.

Карлинский А. Е. Некоторые особенности речевой деятельности на первом и втором языках.— В кн.: Исследование рече-мыслительной деятельности / Каз. пед. ин-т. Алма-Ата, 1974, с. 149—166.

Карлинский А. Е. О некоторых основных понятиях теории взаимодействия языков.— В кн.: Зарубежное языкознание и литература. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1973, вып. 3—10.

Карлинский А. Е. Психологическое и лингвистическое понятие интерференции.— В кн.: Материалы V респ. конф. по теории и методике преп. иностр. языков. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1971, с. 21—23.

Карлинский А. Е. Славяно-немецкая фонетическая интерференция.— В кн.: Тезисы докл., предназн. для обсуждения на II Всесоюз. конф. по слав.-герм. языкозн. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1965, с. 18—20.

Карлинский А. Е. Специфика естественного и искусственного билингвизма и теория обучения иностранным языкам.— В кн.: Зарубежное языкознание и литература. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1972, вып. 2, с. 26—33.

Карлинский А. Е. Типология речевой интерференции.— Там же, с. 9—16.

Катагощина Н. А. Проблема двуязычия и многоязычия за рубежом.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., Наука, 1972, с. 62—74.

Кац С. Д. Межъязыковые и междиалектные контакты в образовании словарного состава одного из русских говоров на территории Азербайджана.— Учен. зап. Азерб. пед. ин-та. Серия XII, № 4, 1967, с. 71—80.

Кельмаков В. К. Роль татарского языка в развитии абстрактной лексики кукморского диалекта удмуртского языка.— В кн.: Всесоюзная конференция по финно-угроведению (тезисы. докл. и сообщ.), июнь 1965 г. Сыктывкар, Изд-во Коми филиала АН СССР, 1965, с. 53—55.

Ким О. М. Особенности русской речи корейцев УзССР. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Ташкент, 1964.

Ковылина Л. Н. Об одном способе исследования лексико-грамматической интерференции.— В кн.: Иностр. филол. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1975, с. 59—68.

Колшанский Г. В. Теоретические проблемы билингвизма.— В кн.: Лингвистика и методика в высшей школе. М., Высш. школа, 1967, вып. 4, с. 165—178.

Корлятуху Н. Изучение вопросов славяно-молдавских языковых взаимоотношений.— В кн.: Региональное совещание по молдавско-руско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям. Кишинев, Изд-во Кишин. ун-та, 1963, с. 38—39.

Крысин Л. П. О причинах лексического заимствования.— Рус. язык в школе, 1965. № 3, с. 11—15.

Кузнецов П. С. Выступление на дискуссии о субстрате.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 119—122.

Культура русской речи на Украине. Киев, Наук. думка, 1976.

Ларин Б. А. О филологии близкого будущего.— Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1963, № 1 (21).

Ларин Б. А. Наши задачи.— В кн.: Теория и критика перевода. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1962, с. 5—6.

Ломтев Т. П. Выступление на дискуссии о субстрате.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 146—149.

Лыткин В. И. Пермско-иранские языковые контакты.— Вопр. языкозн., 1975, № 3, с. 84—97.

Мажюлис В. П. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., Наука, 1964.

Майоров А. П. К вопросу о сущности лексического заимствования.— Учен. зап. 1-го МГПИИЯ, 1967, т. 37, с. 202—213.

Макаев Э. А. Дискуссия о проблемах субстрата.— Вопр. языкозн., 1955, № 5, с. 170—176.

Макаев Э. А. Вопросы синтаксиса индоевропейских языков.— Учен. зап. 1-го МГПИИЯ, 1955, т. 7, с. 12—22.

Маковский М. М. К проблеме так называемой «интернациональной» лексики.— Вопр. языкозн., 1960, № 1, с. 44—51.

Маковский М. М. Экстраполяция лексико-семантических систем.— Вопр. языкозн., 1970, № 3, с. 45—57.

Мартине А. Основы общей лингвистики.— Нов. в лингвистике, 1953, вып. 3, с. 366—566.

Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика.— Нов. в лингвистике, 1972, вып. 6, с. 81—93.

Мартынов В. В. К лингвистическому обоснованию гипотезы о висло-одерской прародине славян.— Вопр. языкозн. 1961, № 3, с. 51—59.

Мартынов В. В. О возможности италийско-славянских языковых контактов древнейшей поры.— В кн.: Проблемы диахронии в изучении романских языков. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1967, с. 116—117.

Мартынов В. В. О надежности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения.— В кн.: Тезисы докл., предназн. для обсуждения на II всесоюз. конф. по слав.-герм. языкозн. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1965, с. 8—10.

Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, Вышш. школа, 1963.

Матвеев А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований.— Вопр. языкозн., 1972, № 3, с. 76—83.

Матвеева-Исаева Л. В. О заимствованных словах.— Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1954, т. 92, с. 71—101.

Мелика Г. И. Проблемы фонетической и фонологической интерференции в межкузыковом контактировании. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Львов, 1971.

Мельничук О. С. Сучасні проблеми марксистсько-ленінського розуміння розвитку і взаємодії мов світу.— В кн.: В. І. Ленін і розвиток національних мов. Київ, Наук. думка, 1971, с. 37—61.

Меновицков Г. А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка.— Вopr. языкозн., 1964 № 5, с. 100—106.

Меновицков Г. А. Русские заимствования в языке эскимосов Аляски.— Вopr. языкозн., 1966, № 2, с. 42—48.

Мионов С. А. Англицизмы в современном нидерландском языке и их эквиваленты в африкаанс.— В кн.: Теория языка. Ангlistика. Кельтология. М., Наука, 1976, с. 197—203.

Мирошниченко А. И. Историко-этимологическая характеристика русских лексических элементов в немецком языке XVIII — начала XX в.— Інозем. філол. Львів, Вид-во Львів. ун-ту, 1977, вип. 48, с. 71—77.

Мирошниченко А. И. Русские лексические элементы в немецком языке XVIII — начала XX в. Автореф. дис. . . . канд. філол. наук. Київ, 1978.

Михайлов М. М. Двухязычие (принципы и проблемы). Чебоксары, Изд-во Чуваш. ун-та, 1969.

Москович В. А. Влияние языковых контактов на структуру семантического поля.— В кн.: Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1964, с. 275—276.

Муканов М. М. Интерференция при билингвизме и пути ее преодоления.— В кн.: Респ. межвуз. конф. по вопросам методики преподавания и теории иностр. языков, посвящ. 50-летию Советской власти. Тезисы докл. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1966, с. 170—173.

Наркевич И. О структурной классификации лексических заимствований.— В кн.: Межвуз. науч.-техн. конф. аспирантов. Материалы. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростов. н/Д ун-та, 1967, с. 312—315.

Непокупный А. П. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, Наук. думка, 1964.

Непокупный А. П. Західнобалтійські та східнослов'янські зв'язки і паралелі.— Мовозн., 1973, № 4, с. 21—29.

Никольский Л. Б. Синхронная социолінгвістика. М., Наука, 1976.

Никольский Л. Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие.— В кн.: Язык и общество. М., Наука, 1968.

Обогащение русского языка заимствованиями из языков народов СССР / Н. А. Баскаков, Т. А. Бертагаев, Е. А. Бокарев и др.— В кн.: Тезисы докл. конф., посвящ. вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. Казань. Изд-во Казан. ун-та, 1964.

Опельбаум Е. В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, Наук. думка, 1971.

Опельбаум Е. В. Заимствования из русского языка в немецком языке. Автореф. дис. . . . канд. філол. наук. Львов, 1953.

Опельбаум Е. В., Мирошниченко А. И. К хронологии русских лексических элементов в немецком языке.— В кн.: Исследования по романской и германской филологии. Киев, Вища школа. Изд-во при Київ. ун-те, 1977, с. 90—96.

Орлова В. Г. О возникновении иноязычных элементов в структуре языка.— Докл. и сообщ. Ін-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 78—84.

Орос В. І. До питання українсько-угорських мовних контактів.— В кн.: Тези доп. та повідом. міжвуз. конф. з питань теорії і методики викл. інозем. мов. Ужгород, Вид-во Ужгород. ун-ту, 1964, с. 40—43.

Орос В. І. Про українсько-румунські мовні контакти в східних районах Закарпаття.— В кн.: Восточнославянско-восточнороманские языковые, литературные и фольклорные связи. Черновцы, Изд-во Ужгород. ун-та, 1966, с. 54—55.

Орузбаева Б. О. О некоторых типах двуязычия в Киргизии.— Изв. АН КиргССР, 1966, № 2, с. 82—89.

Орузбаева Б. О. Основные типы двуязычия на территории Киргизии.— В кн.: Первая респ. межвуз. лингв. конф. КиргССР. Фрунзе, Мектеп, 1966, с. 8—9.

Пажусис А. Фонологическая и морфологическая интеграция английских заимствований в литовском языке Северной Америки. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Вильнюс, 1971.

Панкрац Г. Я. Заимствование лексических единиц из одного языка в другой в условиях билингвизма.— В кн.: Вопр. ром.-герм. языкозн. Челябинск, Изд-во Челяб. ун-та, 1967, вып. 2, ч. 1, с. 78—82.

Панкрац Г. Я. К вопросу взаимодействия языков в условиях билингвизма.— В кн.: Первая респ. межвуз. лингв. конф. КиргССР. Фрунзе, Мектеп, 1966, с. 96—97.

Панфилов В. З. Взаимодействие языков при двуязычии с точки зрения взаимоотношения языка и мышления.— Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1970, т. 24, вып. 3, 1970, с. 203—209.

Пиотровский Р. Г. О славяно-молдавском языковом взаимодействии в Приднестровье.— Учен. зап. 1-го МГПИИЯ. Нов. серия, 1964, вып. 1.

Пиотровский Р. Г. Славянские элементы в румынском языке.— Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1954, т. 93.

Півторак Г. П. До питання про українсько-білоруську мовну взаємодію донаціонального періоду.— Мовозн., 1978, № 3, с. 41—47.

Попов А. И. Несколько примеров взаимодействия финно-угорских и тюркских языков Поволжья.— Сов. финно-угровед., 1965, № 2, с. 95—97.

Попова Е. А. К вопросу о заимствованиях.— Учен. зап. 1-го МГПИИЯ, 1953, т. 5.

Прилітко В. М. Деякі закономірності субституції близькоспоріднених мов в умовах шкільної двомовності.— Наук. зап. Житомир. пед. ін-ту, 1965, т. 2, с. 31—52.

Рабинович А. И. Типы казахско-немецкой фонетической интерференции в области вокализма.— В кн.: Материалы V респ. конф. по теории и методике преп. иностр. языков. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1971, с. 67—72.

Проблема двуязычия народов СССР / О. П. Суник, Ю. Д. Дешериев, К. М. Мусаев и др.— В кн.: Тезисы докл. конф., посвящ. вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1964, с. 19—24.

Раевский Н. Некоторые моменты романо-славянского билингвизма.— В кн.: Региональное совещание по молдаво-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям. Кишинев, Изд-во Кишин. ун-та, 1963, с. 68.

Расторгуева В. С., Бакаев Ч., Исаев М. И. и др. Типы двуязычия у иранских народов Советского Союза. М., Изд-во АН СССР, 1964.

Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Л., Наука, 1972.

Реформатский А. А. Выступление на дискуссии о субстрате.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 110—117.

Рипецкая О. Ф. Немецкие элементы в топонимике Чехии.— В кн.: Тезисы докл., предназн. для обсуждения на II Всесоюз. конф. по слав. герм. языкозн. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1965, с. 27—28.

Ройзензон Л. И. Из истории лужицко-немецких связей.— Там же, с. 23—26.

Ройзензон Л. И. Об одном случае грамматической интерференции в серболужицких языках.— В кн.: Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1964, с. 116—120.

Розенцвейг В. Динамика языковых контактов.— Там же, с. 114—115.

Розенцвейг В. Ю. «Влияние» или «механизм» контактов?— В кн.: Проблемы языкозн. Докл. и сообщ. сов. ученых на X Междунар. конгрессе лингвистов. М., Наука, 1967, с. 123—126.

Розенцвейг В. Ю. Конвергенция языков в процессе контакта.— В кн.: Основные проблемы эволюции языка. Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1966, с. 114—115.

Розенцвейг В. Ю. Лингвистический подход к описанию культурных контактов. М., Наука, 1964.

Розенцвейг В. Ю. О языковых контактах.— *Вопр. языкозн.*, 1963, № 1, с. 57—66.

Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов.— *Нов. в лингвистике*, 1972, вып. 6, с. 5—22.

Розенцвейг В. Ю. Теория перевода и теория языковых контактов.— В кн.: Докл. на конф. по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. М., Изд-во АН СССР, 1961, вып. 9.

Розенцвейг В. Ю. Об одном типе синтаксической интерференции.— В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., Наука, 1971, с. 270—276.

Розенцвейг В. Ю. Языковая практика и лингвистическая теория.— *Вопр. языкозн.*, 1966, № 2, с. 30—39.

Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л., Наука, 1972.

Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты и преподавание языков.— *Рус. яз. в нац. школе*, 1964, № 4, с. 11—19.

Розенцвейг В. Ю., Уман Л. М. Интерференция и грамматические категории.— В кн.: Исследования по структурной типологии. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 104—113.

Розенцвейг В. Ю., Уман Л. М. К проблеме грамматической интерференции.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 60—72.

Розенцвейг М. Ю. Проблемы языковой интерференции. Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. М., 1975.

Ройтенберг Ф. Е. О русских заимствованиях во французском языке в советскую эпоху.— *Иностр. яз. в школе*, 1953, № 4, с. 11—20.

Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л., Наука, 1975.

Росетти А. Смешанный язык и смешение языков.— *Нов. в лингвистике*, 1972, вып. 7, с. 112—119.

Рот А. М. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. М., 1969.

Рот А. М. До питання про фонологічну адаптацію лексичних за позичень.— *Інозем. філол.* Львів, Вид-во Львів ун-ту, 1966, вып. 6, с. 7—13.

Рот А. М. Исследования, посвященные вопросам языковых контактов.— В кн.: 21-я науч. конф., материалы / Ужгород. ун-т. Ужгород, 1967, с. 276—280.

Рот А. М. Лексические кальки из русского языка советской эпохи в языках европейских стран социалистического содружества и вопросы языковой интерференции.— В кн.: Тези доп. до XX наук. конф. Ужгород. ун-ту. Питання ром.-герм. та угор. філол. Ужгород. Вид-во Ужгород. ун-ту, 1966, с. 43—50.

Рот А. М. О характере языковой интерференции и степени проницаемости структуры венгерского языка в процессе его взаимодействия с восточнославянскими языками.— В кн.: Вопр. финно-угор. языкозн. Ижевск, Изд-во Удм. ун-та, 1967, вып. 4, с. 159—176.

Рот А. М. Русские неологизмы советской эпохи в языках стран народной демократии и вопросы взаимодействия языков социалистических наций.— В кн.: Тези доп. та повідомл. на міжвуз. конф. з питань теорії та методики викл. інозем. мов. Ужгород. Вид-во Ужгород. ун-ту, 1964, с. 45—49.

Рот А. М. Русские неологизмы советской эпохи в языках стран социалистического содружества и вопросы их акцентологической адаптации.— В кн.: Тези доп. до XX наук. конф. Ужгород. ун-ту. Серія мовозн. Ужгород. Вид-во Ужгород. ун-ту, 1966, с. 91—98.

Рот О. М. Давньоруські лексичні запозичення в угорській мові та питання фонологічного засвоєння їх звукової оболонки.— В кн.: 21-я науч. конф., материалы / Ужгород. ун-т. Ужгород, 1967, с. 189—194.

Рот О. М. До питання про фонологічну адаптацію лексичних запозичень.— Інозем. філол. Львів, Вид-во Львів. ун-ту, 1966, вып. 6, с. 7—11.

Рот О. М. Проблеми інтерлінгвістики і фінно-угорсько-східнослов'янські мовні контакти найдавнішого періоду.— Мовозн., 1971, № 4, с. 16—27.

Рот О. М. Особливості багатолатеральних і конвергентних контактів мов та діалектів карпатського басейну і питання мовної типології.— В кн.: Наук. метод. конф. з теорії та методики викл. інозем. мов. Львів, Вид-во Львів. ун-ту, 1967, с. 11.

Рот О. М. Російські неологизми радянської епохи в мовах народної демократії і питання мовної інтерференції в семантичні поля контактуючих мов.— В кн.: Тези доп. VI укр. слав. конф. Чернівці. Київ, Наук. думка, 1964, с. 31—33.

Русанівський В. М., Цілуйко К. К. Типи мовних контактів і методи їх вивчення.— В кн.: Методологічні питання мовознавства. Київ, Наук. думка, 1966, с. 134—145.

Русинов Н. Д. К вопросу о «проницаемости» синтаксического строя русского языка.— Учен. зап. Горьк. ун-та, 1964, вып. 68, с. 29—40.

Рускова М. П. Лексические заимствования из германского в славянские словообразовательные инновации.— В кн.: Тезисы докл., предназн. для обсуждения на II Всесоюз. конф. по слав.-герм. языкозн. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1965, с. 32—33.

Русский язык — язык межнационального общения и единения народов СССР. Київ, Наук. думка, 1976.

Семчинский С. В. Изменения в категории рода в восточнославянских лексических заимствованиях румынского языка.— Вісн. Київ. ун-ту. Серія філол. та журн., 1960, № 3, вып. 2., с. 84—89.

Семчинский С. В. Лексические заимствования из русского и украинского языков в румынском языке. Автореф дис. . . . канд. филол. наук. Киев, 1958.

Семчинский С. В. Семантическая интерференция языков. Автореф дис. . . . д-ра филол. наук. Киев, 1973.

Семчинський С. В. Лексико-семантичні інтерференції слов'янського походження у маргінальних ареалах дакороманського масиву.— Мовознав., 1976, № 2, с. 22—30.

Семчинський С. В. Про лінгвістичну специфіку суперстрату.— Мовознав., 1973, № 3, с. 50—58.

Семчинський С. В. Слова українського походження в румунській мові.— Вісн. Київ. ун-ту. Серія філол., 1972, № 14, с. 101—107.

Семчинський С. В. Семантична інтерференція мов. Київ, Вища школа. Вид-во при Київ. ун-ті, 1974.

Семчинский С. В. Шляхи збагачення лексики. Львів, Вид-во Львів. ун-ту, 1963.

Сергиевский М. В. Молдаво-славянские этюды. М., Изд-во АН СССР, 1959.

Сергиевский М. В. Французский язык в Алжире.— Вопр. языкозн., 1959, № 2, с. 51—61.

Сердюченко Г. П. Лингвистический аспект двуязычия.— Тр. Ин-та языкозн. АН КазССР. Алма-Ата, 1963, т. 3, с. 9—23.

Серебренников Б. А. О взаимодействии языков.— Вопр. языкозн., 1955, № 1, с. 7—25.

Серебренников Б. А. Проблемы субстрата.— В кн.: Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 33—56.

Серебренников Б. А. Заключительное слово.— Там же, с. 158—164.

Серебренников Б. А. Теория волн И. Шмидта и явления языковой аттракции.— Вопр. языкозн., 1957, № 4, с. 3—15.

Скаличка В. О фонологии языка Центральной Европы.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., Прогресс, 1967, с. 84—87.

Скибина М. П. К проблеме русско-казахской интерференции.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, Изд-во Сиб. филиала АН СССР, 1967, с. 79—80.

Скрелина Л. М. К вопросу о взаимодействии системы и нормы в ситуации многоязычия.— В кн.: Романо-германские языки и диалекты единого ареала. Л., Изд-во Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1977, с. 111—127.

Собаршов И. Т. О русском элементе в словарном составе английского, французского и немецкого языков.— В кн.: Некоторые вопросы теории иностранных языков и методики их преподавания в технических вузах. М., Высш. школа, 1963, с. 5—16.

Стецко П. В. Немецкие слова в современных белорусских народных говорах.— В кн.: Тезисы докл., предназн. для обсуждения на II Всесоюз. конф. по слав.-герм. языкозн. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1965, с. 16—17.

Столбунова В. И. К русско-украинско-молдавским языковым взаимоотношениям.— В кн.: Региональное совещание по молдаво-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям. Кишинев, Изд-во Кишин. ун-та, 1963, с. 75—77.

Столбунова В. И. О взаимодействии близкородственных языков (говоров).— В кн.: Тези доп. VI укр. слав. конф. Чернівці. Київ, Наук. думка, 1964, с. 33—34.

Столбунова В. И. Русско-молдавские лексические взаимоотношения.— В кн.: Тези доп. XX наук. сесії. Секція філол. Чернів. ун-т Чернівці, 1964, с. 32—36.

Столбунова В. И. Специфика развития русских говоров в иноязычной среде.— В кн.: Тезисы докл. на X диалектолог. совещ. М., Наука, 1965, с. 32—36.

Супрун А. Е. К динамической типологии полабского и нижненемецкого вокализмов.— В кн.: Тезисы докл., предназн. для обсуждения на II Всесоюз. конф. по слав.-герм. языкозн. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1965, с. 21—22.

Судник Т. М. Заметки о литовско-белорусском двуязычии.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., Наука, 1964, с. 79—89.

Таирбеков Б. Г. Об одном случае интерлингвистического перевода в сфере категории числа.— Учен. зап. Азерб. ун-та. Серия яз. и лит. Баку, 1967, № 4—5, с. 162—165.

Татаринцев Б. И. О билингвизме и заимствованных словах.— Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Серия обществ. наук, 1967, вып. 2, с. 112—118.

Терещенко Н. М. К вопросу о взаимоотношении самодийских языков с языками других групп.— Вopr. языкозн., 1957, № 5, с. 101—103.

Ткаченко О. Б. Питання міжмовних контактів і деякі тенденції їх висвітлення в зарубіжному мовознавстві.— Мовознав., 1971, № 4, с. 3—15.

Толмачева З. А., Якубайтис Т. Я. О структурно-типологическом изучении латышско-русских языковых контактов.— Изв. АН ЛатвССР, 1967, № 5, с. 56—61.

Трегубов Н. Д. О заимствованиях из английского языка в современном французском языке.— В кн.: Английская и французская филология / Смол. пед. ин-т. Смоленск, 1961.

Убрятова Е. И. Взаимодействие языков на материале взаимоотношений якутского и эвенкийского языков.— В кн.: Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 85—92.

Удлер Р. Украинско-молдавские языковые взаимосвязи.— В кн.: Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, Изд-во Самарк. ун-та, 1964, с. 131—133.

Уман Л. М. Что такое грамматическая интерференция? — Учен. зап. Орлов. пед. ин-та, 1963, т. 17, вып. 2, с. 157—165.

Феоктистов А. П. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов.— В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск, Изд-во Морд. ун-та, 1965, с. 331—343.

Филин Ф. П. История общества и развитие двуязычия.— Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1970, т. 29, вып. 3.

Филин Ф. П. Современное общественное развитие и проблема двуязычия.— В кн.: Проблема двуязычия и многоязычия. М., Наука, 1972.

Ханазаров К. Х. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963.

Харсекин А. И. К вопросу о взаимодействии этрусского и греческого языков.— В кн.: Античное общество. М., Наука, 1967, с. 208—214.

Хасанов Б. Языки народов Казахстана и их взаимодействие. Алма-Ата, Наука, 1976.

Хауген Э. Языковые контакты.— Нов. в лингвистике, 1972, вып. 6.

Цілуйко К. К., Русанівський В. М. Ономастика як джерело дослідження мовних контактів.— В кн.: Респ. наук. конф. з питань рос.-укр. мовних зв'язків. Тези доп. Луганськ, 1964, с. 20—21.

Цыпленкова Л. Х. Адыгейско-русские языковые контакты. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1965.

Цыпленкова Л. Х. Взаимодействие русского и адыгейского языков в различные периоды адыгейско-русского двуязычия.— Науч. тр. Краснодар. пед. ин-та, 1965, вып. 42, с. 3—32.

Цыпленкова Л. Х. К проблеме взаимоотношения языков.— Учен. зап. Адыг. пед. ин-та. Серия филол. наук, 1963, вып. 3, с. 50—64.

Чантурашвили Д. С. О бинарном сопоставлении разносистемных контактирующих языков.— Рус. яз. в нац. школе, 1964, № 4, с. 3—10.

Чернишова Т. М. Тюркські елементи в соціальній сфері лексики грецьких говорів Донеччини.— Мовозн., 1975, № 4, с. 51—55.

Черных П. Я. К вопросу о «смешении» и «чистоте» языков.— Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1955, т. 32, вып. 2, с. 3—11.

Черторизька Т. К. Іншомовні слова і словосполучення у творах Т. Г. Шевченка.— Мовозн., 1978, № 1, с. 74—80.

Шахрай О. Б. К проблеме классификации заимствованной лексики.— Вопр. языкозн., 1961, № 2, с. 53—58.

Шварцман В. М. Некоторые особенности проявлений языкового контакта и двуязычия в островных ареалах.— В кн.: Зарубежное языкознание и литература. Алма-Ата, Изд-во Каз. ун-та, 1973, с. 18—27.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. М., Наука, 1976.

Шебанец Н. Г. Англо-американизмы как источник пополнения молодежного сленга современного немецкого языка.— В кн.: Вопр. грам. строя герм. языков / Омск. пед. ин-т, 1974, вып. 89, с. 117—125.

Шеворошкин В. А., Белокриницкий С. С., Альтман И. В. О некоторых фонетических и фонологических явлениях в процессе языковой интерференции.— В кн.: Конф. по структур. лингв., посвящ. базисным проблемам фонологии. М., Наука, 1963, с. 115—119.

Шин М. Ф. До характеристики німецьких говорів Закарпатської області і їх стосунків з українськими та угорськими говорами.— В кн.: 21-я науч. конф., материалы / Ужгород. ун-т. Ужгород, 1967, с. 213—215.

Шухардт Г. К вопросу о языковом смешении.— Избранные статьи по языкознанию. М., ИЛ, 1950, с. 174—184.

Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. П., Изд-во Петерб. АН, 1915.

Щерба Л. В. О понятии смешения языков.— Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1958, т. 1.

Якобсон Р. Итоги девятого конгресса лингвистов.— Нов. в лингвистике, 1965, вып. 4, с. 576—588.

Ярошенко А. В. К вопросу о многоязычии.— Учен. зап. Ленингр. ун-та. Психология, 1955, вып. 8.

Ярцева В. Н. О соотношении количественных и качественных изменений в языке.— Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1958, № 2, с. 14—48.

Ярцева В. Н. Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании.— В кн.: Язык и общество. М., Наука, 1968, с. 39—54.

Ярцева В. Н. Теория субстрата в истории языкознания.— Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, 1956, № 9, с. 8—32.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория взаимодействия языков и работа У. Вайнрайха «Языковые контакты» В. Н. Ярцева	5
Предисловие. Андре Мартине	17
1. Проблема подхода	22
1.1. Контакт и интерференция	22
1.2. Различия между языками	23
1.3. Психологическая и социокультурная обстановка языкового контакта	24
1.4. Контакт языков и контакт культур	27
Примечания	29
2. Механизмы и структурная обусловленность интерференции	31
2.1. Предварительные теоретические замечания	31
2.2. Фонетическая интерференция	39
2.3. Грамматическая интерференция	60
2.4. Лексическая интерференция	83
2.5. Общая величина интерференции	103
Примечания	114
3. Двуязычный индивид	126
3.1. Психологические теории двуязычия	126
3.2. Характеристики двуязычного индивида	128
3.3. Относительный статус языков	131
3.4. Речевая ситуация и интерференция	138
Примечания	140
4. Социокультурное окружение языкового контакта	144
4.1. Роль социокультурного окружения	144
4.2. Функции языков в двуязычных группах	150
4.3. Соответствие делений по языковому и социокультурному признакам	154
4.4. Символическая значимость стандартизованного языка	166
4.5. Длительность контакта	171
4.6. Формирование новых языков	173
4.7. Смена языка	175
Примечания	179
5. Методы исследования и их возможности	184
5.1. Необходимость широкого подхода	184
5.2. Множественные языковые контакты как перспективная об- ласть исследования	186
Примечания	189
Приложение	191
I. Влияние двуязычия на индивида	191
II. Об описании фонетической интерференции	198
Примечания	210
Комментарии	211
Список литературы	219
Список работ по проблемам взаимодействия языков и языковых контактов, опубликованных в СССР	246

CONTENTS

Theory of the Interaction of Languages and U. Weinreich's «Languages in Contacts», by Victoria N. Yartseva	5
Preface, by André Martinet	17
1. The Problem of Approach	22
1.1. Contact and Interference	22
1.2. Difference Between Languages	23
1.3. Psychological and Socio-Cultural Setting of Language Contact	24
1.4. Language Contact and Culture Contact	27
Notes and References	29
2. Mechanisms and Structural Causes of Interference	31
2.1. Theoretical Preliminaries	31
2.2. Phonic Interference	39
2.3. Grammatical Interference	60
2.4. Lexical Interference	83
2.5. Total Amount of Interference	103
Notes and References	114
3. The Bilingual Individual	126
3.1. Psychological Theories of Bilingualism	126
3.2. Characteristics of the Bilingual Speaker	128
3.3. Relative Status of Languages	131
3.4. The Speech Situation and Interference	138
Notes and References	140
4. The Socio-Cultural Setting of Language Contact	144
4.1. The Role of the Socio-Cultural Setting	144
4.2. Language Functions in Bilingual Communities	150
4.3. Congruence of Linguistic and Socio-Cultural Divisions	154
4.4. The Standardized Language as a Symbol	166
4.5. Duration of Contact	171
4.6. Crystallization of New Languages	173
4.7. Language Shifts	175
Notes and References	179
5. Research Methods and Opportunities	184
5.1. Need for a Broad Approach	184
5.2. Multiple Contacts as a Favorable Field of Study	186
Notes and References	189
Appendix	191
I. Effects of Bilingualism on the Individual	191
II. On the Description of Phonic Interference	198
Notes and References	210
Commentary, by Yuriy A. Zhluktenko	211
Bibliography	219
Bibliography of Soviet Publication on Language Contact Problems, by Yuriy A. Zhluktenko	246